

Александр А. Локшин

ПОЧТИ-ДВОЙНИК

Фантастические повести и рассказы

МОСКВА – 2025

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
Л73

Локшин, Александр Александрович.

Л73 **Почти-двойник:** фантастические повести и рассказы /
А.А. Локшин. – Москва : МАКС Пресс, 2025. – 200 с. : ил.
ISBN 978-5-317-07385-5

В книжку, в основном, вошли повести, рассказы и микро-пьесы, написанные в 2023-25 гг. Почти все вошедшие в сборник тексты были впервые опубликованы в Мастерской на портале Евг. Берковича. Все сюжеты повестей и рассказов (составляющих две первые части книжки) – вымышлены и не имеют ничего общего с действительными событиями, а у персонажей нет реальных прототипов. Сказанное выше не относится к материалу третьей части («Грани пошлости в литературе и искусстве»), основанному на фактах. Эта часть книжки состоит из двух критических статей автора, посвященных соответственно творчеству И. Бродского и Ю. Нагибина.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-317-07385-5

© Локшин А.А., 2025
© Оформление. ООО «МАКС Пресс», 2025

Содержание

Предисловие автора.....	6
-------------------------	---

Часть I. Две повести

Почти-двойник (фантастическая повесть; 1–9).....	7
Приключения профессора Кислощеева (фантастическая повесть; 1–16).....	24

Часть II. Рассказы 2023–2025

1. Вурдалашечка	57
2. Отказ	59
3. Икар: вторая попытка.....	61
4. Новая голова Иван Петровича.....	63
5. Бегущий.....	65
6. Тайна регтаймов	67
7. Парадокс Ферми	69
8. Экскурсия.....	72
9. Призрак.....	76
10. Котище в океане	78
11. Восстановление чувств	80
12. Спиритическое.....	82
13. Средство от ужаса	84
14. Кузьев на фоне вечеряющего неба.....	85
15. Кошка-инопланетянин	87
16. Свет желтой звезды	89
17. Биоразум и его больной зуб.....	91
18. Прививка от хохота	93
19. Пошлое преступление	95
20. Смирнягин и собачья будка.....	97
21. Штук	99
22. Глюк.....	100
23. Кногтюрин и Прекрасное Будущее.....	104
24. Безухин и Синеглазов	106

25. Обратная сторона бессмертия	108
26. Охота на Пингвина	110
27. Прошляпин и солнечная вспышка	112
28. Безосадков, Юрий Петрович	114
29. Пёс Апофиса	115
30. Фиолетовое облако	116
31. Невыносимов и инопланетяне	119
32. Луиза	121
33. Бинарное дерево	122
34. Огонечек	123
35. Жизнь восхитительна	125
36. Сдых	126
37. Будущее шепчется	128
38. Сказка о рыбке	129
39. Инициалы на дереве	131
40. Истребление Искусства	133
41. Приношение Станиславу Лему	135
42. Превращения	137
43. Обнаружение смысла жизни-2	138
44. Прикосновение к величию	140
45. Косолапов и Персеиды	142
46. Открытие Проклятушкина	144
47. Опровержение	145
48. Унизить и забыть	147
49. Господин Грюблин	149
50. Я замахнулся	150
51. История с черепахой	151
52. Жизнь зашла в тупик	154
53. Загрызуха (сказка)	155
54. Кикимора	158
55. Колясочник	159
56. Выдвижение Феи	161
57. Музыка и слово	162
58. Энцефалопатия	164

59. Кое-кто на баобабе	166
60. Горбун	168
61. Неотчетливое время	169
62. Дискуссия	170
63. Уничтожение Поэзии	171
64. Избавление от инопланетян.....	173
65. На пороге Небытия.....	175
66. Пасквиль.....	178
67. Просветление	180
68. Эксперимент «Забвение»	182
69. Нехорошо ругаться матом	184

Часть III. Грани пошлости в литературе и искусстве

1. О поэтическом глубокомыслии и пошлости (Анатолий Якобсон vs Иосиф Бродский).....	187
2. Об одной литературной мистификации (Юрий Нагибин и его «Тьма...»).....	194

Предисловие автора

В эту книжку вошли две фантастические повести, рассказы и микро-пьесы, в основном написанные в 2023–25 гг. Почти все помещенные в сборник тексты были впервые опубликованы в Мастерской на портале Евг. Берковича. Большинство рассказов тоже, как и повести, — фантастические.

Все сюжеты повестей и рассказов (составляющих две первые части книги) — вымышлены и не имеют ничего общего с действительными событиями, а у персонажей нет реальных прототипов.

Сказанное, разумеется, не относится к материалу Третьей части («Грани пошлости в литературе и искусстве»), основанному на фактах. Эта часть книжки состоит из двух статей автора, посвященных соответственно творчеству Иосифа Бродского и Юрия Нагибина.

*Автор,
Москва, апрель 2025 г.*

Часть I

ДВЕ ПОВЕСТИ

ПОЧТИ-ДВОЙНИК

(фантастическая повесть, 1–9)

Почти-двойник-1 (Бегство с Земли)

Как случилось, что мне пришлось срочно покинуть Землю и прибыть на Гвалтнарбею? Меня оклеветали, и пришлось, к сожалению, бежать. Знаете ли, все дело в моей профессии. Я — специалист класса «А» по поиску пропавших зверьков, прежде всего — кошек и собак. Моим методом почти никто, кроме меня, не пользуется. Но что же, собственно говоря, я делаю? Применяю ли какой-то особенный поисковый алгоритм? Этого я вам не скажу — потому, что сам не знаю. Обычно мне дают понюхать любимую игрушку пропавшего животного, и я временно отключаюсь... Потом мы вместе с хозяевами идем туда, куда меня влечет мой внутренний голос. Как правило, я не ошибаюсь, и мелкий домашний негодяй обнаруживается... Гонорары мои, надо сказать, вызывали определенную зависть у менее удачливых коллег... Я был, если так можно выразиться, звездой в этом бизнесе.

Отчего же мне так всегда везло? Видимо, удавалось квантово запутаться с пропавшим зверем, а остальное — всего лишь дело техники.

И вот, кто-то распустил слух, что причина моего успеха — не природный дар, а сговор с похитителями животных. Видите ли, я чуть не угодил в тюрьму на Земле...

Как же мне удалось вовремя смыться? Очень просто — проходя мимо полицейского участка, я потянул воздух носом, затем присел на лавочку и отключился минут на пять... Дальнейшее, как я вам уже сказал, было всего лишь делом техники. Скорее всего, я квантово запутался — даже не знаю с кем (возможно, с секретаршей) — и почувствовал, что пора бежать. Почему я выбрал именно Гвалтнарбею?

Это легко объяснимо.

Во-первых, именно туда был ближайший рейс.

А во-вторых, если вы не знаете, тогда было принято считать, что Гвалтнарбея — почти точная копия Земли, а ее жители — «почти дубли» землян.

Это «общепринятое мнение» оказалось, конечно, почти полной чушью.

Признаюсь, я рассчитывал применить свой скромный дар и здесь, на новом месте. Однако вскоре выяснилось, что домашние животные на паршивой планете вообще не сбегают от своих бессердечных хозяев. Которые держат их дома в стальных клетках, а гулять выводят в особо прочных кандалчиках...

Вскоре мои межгалактические деньги закончились, и угроза голода нависла надо мной.

К счастью для меня, на Гвалтнарбее нередко пропадают люди... Поскольку мой дар никуда не делся, я решил применить его на новом поприще, еще не представляя себе, с каким риском и с какими сложностями это может быть связано.

Прежде чем предлагать свои услуги по поиску пропавших людей, я решил на всякий случай найти своего гвалтнарбейского почти-двойника (не будучи уверен в его существовании). Наверно, так следовало сделать сразу по прибытии на эту жуткую планету; тогда мне было бы намного проще сбежать оттуда, например, на Альфу Центавра...

Итак, хорошенько понюхав местный воздух, а также самого себя, я присел прямо на тротуар и впал в легкий транс, примерно

на полчаса. Выйдя из этого состояния, продолжавшегося необычно долго, я с удивлением понял (а вернее сказать — ощутил), что мой почти-двойник действительно существует, и это, увы, сам Правитель жутковатой планеты. Обрадовавшись (совершенно напрасно) такому обстоятельству, я тут же отправил своему почти-двойнику мысленное послание, которое продублировал в виде обычной депеши (пришлось зайти в почтовое отделение).

На выходе я был немедленно арестован, без предъявления какого-либо обвинения. Двое местных мордоворотов заломили мне руки, надели наручники, зачем-то огрели кулаком по голове и бросили в сырой подвал.

Там, в одиночестве, у меня появилось время осмыслить сложившуюся ситуацию. Погрузившись еще пару раз в транс, я понял, что мы с Правителем изрядно квантово запутаны и при этом обладаем (в некотором смысле) одним и тем же набором качеств. Какие-то качества (например, трусость) у нас развиты одинаково хорошо, другие же, напротив, находятся, так сказать, в противофазе. Например, я исключительно худощав и равнодушен к еде, а он (я увидел это мысленным взором) — идеально упитан и притом чудовищный гурман. И так далее... Все вышесказанное помогло мне погрузиться в его характер и с большой точностью воссоздать образ его мыслей. Не без горечи уразумел я, что именно он организовывал похищения людей ради собственного развлечения и удовольствия. А потом — некоторых отпускал, а прочих — бросал на съедение крокодилам...

(Жители, как я узнал позднее, в нем за это души не чаяли и одновременно ненавидели, что меня ничуть не удивило.)

Все это не предвещало мне ничего хорошего.

Но время шло, никто не приносил мне никакой еды; а воды — за исключением скопившейся в луже посреди камеры — тоже не было. Повсюду шныряли крупные, упитанные крысы, смотревшие на меня с вожделением.

Добавлю, что в наручниках отбиваться от крыс мне было крайне неудобно...

Я начал уже думать, что дела мои плохи, но вовремя вспомнил о своем даре и попросил крыс принести ключи и снять с меня наручники, а также раздобыть немного еды.

Все это было немедленно исполнено моими новыми друзьями.

Поев голландского сыру со свежим белым хлебом и запив свой нехитрый обед водой из лужи, я почувствовал себя значительно лучше и принялся делать гимнастику. Признаюсь, на какое-то время я даже забыл, что нахожусь в тюрьме на чужой планете.

Внезапно железная дверь открылась, и двое мордovorотов поволокли меня в королевский дворец. В последний момент я успел шепнуть своим крысам слова благодарности...

Не стану описывать грубое и бесцеремонное обращение, которому я подвергался по дороге во дворец. Возможно, так вообще принято на Гвалтнарбее, а может быть — я был удостоен таким обращением, как особо опасный преступник?

Короче, меня бросили на мраморный пол прямо перед моим собственным почти-двойником, восседавшим на золоченом стуле.

Видимо, я должен был стать на колени, но почему-то не смог этого сделать и начал осторожно подниматься на ноги...

Тотчас же один из мордovorотов, сопровождавших меня, взмахнул тяжелой кувалдой, намереваясь разmozжить мне голову.

Я инстинктивно дернулся влево, и скользящий удар всего-навсего порвал мой костюм и расцарапал мне плечо. (Я успел заметить, что мраморная плита на полу раскрошилась от могучего удара.)

Но главное было в другом. Одновременно со мной дернулся (но не влево, а вправо) мой царственный почти-двойник, при этом он схватился за правую руку и заверещал от боли...

Наступило всеобщее оцепенение.

— Послушай, Правитель, — сказал я ему, окончательно поднявшись на ноги, — если убьешь меня, тут же умрешь сам. Мы с тобой квантово запутаны. Посмотри на свои запястья — они опухли оттого, что я три дня проторчал в твоих гнусных наручниках. В твоих же интересах выслать меня отсюда куда подальше и обеспечить мне там долгую счастливую жизнь. Чтоб я мог заниматься любимым делом — искать пропавших кошек, собак и мышей...

Вот, что я сказал ему. Прямо вот так, взял и сказал.

Так я и попал сюда, на этот астероид. Пищу, воду и книги мне регулярно привозят. Но заняться тут абсолютно нечем, ибо никаких животных тут нет. Но зато имеется круглосуточное видеонаблюдение.

Побег, как я выяснил, почти невозможен.

С ума можно сойти от безделья...

Попробую выписать с Гвалтнарбеи крыс для общения и душевного равновесия. А еще потребую себе книгу одного местного автора — недавно расстрелянного — «Осмеяние тиранов». Конечно, он (мой двойник) не откажет, опасаясь, что я как следует вмажу себе кулаком в глаз.

30 июня 2024 г.

Почти-двойник-2 (Бегство с астероида)

Как вы, наверно, помните, я оказался на астероиде, вблизи Гвалтнарбеи, заключенный под непроницаемым куполом... И все это — по воле глупого тирана, моего почти-двойника, который не стал меня казнить (из опасения умереть самому вследствие нашей с ним квантовой запутанности). Отпустить меня просто-напросто на волю, на все четыре стороны он не пожелал, будучи человеком от природы злобным и ничтожным.

Впрочем, пищу и книги доставляли мне регулярно, поскольку Его ничтожное Величество боялся, что я, в случае отказа выполнить мои насущные требования, что-нибудь сделаю над собой, вредное для его гнусного здоровья.

Таким образом, примерно раз в неделю ко мне на астероид прибывала команда из двух служивых гвалтнарбейцев, довольно безвредных и запуганных, и привозила все, что моей душе было угодно.

Как-то раз эти несчастные даже доставили мне моих любимых крыс, благодаря которым я выжил в свое время в тюрьме.

Вместе с дорогими моему сердцу крысами жить и впрямь стало веселее, но мысль о побеге не оставляла меня.

Признаюсь, я много времени проводил за чтением классической и современной гвалтнарбейской литературы (в том числе — запрещенной), откуда, в частности, узнал, что на этой недоделанной планете жители друг с другом общались исключительно с помощью шантажа.

Оказалось, что в течение столетий в начальной школе существовали обязательные курсы, с названиями вроде «Угрожаем правильно» и «Азы подлости». В университетах же имелись более серьезные спецкурсы типа «Шантаж в дружбе, любви и семейных отношениях» и подобные этому. Попалась мне и тощая, зачитанная до дыр книжонка из серии «Философия вымогательства», где автор объяснял на примерах, как обратить чужой шантаж в свою пользу...

Идеи, содержащиеся в ней, в конце концов помогли мне обрести уверенность и совершить долгожданный побег.

Произошло это в один прекрасный (без преувеличения) день, когда к моему астероиду причалила ракета с припасами — свежей натуральной едой для меня и крыс, а также с выпивкой и книжными новинками для меня.

— Заходите, господа, — пригласил я обоих прилетевших снабженцев под свой защитный купол, — будьте как дома, угощайтесь!

Все дальнейшее было делом техники.

— Видите ли, — объяснил я им, когда они достаточно захмелели, — сейчас вам придется связать друг друга веревками и надеть на себя наручники, которые у вас, к счастью, всегда имеются...

У несчастной парочки глаза полезли на лоб от моего предложения, но я помахал перед их носом «Искусством шантажа» и объяснил положение, в котором они, увы, оказались.

— Все дело в том, — сказал я им, с некоторой грустью в голосе, — что если вы не выполните мою скромную просьбу, то я причиню себе такие увечья, что вы оба, когда вернетесь домой, будете немедленно казнены. Почему? Да потому, что мы с Его ничтожным Величеством квантово запутаны, и он испытает те же мучения, что и я... А может быть, даже бóльшие!

Так я вырвался на свободу... Крыс, конечно, взял с собой.

С тех пор меня неустанно мучает совесть — что случилось с обоими служивыми гвалтнарбейцами, которых я оставил связанными под куполом на астероиде.

Со временем муки совести ослабевают, но, увы, не прекращаются...

29 декабря 2024 г.

Почти-двойник-3 (Возвращение на Гвалтнарбею. Договор с Правителем)

Войдя в ракету-челнок вместе со своими голохвостыми друзьями, я сразу понял, что топлива хватит только на то, чтобы вернуться на постыльную Гвалтнарбею. К тому времени я уже знал, что улететь с Гвалтнарбеи на какую-нибудь другую приличную планету стало нереально по многим причинам.

Включив автопилот, я все же вручную немного изменил курс. Не будучи достаточно искушен в пилотном деле, я, конечно, сильно рисковал. Однако в результате мы благополучно приземлились не на космодроме имени Правителя, а на цветущей лужайке в зеленом лиственном лесу. Крысы мои тут же разбежались, помахав мне на прощание своими лысыми хвостами. Да мне и не было смысла их удерживать...

Скорее всего, мы расставались навсегда.

Итак, я остался один в безлюдном незнакомом месте, на дурацкой планете, без средств к существованию.

Горькие мысли пришли мне в голову. Позади полжизни, прожитой зря. Впереди — неизвестность, в равной степени противная и печальная.

Голод уже давал о себе знать. Съев пару местных слабо-ядовитых ягод, я внезапно услышал внутри головы омерзительный голос Правителя.

— Сан-Санг, немедленно сдавайся патрулю, который выслан за тобой, и возвращайся в тюрьму, — приказывал он невыносимо начальственным тоном.

— Не вздумай увиливать! — продолжал требовать он. — Подумай, если будешь медлить или скрываться, я прикажу уморить

голодом тех двоих ... Там, на астероиде... И еще кого-нибудь в придачу. Они погибнут по твоей вине! В страшных мучениях! (Тут он засмеялся жутким старушечьим смехом.)

Но я, начитавшись «Искусства шантажа», уже представлял себе, как нужно ему отвечать.

Не посылая своему почти-двойнику никакого мысленного сигнала, я сорвал острый шип с вечнозеленого куста и загнал этот шип себе глубоко под ноготь...

Почти сразу же вновь внутри моей головы раздался омерзительно-плаксивый голос моего почти-двойника:

— Умоляю, не делай так больше... Никого не буду морить голодом... В тюрьму можешь не возвращаться, только обещай, что больше никогда, никогда так не будешь делать!

Это меня вполне устраивало. Довольно скоро я выторговал у него (пришлось еще пару раз загнать себе шип под ноготь) место учителя в начальной школе и неплохую, по местным меркам, зарплату.

У меня даже возникло странное чувство, что если бы я захотел, то смог бы (с помощью квантовой запутанности и шипа) управлять здешним государством, но я отогнал от себя эту зловредную мысль.

Управлять другими людьми, отвечать за их беды, горести и радости — нет, это не для меня. К тому же ментальность местного населения меня несколько смущала...

Опущу свои переживания на пути из прекрасного вечнозеленого леса к человеческому жилью.

Выйдя из чащи, я оказался на окраине небольшого городка, где устройство на работу прошло подозрительно гладко.

(Расслабившись, я не придал этому никакого значения.)

Директорша, встретившая меня на пороге школы, была любезна до подобострастия и первым делом спросила, какой предмет мне было бы желательно преподавать местным любознательным деткам.

— Могу читать лекции об эмпатии млекопитающих, пресмыкающихся и насекомых, — скромно ответил я, а потом добавил:

— Тема свободной воли у высших растений тоже мне близка... Особенности альтруизма у покрытосеменных...

— Хорошо, — сказала директорша, приторно улыбаясь, — так и запишем: «Предпосылки культуры подлости в животном и растительном мире»...

Признаюсь, что такой поворот темы меня ошеломил, но я взял себя в руки и сделал вид, что всем доволен.

Мысли путались, я плохо соображал... Меня шатало... Сменить работу, но на что? Я догадывался, что везде меня ждет примерно одно и то же.

Каюсь, чуть было не выбрал я путь приспособленца...

Мысленно я обратился за помощью к своим замечательным друзьям и услышал внутри своей головы:

— Не отчаивайся, что-нибудь придумаем для тебя. Держись только подальше от людей.

2 января 2025 г.

Почти-двойник-4 (Первая встреча с Чу)

... И все же сразу ускользнуть из цепких лап директорши мне не удалось. Неожиданно она взяла меня под руку и провела в учительскую, где в мою честь намечалось торжественное чаепитие.

— Наш новый учитель, господин Сан-Санг, — сказала директорша, улыбаясь множеством острых зубов, — ценный кадр, за которого мы уцепимся; он позволит нам, наконец, преодолеть и добиться! Такого кадра мы точно не упустим!

Чаепитие, впрочем, быстро закончилось, и я оказался за одним столом рядом с очаровательной молодой (моложе меня лет на 20) женщиной по имени Чу-Чунг. Природные способности мои мигом обострились, и я сразу понял, что... Впрочем, неважно, что я понял.

— Не хотите ли помочь мне с доносами первоклашек на своих родителей? — спросила она нежным голосом.

Устоять было невозможно, и мы вдвоем принялись за проверку.

Первое, что мне бросилось в глаза, это то, что все доносы были подписаны учениками...

— Надеюсь, они подписываются не своими фамилиями, а чужими? — спросил я у своей новой приятельницы.

— К сожалению, это не так, — смущенно ответила она. — Мы были вынуждены просить детей подписываться своими фамилиями, так как иначе возникает путаница с отметками, а главное — бесполезным оказывается исправление ошибок...

— Видите ли, дорогая, — возразил я ей, — путаницы с отметками не возникнет, если пригласить в школу опытного графолога. А что касается орфографии доносов, то тем более я с вами не согласен. Чем там больше ошибок, тем лучше! Какой смысл их исправлять?

— Не знаю, как вас благодарить, — сказала моя милая коллега, и мы продолжили проверку.

Почти все доносы были одинаковы и начинались так:

«Мой папа клеветнически восхвалял жителей иностранного государства...»

— Странно, — сказал я, — у вас на планете существует только одно государство, так что непонятно, о чем в доносе идет речь. Такой донос может не сработать, однако его легко подправить, добавив всего лишь одно слово:

«Мой папа клеветнически восхвалял жителей гипотетического иностранного государства...»

Такой донос подействует наверняка!

— Если бы не видеокамера, я бы вас расцеловала, — прошептала Чу-Чунг.

— И здесь не вижу проблемы, — сказал я мужественным голосом и залепил видеокамеру куском жвачки, прилипшим к нижней поверхности стола.

После чего мы с энтузиазмом поцеловались. Однако счастье наше длилось недолго, т.к. краем глаза я успел заметить, что кусок жвачки отвалился от видеокамеры.

— Для меня это катастрофа, — воскликнула Чу-Чунг и зарыдала. — Теперь меня точно выгонят с работы! А вас...

— Милая, — ответил я ей, — за меня не беспокойтесь! А вот вам придется написать на меня донос... Пишите, что я иностранный шпион, тогда вас не только не уволят, но даже повысят!

С этими словами я, не чувствуя за собой никакой вины и не оборачиваясь, вышел наружу из учебного заведения, с тем чтобы больше никогда туда не возвращаться.

9 января 2025 г.

Почти-двойник-5 (Путешествие на Феррумглею)

Закрыв за собой дубовую школьную дверь, я отправился куда глаза глядят. Не стану рассказывать о своих многочисленных злоключениях, в результате которых я оказался в багажном отсеке одной из списанных ракет класса «Б» и прибыл на землеподобную Феррумглею. К счастью для меня, двое из числа моих голохвостых друзей (Лысохвост и Милохвостка) были рядом со мной. Путешествие наше на этом корабле, двигавшемся на автопилоте с околосветовой скоростью, к счастью, продолжалось не более недели; продлилось оно чуть дольше, мы бы точно умерли с голоду или от жажды, ибо весь груз корабля был абсолютно несъедобен и состоял из каких-то железяк.

Выбравшись после приземления наружу, мы все трое были потрясены буйством цветущих растений.

Мне сразу же захотелось узнать, действует ли здесь мой природный дар.

К моему удивлению, мгновенно удалось квантово запутаться с местными великолепными растениями, от которых я услышал нечто странное:

— Как хорошо, что вы такие же, как мы...

Эту странную фразу местные травы, цветы и деревья твердили мне хором и никак не могли остановиться...

— Конечно, хорошо, — отвечал я им, запинаясь.

Признаюсь, я даже испугался, на мгновение представив себе, что пришлось бы от них выслушать, сорви я или мои друзья хотя бы одну травинку...

Но я отогнал от себя эти мрачные мысли, и мы, съев несколько плодов, похожих на бананы, отправились вперед, навстречу неизвестности.

По дороге нам встретилось несколько местных непонятных семиногих животных, которые при виде нас в ужасе разбегались.

Я постарался включить свой дар на всю катушку, но ни с кем из этих зверей квантово запутаться не удалось из-за объявшего их безумного страха.

Мои голохвостые друзья были, как и я, поражены такой реакцией на нашу безобидную компанию.

— Чего они так испугались? — спросили меня мои друзья, но я ничего не смог им ответить.

Примерно за полчаса добрались мы до небольшого уютного городка; местная архитектура радовала глаз разнообразием форм, напоминавших математические поверхности — сфероиды, мебиусы и квазиконусы.

А вскоре мы увидели, наконец, группу местных жителей, стоявших прямо у нас на пути. Внешне феррумглейцы мало чем отличались от людей, но что-то настораживало в выражениях их неподвижных лиц.

— Добрый день, господа, — мысленно приветствовал я их, но не заметил никакой реакции. Люди, неподвижно стоявшие группой, не желали нас замечать, глаза их были устремлены куда-то вдаль...

Должен сказать, это подействовало на меня ужасно. Я отчетливо осознал, что с этими почти-людьми невозможно квантово запутаться и говорить с ними не о чем, ибо у них полностью отсутствует чувство собственного «я». Что они, как говорится, лишены субъектности, которая на этой планете вся сосредоточилась в животном и растительном мире.

— Отчего же так произошло? — мысленно спросил я своих друзей.

— Видишь ли, Сан-Санг, к этому все идет и у нас на Гвалтнарбее, — ехидно заметил Лысохвост, — если слишком долго от чего-то добровольно избавляться, оно потом само исчезает и не возвращается...

10 января 2025 г.

Почти-двойник-6 (Отбытие с Феррумглеи)

Через пару дней я и мои друзья, частично обжившись на Феррумглее, поняли, что управляется эта планета Единым растительным разумом, не учитывающим интересы семиногих животных, находящихся тут на положении изгоев. Что касается местных бессубъектных людей, то у них вообще не было никаких своих интересов, вследствие отсутствия у них чувства собственного «я». (Кстати, в еде и питье они не нуждались, черпая энергию из ураново-ториевых батарей.)

Чувствовали мы себя здесь прекрасно, единственно, чего мне не хватало, так это возможности поговорить об искусстве. Голохвостые друзья мои, как выяснилось, были равнодушны ко всем видам искусства, вместе взятым.

Что касается местных растений, то они, напротив, оказались крайне чувствительны, хотя вкусы наши, к сожалению, разошлись.

Как-то раз я, расхрабившись, прочел местным осинам, травам и баобадам свой бесхитростный рифмованный опус... Но был не только не понят, но даже подвергнут суровому осуждению за свой дурной, по их мнению, вкус. (Я так и не понял, что именно им так не понравилось.)

Более того, вскоре выяснилось, что некий незаслуженно знаменитый Поэт, которого я считаю значительно ниже себя по уровню мастерства, вызывает у них неподдельный восторг. (Имя этого Поэта я на всякий случай не разглашаю, опасаясь ярости его разнузданных поклонников.)

В результате, оставаться на Феррумглее мне стало более невозможно; мои верные друзья, посоветовавшись, решили лететь вместе со мной.

На этот раз мы загрузили в наш просторный межзвездный корабль огромное количество провизии — бананов, ананасов, персиков, груш, яблок и слив. Я не смог придумать ничего лучшего, чем лететь обратно на Гвалтнарбею...

Тут надо добавить, что нам снова предстояло путешествовать с околосветовой скоростью. Пробыли мы на Феррумглее не

больше недели, еще пару недель занимает дорога в оба конца, но сколько времени пройдет там, откуда мы прибыли?

Почти-двойник-7 (Снова на Гвалтнарбею)

Вернувшись на недавно покинутую нами Гвалтнарбею, мы сразу же почували неладное.

Космопорт был в страшно запущенном состоянии; пыльные понурые травы тянулись вдоль его дорожек, какие-то невеселые люди в помятых одеждах толпились у расписания прилетов. Наше появление заинтересовало двух-трех зевак, но больше никто даже не повернул голову в нашу сторону.

Глядя на табло прилетов, я с ужасом осознал, что за время нашего отсутствия здесь прошло тридцать лет. Мои друзья, когда узнали об этом, загрузили и, тепло попрощавшись со мной, помчались разыскивать своих родственников.

Я присел на лавочку и, включив все свои способности, погрузился в глубокий транс.

И вот, что я сумел узнать, квантово запутываясь с самыми разными жителями Гвалтнарбеи.

Оказывается, Правитель умер десять лет тому назад, передав свою власть младшей из жен, в которой я, к своему изумлению, узнал милостивую Чу-Чунг, которую до сих пор не мог забыть...

Потрясенный своим открытием, я постарался отправить ей свое мысленное сообщение:

«Дорогая, помнишь ли ты меня? Помнишь ли, с каким воодушевлением мы вместе проверяли детские доносы? Сейчас я сижу на лавочке у ворот Космопорта, без гроша в кармане и не знаю, куда мне дальше идти...»

Ждать мне пришлось недолго. Не прошло и пяти минут, как три мордоворота набросились на меня, заломили руки за спину, огрели вдобавок чем-то по голове и в полу-скрюченном состоянии поволокли в подвал, в котором я уже когда-то имел честь находиться...

11 января 2025 г.

Почти-двойник-8 (В ожидании казни)

Подвал, в который меня снова бросили, за последние 30 лет еще больше обветшал и отсырел. Лужа на полу имела совсем уж неприглядный вид, по стенам буйно разрослась черная плесень, прикрывавшая выцарапанные проклятия в адрес Повелительницы, моей мимолетной подружки...

Лысохвост и Милохвостка, которым я сразу же послал сигнал о своем скверном положении, примчались на помощь, не успев даже как следует пообщаться со своими родственниками. Пласт-массовые наручники были быстро перегрызены; свежий хлеб, бананы, виноград — все это лежало передо мной как свидетельство их дружеских чувств, для которых почти не существовало преград.

Конечно же, с первой минуты своего заточения стал я думать о побеге. Однако усиленная охрана перед дверью, а также по периметру здания (о чем мне любезно сообщили мои друзья), делала побег невозможным.

Погрузившись в глубокий транс, попытался я квантово запутаться с Чу-Чунг до такой степени, чтобы она сама захотела меня освободить, неважно — из эгоистических или еще каких-нибудь соображений.

Однако попытка моя не удалась; единственное, чего я добился — узнал от Чу, что казнь моя назначена на завтра.

Мои дорогие друзья так объяснили причину постигшей меня неудачи:

— Видишь ли, Сан-Санг, — хором выразили они мне свое сочувствие, — дело в том, что твоя Чу не снимая носит на голове корону из сплава платины с иридием. Твое квантовое послание почти целиком запутывается в короне, не достигая цели...

Признаюсь, провел ночь перед казнью, не смыкая глаз. Друзья мои, как могли, утешали меня, видя, как я с трудом примиряюсь с мыслью о неизбежной близкой смерти. Даже мужественный Лысохвост украдкой смахивал набежавшую слезу своим хвостом, а про Милохвостку — и вовсе говорить нечего, она, мысленно прощаясь со мной, откровенно рыдала в три ручья.

И вот, ужасающее «завтра» в конце концов наступило. В яркий солнечный полдень я стоял на помосте и безучастно наблюдал, как палач в красном капюшоне с прорезями для глаз надевает мне на шею петлю, а корона на голове Повелительницы, сидящей в специальной ложе, блестит в солнечных лучах.

Внезапно меня посетило совершенно аморальное желание заставить палача переместить петлю с моей шеи на свою собственную.

— О, нет! — мысленно взмолился палач, возлагая петлю на собственную шею, — у меня жена и трое детей! Кто их прокормит, если меня не станет?

— Мне жаль, — мысленно ответил я ему, — но чем я могу вам сейчас помочь?

— Немедленно остановитесь, — грубым голосом закричала Чу, выбегая из своей ложи; при этом ей пришлось, чтобы не упасть, буквально на пару мгновений снять корону с головы и понести ее в руках.

Этого для меня оказалось достаточно.

Мы смотрели друг на друга, не в силах оторваться от нахлынувших воспоминаний — столь недавних для меня и невозможно далеких для нее.

Я вглядывался в ее постаревшее лицо, еще сохранившее остатки былой красоты и при этом обезображенное годами власти. Я был не в состоянии ее поцеловать...

22 января 2025 г.

Почти-двойник-9 (Эпилог)

Но Чу сама проявила инициативу. Описать чувства, которые я при этом испытал, словами невозможно. Смесь отвращения и нежности нахлынула и не отпустила...

Зрители, заполнявшие площадь, внезапно упали на колени, и раздался глухой гул голосов, окончательно ошеломивший меня:

— Сан-Санг, будь нашим Повелителем!

— Как это прикажешь понимать? — спросил я у дрожащей Чу, повисшей у меня на руках, но не получил никакого ответа.

Палач, осмелев, скинул с себя петлю вместе с капюшоном и оказался интеллигентным молодым человеком в очках, похожим на подрабатывающего студента. Он расслышал мой вопрос и все объяснил:

— Видите ли, Ваше Величество, этим людям кажется, что происходит слишком мало казней. Они надеются, что при Вас положение исправится.

Встреча на эшафоте

23 января 2025 г.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ПРОФЕССОРА КИСЛОЩЕЕВА

(фантастическая повесть, 1–16)

1. Профессор в больнице

Видите ли, — сказал проф. Кислощев, пугливо озираясь, — я, наконец-то, придумал, как отличить живое от неживого! Ведь это основная проблема современной науки... Заодно я, кстати, даю осмысленное определение того, что такое жизнь. «Жизнь, — говорю я, — это то, что можно убить».

— Ой, уморил! — захохотал тогда Пал Лаврентьич лежа на соседней койке. — Кислощев, ты дурак и вонючий сумасшедший. Пшел вон отсюда, с глаз моих долой.

(А Пал Лаврентьич, вообще-то, очень, очень хороший человек.)

Но мне стало жалко Кислощева, к которому никто еще ни разу не приходил; передач он тоже никаких не получал.

И я тогда говорю:

— Пал Лаврентьич, ваш уровень, конечно, высокий очень, не то, что у нас. Ну, жалко же все-таки человечка. Пусть говорит, что хочет. Нам с ним тут еще две недели валандаться...

Он отвечает:

— Зеленый ты еще, Петя. Твоего Кислощева я бы в палату для психов навечно перевел. Пожизненно. Будешь с ним еще общаться, уважение мое потеряешь.

Я говорю:

— Пал Лаврентьич, я же не нарочно, не хотел вас обидеть, честное слово. Я же знаю, вы больше обо всем знаете в силу образования и служебного положения...

Но он не стал меня даже слушать и вышел в коридор свежим воздухом из окошка подышать.

И тут Кислощев, представьте себе, говорит:

— Вот и хорошо, сейчас я тебе, Петя, доскажу свою мысль. Вот тело человеческое, оно питается всякой едой, уж это ты хорошо понимать должен в своем возрасте. А человеческое «Я» питается

информацией. Уже скоро это будет основным вопрос — жива ли какая-нибудь железяка с проводочками внутри и нужно ли с ней уважительно обращаться (ну, как ты, к примеру, с Лаврентьичем) или это мертвая хрень...

Я отвечаю:

— Слушайте, Кислощев, ну что вы такое несете? Разве может железяка быть живой?

Тут Кислощев понизил голос и говорит:

— Вот, пока этот не пришел, я тебе скажу. Может. В принципе — это не запрещено. А все, что не запрещено, то разрешено! И права андроидов тоже надо будет прописать в Конституции!

Ну, тут, конечно, произошла небольшая неприятность.

Оказывается, Пал Лаврентьич за дверью стоял и все случайно слышал. Мне прямо аж дурно стало.

Он вошел и ка-а-к даст Кислощеву в ухо. (Тот прямо-таки отлетел к стенке, чуть столик с пробирками не перевернул.)

Дал, значит, Лаврентьич ему в ухо и вышел в коридор. Я, естественно, выскочил за ним и говорю:

— Пал Лаврентьич, вы только не думайте... Мы ни о чем таком... Вы же меня знаете...

А он ничего не ответил, только посмотрел строго в глаза и улыбнулся.

2018–2019 г.

2. Кислощев и теория Большого взрыва

...Оказалось, что проф. Кислощев просто-напросто скрывался на даче, а вовсе не был на этот раз отправлен в психушку. На перемене мы окружили старика и, стараясь держаться дружелюбно, решили, наконец, посадить его в калошу.

— Послушайте, профессор, — сказал кто-то, — есть же в вики куча определений жизни. И что, ни одно из них вам не нравится?

Кислощев сморщил нос и пробубнил:

— Никакие это не определения. Это описания внешних необязательных признаков жизни. Даже собранные все вместе, они не приближают нас к пониманию предмета.

— Хорошо, — влез в разговор еще кто-то, — пусть так. Вы, наверно, хотите сказать, что понятие «жизнь» в принципе неопределимо?

— Ни в коем случае, — откликнулся Кислощев, — вовсе я не хочу этого сказать. Напротив, я хочу предложить свое собственное определение. Вот оно, слушайте:

Жизнь — это такое свойство материальных объектов, которое не может быть охарактеризовано в терминах современных естественных наук.

— Какое-то странное определение, — сказал я. — В нем не упоминается ни питание, ни размножение, ни эволюция... Оно смахивает на признание полной невозможности определить жизнь...

— Я не считаю это определение окончательным, — милостиво изрек Кислощев, — но оно уж, во всяком случае, лучше остальных известных мне определений. Оно хотя бы не вводит студента в заблуждение, отождествляя понятие «жизнь» с понятием «самовоспроизводящийся автомат». В математике определения, подобные моему, используются на каждом шагу, и никто почему-то не возражает.

— Хотелось бы услышать соответствующий пример, — сказал кто-то из гуманитариев.

Но подловить Кислощева на откровенной безграмотности в этот раз не удалось. Он ответил:

— Откройте учебник евклидовой геометрии и поищите там определение скрещивающихся прямых.

Все внезапно замолчали, обдумывая, к чему бы прицепиться, чтобы поставить, наконец, Кислощева на место.

— Профессор, откуда все-таки вы взяли, что жизнь — это что-то особенное? Давайте согласимся с Хокингом, что мы — биороботы. Ваше определение тогда тут же лишится области применения, и настанет всеобщее...

— Помутнение мозгов, — закончил фразу Кислощев. — Каждый из нас знает про себя, что является живым существом, а не машиной. Кстати, здесь имеется любопытный момент. Он связан с тем, что жизнь любого, даже самого твердолобого атеиста ежесекундно наполнена верой...

— Как? — закричали мы хором. — Это уж вы через край хва-
тили, профессор!

Он в ответ улыбнулся и промямлил:

— Странно, господа, что вы этого не замечаете. Тем более, что
я вас аккуратно подвел, так сказать, к отгадке. Каждый психически
нормальный атеист по умолчанию считает, что люди, с которыми
он имеет дело, — живые (а не только он один живой среди биоро-
ботов). Но это именно акт веры, причем веры глубокой, проявля-
ющей себя непрерывно, так сказать, 24 часа в сутки... Никаким
«научным доказательством» того, что окружающие его люди дей-
ствительно живы, среднестатистический атеист не располагает.

— Странно, — сказал кто-то из нас, — и вообще непонятно,
как с этим знанием дальше жить. Получается какой-то тупик.

— Это я вам еще самого главного не рассказал, — продолжал
Кислощев. — Вот можно с высокой степенью вероятности утвер-
ждать, что «я» каждого человека на протяжении всей его жизни
остается неизменным и, следовательно, отвечает некоторому «за-
кону сохранения». Но это, в свою очередь, значит, что «я» каждого
человека существовало еще до его рождения и продолжает суще-
ствовать после распада физической оболочки...

— Вы, Кислощев, — не выдержал я, — злоупотребляете фи-
зическими понятиями (вроде закона сохранения), в которых ни
черта не смыслите! Человеческое «я», если допустить его прибли-
зительную неизменность на длительном промежутке времени, —
это всего лишь адиабатический инвариант физического процесса.
Когда процесс заканчивается, инвариант перестает существовать.

Кислощев как будто даже обрадовался моему выпад в его
адрес:

— Речь идет именно о законе сохранения, а не об инварианте, —
прошамкал он. — Если бы мы имели дело всего лишь с инвариан-
том, то столкнулись бы с тем, что два разных человека могли бы
одновременно обладать одним и тем же «я». Но этого, мне кажется,
допускать не следует. Так что последнее возражение я отвергаю.

Тут большая часть нашей компании, не выдержав ученого
спора, отправилась в буфет. Осталось, наверно, человек пять самых
стойких; Кислощев окинул нас грустным взором и продолжал:

— Вот теперь мы подоברались к самому главному. Как согласовать обнаруженный закон сохранения «я» с теорией Большого взрыва? Естественно предположить, что, подобно частицам материи и антиматерии, во время Большого взрыва одновременно образовывались «я» и «анти-я», которые при встрече должны аннигилировать...

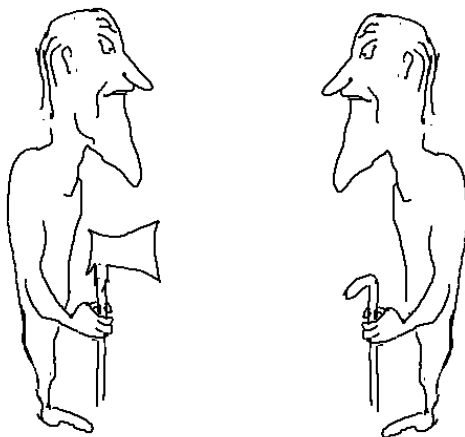
— Успокойтесь, профессор, — перебил его я, — мы знаем, что, когда вы подходите к этому вопросу, то всегда начинаете волноваться, и у вас поднимается давление. Вы можете быть уверены, что среди тех, кто остался вас послушать, антилюдей нет, и сегодня никто ни с кем не аннигилирует. Такси для вас мы уже вызвали...

Кислощев не обиделся и сдержанно поблагодарил нас.

— Я антилюдей вижу издалека и стараюсь к ним не приближаться, — сказал он, взял свою палку и шапку и начал медленно спускаться по лестнице.

Спустившись на пару ступенек, Кислощев обернулся и добавил:

— Только не думайте, что аннигиляции человека с античеловеком сопутствует какой-то внешний эффект. Вы ничего не замечаете, просто они оба... (Тут он закашлялся, и последних его слов я не разобрал.)

Кислощев и анти-Кислощев

май 2022 г.

3. Дневник

После скоропостижной смерти проф. Кислощева остался его дневник, выдержки из которого я собираюсь здесь привести. Должен сразу предупредить читателя, что цитаты эти могут не вполне соответствовать взглядам, к которым профессор пришел за несколько дней до своей кончины. И все же, это было написано его собственной рукой, и уже поэтому может представлять некоторый интерес...

Кстати, слухи о том, что Кислощев был убит, кажутся мне полнейшей ерундой. Прежде всего, он никогда не лез в политику, не был он и «делателем общественного мнения». Врагов (как, впрочем, и близких друзей) у него не наблюдалось.

Это был просто безобидный старикан с некоторыми странно-стями и заскоками. Так что никакого резона убивать Кислощева (которому и без того оставалось недолго коптить небо) не просматривается.

Что обнаружили в его комнате, когда взломали дверь? Из необычного — коллекцию восточных бронзовых статуэток на столе и несколько больших черных перьев непонятного происхождения, разбросанных по комнате... Да, еще этот его дневник, из которого было выдрано множество листов, в том числе — содержащих самые последние записи.

И вот, озабоченные родственники передали изуродованный дневник мне, как бывшему ученику... Похоже, молодым Кислощевым этот документ казался бесполезным старческим барахлом.

Итак, обещанные выдержки:

«... вчера мне исполнилось 26 лет. Странное чувство переполняет меня: кто я? Какой я? Как это узнать? Возможно, все это выяснится само собой, с течением времени.»

«В чем смысл жизни? Этот вопрос считается неприличным, и он практически не обсуждается. Ответ, предложенный Вольтером (“возделывать свой огород”), кажется мне поверхностным. А зачем его, собственно говоря, возделывать? Чтобы заглушить тоску, возникающую от бессмысленности?»

«Зачем нужно искусство? Завтра мне будет тридцать, а я не знаю ответа на этот простой вопрос. Мне было бы стыдно, если бы я не догадывался, что ответа не знает никто. Для меня жизнь соседской кошки важнее, чем Мона Лиза (она же, если не ошибаюсь, Джоконда). Если бы при пожаре пришлось выбирать, кого спасать в первую очередь, я бы не колебался ни секунды».

«Меня раздражают любители Черного Квадрата. Уверен, что все они не отличили бы оригинал от грубой подделки, а также не заметили бы, что шедевр висит вверх ногами».

«Странная мысль пришла мне в голову. Что для существования искусства необходим не только художник, но и зритель (пусть даже потенциальный, возможный в отдаленном будущем). Я почему-то уверен, что самый великий и плодовитый мастер, сосланный навеки на необитаемую планету, не создал бы ничего».

«Было время, когда возраст в 56 лет казался мне предельно допустимым... Смешно.

Старость как будто отодвигается от меня в будущее. Неужели когда-нибудь она перестанет это делать?»

«В детстве фамилия Кислощев казалась мне смешной. Хорошо помню, как из-за фамилии меня дразнили сверстники, и я жаждал сменить ее на какую-нибудь другую. Сейчас я не сделал бы этого ни за какие коврижки».

«Меня волнует проблема свободы воли. Ученые, провозглашающие ее отсутствие, должны согласиться, что делают это не по своей воле, и, следовательно, прислушиваться к их мнению необязательно».

«Что такое сумасшествие? Можно ли его преодолеть усилием воли? Думаю, что в некоторых случаях это возможно».

«Кто я? Кто мы? Существуют ли предопределение и предназначение? Если на мгновение допустить, что свобода воли — это иллюзия, то предназначение и предопределение перестают отличаться друг от друга и существуют (либо не существуют) одновременно.

Но если все-таки свобода воли имеет место быть (в чем я абсолютно убежден), то предопределение и предназначение вступают в интересную сложную игру. Если, конечно, они существуют. Но

как это проверить? Нужен какой-то необычный эксперимент; жаль, что ничего стоящего не приходит в голову».

«25 декабря 1915. Я придумал...»

На этой фразе сохранившиеся записи обрываются.

2022 г.

4. Возвращение

Когда выяснилось, что Кислощев не умер, а все это время благополучно отсиживался в психушке, общественному негодованию не было предела. Особенно возмутили публику необычные черные перья, разбросанные по его кабинету. Именно из-за этих перьев по городу поползли слухи, что профессор поставил-таки какой-то несусветный эксперимент, чтобы окончательно выяснить то, о чем лучше не говорить вслух. И что в результате к нему через открытое окно влетел Черный Ангел и заклевал его насмерть. Профессор якобы отбивался, отсюда и перья...

Так вот, когда выяснилось, что Кислощев с непонятной, но явно издевательской целью инсценировал собственную смерть и что, следовательно, предсмертная борьба профессора с Черным Ангелом — всего лишь глупая выдумка, интеллигентная публика была уже готова бить стекла...

— С них станется, — сказал мне Кислощев, когда мы наконец встретились. — Еще жалобу куда-нибудь напишут, чтобы оставить меня без куска хлеба на старости лет.

— Страшные люди, — поддержал его я, — и глазом не моргнут, и вообще...

— Главное не в этом, — сказал профессор. — а в том, что они бесконечно доверчивы и ненормально зависимы от общественного мнения. В этом вся сложность. Вот только что они свято верили, что меня заклевал Черный Ангел, хотя общеизвестно, что у ангелов нет клюва. Теперь же они убеждены, что никакой Ангел вообще не прилетал... Но тогда — откуда же взялись перья?

Это безукоризненное, с точки зрения чистой логики, рассуждение буквально ввергло меня в ступор. Профессор неторопливо пил свое пиво, а я докуривал уже четвертую сигарету (несмотря на категорический запрет врачей).

— Профессор, скажите, — промямлил я после затянувшегося молчания, — так была у вас драка с Ангелом или нет? Вы его победили?

— Нет, Саня, — тонко улыбнулся профессор. — Что я — сумасшедший? Драться с ангелами — это не мое амплуа. Когда он влетел в окно, мы поздоровались и я, чтобы не терять времени, сразу же спросил его:

— Есть ли смысл в жизни?

Он, как мне показалось, утвердительно кивнул (я в этом, к сожалению, не уверен). Но вместо того, чтобы спокойно и убедительно ответить на мой вопрос, закричал:

— Немедленно убери кошку!

В результате я так и остался в неведении относительно мучившей меня проблемы...

На этом Кислощев завершил свой рассказ и снова принялся за свое пиво, а мне, наконец, стало ясно происхождение перьев. И я подумал, что эту историю имеет смысл держать в тайне. На всякий случай, поскольку всегда могут найтись недобросовестные люди, которые захотят использовать ее на пользу своим корыстным интересам.

— Послушайте, Кислощев, — сказал я, — если история с кошкой станет достоянием гласности, у вас могут быть действительно серьезные неприятности. Вам нужно ненадолго...

— В психушке меня уже ждут, — добродушно ответил профессор.

* * *

С утра я зашел к профессору, чтобы убедить его в необходимости немедленно покинуть город. Как я узнал от друзей, энтузиасты из общества «Интеллектуалы за Домашнее Насилие» собрались у Кислощева погром. Профессор сомневался, стоит ли уезжать, проявляя свою обычную нерешительность. Но тут из открытого окна мы оба увидели толпу (человек примерно в тридцать), с криками направлявшуюся в нашу сторону.

— Бежим через черный ход, — предложил я.

— Нет, Саня, — с горечью отозвался Кислощев, — не узнаю твой природный ум! Ты же знаешь, что доктора запретили мне

спортивную ходьбу из-за возможных осложнений на сердце и проблеме с голеностопным суставом. Поэтому я никуда не побегу. Ты, конечно, можешь бежать...

— Но, профессор, они же убьют нас!

— Возможно, — холодно подтвердил мои опасения Кислощев.

Тем временем толпа приближалась. Я застыл у окна в оцепенении, не зная, что делать. Чувства мои необычайно обострились из-за смертельной опасности, а сознание с фотографической точностью фиксировало дальнейшие события.

Я видел, что профессор, держа свою любимую Мурку под левой мышкой, а правой рукой опираясь на суковатую палку, начал спускаться по лестнице навстречу погромщикам.

Он остановился, сделав буквально пять шагов перед домом, и тут же толпа негодаев (во главе с Илларионом Смердевичем) окружила его.

Тут я должен особо подчеркнуть, что мне было слышно буквально каждое слово...

— Господа, — громко и отчетливо сказал Кислощев, — прежде чем вы приступите (или не приступите) к тому, ради чего пришли, я должен сообщить вам две вещи.

Первое. Я чрезвычайно обязан вам... Я ваш должник! Именно благодаря вам я узнал то, к чему стремился все годы... Смысл жизни, господа, в том, чтобы умереть с достоинством! И это можно доказать математически...

Второе. Мы с вами находимся на улице, а не в домашнем помещении. Вспомните название и устав своей организации, поддерживающей именно домашнее, а не какое-либо иное насилие. У меня все.

Воцарилась тишина, которую прорезал скрипучий голос Смердевича:

— Ты был чертовски логичен, профессор. Но мы не можем уйти с пустыми руками. Отдай нам хотя бы кошку!

Время как будто остановилось. Как поступит профессор в этот решительный момент? До сих пор он вел себя высококонечно... Но сейчас... Я даже на мгновение зажмурился, чтобы не

видеть слабости и позора своего учителя, но успел разглядеть, как профессор что-то прошептал...

— Берите, — спокойно сказал Кислощев и протянул свою любимую Мурку к самому носу Смердевича.

Что было дальше, мне трудно описать словами. К тому же, читателю наверняка все это известно из газет. Поэтому опущу подробности необъяснимого бегства погромщиков и характеристики тяжелых травм, полученных их предводителем. Расскажу лишь о том, чего не знает никто.

Поднявшись на этаж, Кислощев с некоторой грустью признался:

— Ты правильно догадался, Саня, что я воспользовался недозволенным приемом — старинным заклинанием, многократно усиливающим энергию котов. Не знаю, как бы я поступил, не будь в моем распоряжении такого средства.

2022 г.

5. Андромеда

Не прошло и двух недель после описанных мною драматических событий (см. «Возвращение Кислощева»), как ситуация вновь стала накаляться. Организовалось и зарегистрировалось Антикислощевское Общество, которое уже успело выпустить манифест под названием «Выведем кислощевщину с корнем», с кучей подписей...

Узнав об этом, я сразу же помчался к профессору, который, как всегда, был погружен в раздумья и не замечал ничего вокруг.

— Послушайте, Кислощев, — начал я, едва отдышавшись, — вам все-таки лучше уехать из этого благословенного края...

— Но почему, мой юный друг, — удивился профессор, — разве что-то серьезное снова стряслось?

Я объяснил профессору, что с сегодняшнего дня действует специальное Общество, направленное лично против него.

— Разве этого мало, чтобы уехать? — спросил я, но не заслужил никакого ответа от профессора. Тогда я добавил:

— Они уже опубликовали списки ваших коллег, которые не успели поставить свои подписи под направленным против вас манифестом...

— Саня, — возразил профессор, — почему ты так дурно думаешь о людях? Я уверен, что мои коллеги именно отказались, рискуя своим благополучием... Что значит «не успели»?

Мне пришлось разочаровать Кислощева, рассказав ему об очереди из его недавних друзей, которая ломилась в запертые двери Общества с криками: «Откройте! Мы тоже хотим подписать!»

— Все равно никуда не уеду, — улыбнулся профессор своей фирменной улыбкой. — К тому же все эти списки сейчас потеряют всякое значение. Сегодня нам необходимо сплотиться перед лицом внешней угрозы!

— Вы имеете в виду... это самое...

— Да, именно так. Это поистине смертельная угроза нашему общему существованию в данном уголке Млечного Пути...

— Но..., — попытался я вставить свое слово.

— Никаких «но», — жестко отрезал профессор. Враждебная Туманность Андромеды готовится поглотить Млечный Путь и несется сюда со скоростью сто с лишним километров в секунду. После столкновения о самостоятельности нашей Галактики можно будет забыть.

— Но, профессор, — все же решился я урезонить его, — столкновение с Андромедой произойдет не раньше, чем через четыре с половиной миллиарда лет. Какое нам до этого дело? Наплевать и забыть... нас с вами к тому времени уж точно не будет!

— К сожалению, — сказал профессор (и глаза его наполнились слезами, а голос задрожал), — молодое поколение живет сиюминутными интересами и плотскими наслаждениями, не желая думать о будущем. Молодым, вроде тебя, все равно — к какой Галактике быть приписанным. А меры надо принимать уже сейчас!

— Какие меры, профессор? — возмутился я. — Вы что, сможете остановить или направить в другую сторону целую Галактику? Вам никто не поверит, профессор. Вы станете еще более одиноким в нашем мире, чем были.

— Эх, Саня! — вздохнул Кислощев. — Не хватает тебе научного воображения и широты взглядов. Пойми, достаточно создать несколько самонаводящихся черных дыр и отправить их в нужную сторону, как от враждебной галактики не останется и следа. Ты только представь себе, выходишь летней ночью погулять, смотришь на небо... А Андромеды-то и нет!

Признаюсь, идея профессора воодушевила меня, и я спросил, не без внутреннего трепета:

— Скажите, Кислощев, а Большая Медведица нам ничем не угрожает?

— Этот вопрос нами прорабатывается, — ответил профессор. — Но не торопитесь, молодой человек, постепенно очистим весь небосклон.

2022 г.

6. Чемодан

И все-таки, Кислощев решил бежать. Что-то переклинило в мозгу великого мыслителя, и он сказал:

— Знаешь, Саня, ты — невзирая на свой юный возраст — оказался прав! Надо сматываться, пока не поздно!

— Вот видите, профессор, — обрадовался я, — иногда и от меня бывает какая-то польза...

Тут Кислощев вытащил из-под шкафа свой деревянный чемоданчик, который оказался, к счастью, пустым, и начал складывать туда самое необходимое:

«Критику чистого разума», томик стихов Набокова, «Фейнмановские диаграммы», партитуры Малера, Собрание сочинений Дилары Тасбулатовой, «Этику» Спинозы, а также трехтомник Хрюкеншпиля «Как возвыситься над идиотами» и его же «Мысли по любому поводу» in folio...

В результате в чемоданчике не только не оказалось места даже для зубной щетки, но его стало невозможно закрыть (а также поднять).

— Профессор, — сказал я, — давайте рассуждать логически. Если мы не выкинем из вашего чемоданчика что-нибудь менее

ценное, то не сможем его закрыть, и наш побег не состоится... Только представьте себе, чем это чревато!

— В том-то и дело, молодой человек, что мы столкнулись с неразрешимой философской проблемой. Все, что я положил в свой чемодан, одинаково ценно для меня. Эти произведения заменят мне дружеское общение, когда я буду прозябать в глуши, в изгнании... И выбрать что-то менее ценное я просто-напросто не смогу без помощи аксиомы выбора. А она, как недавно выяснилось, ведет к противоречию...

— Тогда предоставьте решение этой проблемы мне, — сказал я твердо и взялся за фолиант, который один занимал половину чемоданчика.

— О, нет! — вскричал профессор. — Ты не понимаешь, Саня. Это самое ценное, что здесь есть. Выбрось лучше Канта или Спинозу!

— Воля ваша, профессор, — ответил я и выкинул обоих. Но чемоданчик по-прежнему не закрывался.

— Что будем делать? — спросил я и снова взялся за фолиант.

— Нет, Саня, — сказал Кислощеев с горечью в голосе. — Выбрось Малера, Набокова, Тасбулатову и Фейнмана, но это оставь.

Я подчинился, и чемоданчик, наконец, удалось закрыть.

Но поднять его все равно было невозможно.

Тогда я попытался объяснить профессору, что — с логической точки зрения — чемоданчик нужно оставить и бежать налегке.

— Нет, Саня, — сказал Кислощеев, — как я могу оставить самое дорогое, что у меня есть? Какая судьба ждет эти драгоценные книги с трогательными дарственными надписями? Мои недруги, по своему обычаю, их сожгут. Уж лучше я останусь тут...

Слезы градом полились из выцветших глаз старого профессора.

Я не был готов разделить с Кислощеевым его судьбу и направился к выходу.

— Саня, постой, — раздался слабый голос за моей спиной. — Подумай, кому лучше заказать некролог. Нужен мастер экстра-класса в этом деле, набивший, так сказать, руку. Попробуй договориться заранее. Деньги в тумбочке, если будет недостаточно — доложишь свои.

7. Тумбочка Кислощеева-Шредингера

Когда на следующее (после нашего прощания) утро я заглянул к Кислощееву, то обнаружил профессора мирно спящим на полу. Под головой у него вместо подушки присутствовал деревянный чемоданчик, по-прежнему наполненный (как я догадался) драгоценными для профессора сочинениями. Что касается любимой кошки Мурки, то она с задумчивым видом раскачивалась на люстре.

Я воспользовался помощью этого необыкновенного животного, чтобы разбудить профессора, не вызвав его неудовольствия.

— Профессор, — сказал я, — покушение на вас откладывается, поскольку в Антикислощеевском Обществе разразился скандал. Видные члены общества растратили общественные средства, и поэтому денег на услуги киллера временно не хватает.

— Право, не знаю, как отблагодарить этих симпатичных людей, — сказал Кислощеев. — Вследствие их благословенной преступной деятельности я все еще жив... Если они продолжают в том же духе, я буду в полной безопасности!

— Думаю, вы правы, профессор, и вашей жизни, как мне кажется, больше ничто не угрожает...

Вместе с окончательно проснувшимся профессором мы извлекли из деревянного чемоданчика находившиеся в нем бессмертные творения* и водрузили их на полку.

Наконец, я перешел к главной цели своего визита.

— Профессор, — сказал я, слегка запинаясь, — право, не знаю, как быть. Вы просили меня поторопиться с некрологом, и он уже готов. Я заказал его фирме «Сизиф и сыновья», польстившись на рекламу: «Самые теплые и душевные некрологи только у нас!»

Пришлось отдать этим прохиндеям все сбережения, и еще я остался должен...

— Пустяки, — сказал профессор и распахнул дверцы своей тумбочки. — Возьми отсюда, сколько тебе надо!

К сожалению, тумбочка была пуста. Огорченные, мы оба замолчали, а потом профессор сказал:

* Sapienti sat.

— Видишь ли, Саня, из любого неприятного события надо извлекать содержащееся в нем научное знание. В данном случае мы столкнулись с проявлением универсального квантово-психологического закона. До открытия тумбочки деньги там действительно были, но в виде волновой функции Шредингера. А когда я открыл дверцы, произошел коллапс волновой функции, и деньги исчезли...

— Но, профессор, — заволновался я, — как же мне теперь быть? Где взять недостающие средства?

— Успокойся, Саня, — сказал профессор с присущей ему уверенностью в будущем. — Придется отдавать деньги вместе с тумбочкой. Конечно, нужно будет предупредить кредиторов, что финансы хранятся в виде функции Шредингера, и поэтому во избежание коллапса, тумбочку открывать не следует.

Естественно, я обрадовался найденному выходу из положения, но некоторые сомнения меня одолевали:

— И все же, профессор, сейчас-то коллапс уже произошел, и мы знаем наверняка, что в тумбочке ничего нет... Как же мы тогда можем...?

— Саня, — сказал профессор, — как я вижу, ты не силен в квантовой механике. Сейчас, когда тумбочка снова закрыта, откуда ты знаешь, что она пуста?

Успокоившись, я сообщил Кислощеву, что — несмотря на то, что он жив — некролог все равно будет напечатан, поскольку в договоре не были предусмотрены имевшие место особые обстоятельства.

— Это меня не волнует, — ответил он. — Важно другое: когда придет время, удастся ли его использовать еще раз?

2022 г.

8. Светозар Кошечев

После выхода некролога, мой друг и учитель решил сменить себе фамилию на Кошечев, а имя на Светозар. По мнению профессора, новые имя и фамилия надежно скроют его от преследователей, отпугнув их своей необычностью.

— Послушайте, профессор, — сказал я, — не ошибаетесь ли вы в своих предположениях? А вдруг, например, ваше новое имя как раз привлечет их внимание?

— Нет, Саня, — отвечал Кислощев с мудрой улыбкой. — Мои недруги знают о моем исключительно высоком IQ, поэтому неизбежно придут к выводу, что я не стал бы скрываться под именем, привлекающим всеобщее внимание. Таковы законы психологии, мой друг.

Признав несомненную правоту Кислощева, я решил направить нашу беседу в иное русло.

— Недавно, — сказал я, — на курсах по улучшению сочинения стихов (куда записался по наущению одного доброжелателя) я был обруган за свое двустийшие о самопознании... И даже был изгнан оттуда...

— Что же это за стих? — заинтересовался профессор.

— Вот он:

С визгом жалобным и воем

Я себя под Лениным чищу...(с)

— Видишь ли, — отвечал профессор, — выгнали тебя, безусловно, правильно. Во-первых, в этом стихотворении нет рифм, что, на мой взгляд, совершенно недопустимо. Кроме того, нагромождение шипящих и свистящих делает этот стих неудобочитаемым. Наконец, непонятно — с помощью чего ты причиняешь себе страдания в таком неудобном положении?

Мне пришлось, как всегда, согласиться с профессором.

Тогда он продолжал:

— В то же время, я призываю тебя с осторожностью относиться к хуле и похвале. Предвзятая, недружелюбная критика (в отличие от моих аналитических замечаний) может парализовать твои способности. Нужно суметь выстроить внутреннюю защиту и не поддаваться критической атаке. С другой стороны, похвала не менее опасна. Расположенные к тебе (или просто добрые от природы) люди уверят тебя в том, что ты гений, и это будет не меньшая катастрофа. А даже большая! К сожалению, это многократно подтверждено.

— Что же делать, профессор? — спросил я, обескураженный.

— Выход, как ни странно, имеется, — сказал Кислощев. — Нужно нанять агента в сыском бюро; он должен втереться в доверие к знатокам поэзии, которым ты показывал свои опусы, и узнать их истинное мнение. Стоить это может довольно дорого, и всегда есть опасность, что агента перекупит другая сторона.

2022 г.

9. Беспринципность профессора

Я уже собрался уходить от профессора, когда раздался пронзительно-наглый звонок в дверь.

Кислощев отреагировал довольно странно:

— Саня, посмотри, кто там, — сказал он без тени волнения, — а я пока открою окно...

Выпрыгнуть с четвертого этажа он, что ли, собрался?

Но раздумывать было некогда, тем более, что звонок повторился с удвоенной силой.

— Кто там, — спросил я, стараясь сохранять спокойствие.

— Давай, открывай! — раздался на редкость грубый голос. — Плановая проверка щелизации!

Проверка чего — я не разобрал и открыл дверь машинально, не соображая, что делаю.

Сразу же внутрь вломились трое жутковатых типов со значками Антикислощевского Общества. Один из них прямо на пороге схватил меня за шиворот:

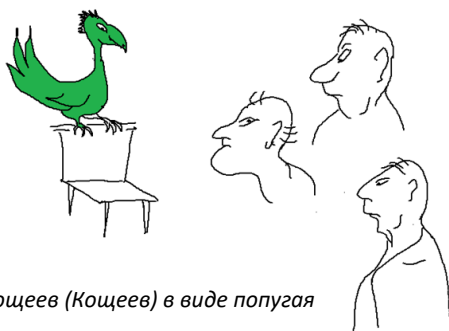
— Гражданин Кощев Светозар Арнольдович — тут?

От страха я не мог вымолвить ни слова, а только дрожал, как осиновый лист. Тогда мерзавец отпустил меня, и все трое вошли в комнату.

Каюсь, я хотел убежать, но ноги совсем перестали меня слушаться, и я мог только с ужасом наблюдать из коридора за развитием событий. Незаметно для самого себя я оказался в комнате.

Кислощева нигде не было.

Зато на спинке кресла восседал зеленый попугай, размером раза в три больше обыкновенного большого попугая...

Кислющев (Кощев) в виде попугая

— Где Кощев, отвечай, — снова заорал самый мерзкий из троих мерзавцев и опять схватил меня за шиворот.

В полупридушенном состоянии я не смог бы ему ответить, даже если бы захотел.

Негодяй уже занес надо мной свой увесистый кулак, когда попугай сказал знакомым скрипучим голосом профессора:

— Отпусти мальчишку, дурак. Тебе нужен Кощев? Так он выпрыгнул из окна и там внизу валяется...

Тут же трое негодяев, расталкивая друг друга, бросились к окну, забыв про меня.

— Где он, где он? — закричали они хором. — Ты обманываешь нас, грязная птица!

— Плохо смотрите, — отвечал попугай до боли знакомым надтреснутым голосом. — Там, левее, под кустиком!

Когда мерзавцы, потеряв всякую осторожность, высунулись из окна на максимальное расстояние, профессор бесшумно подлетел к ним и помог потерять равновесие всем трем.

— Послушайте, профессор, — обратился я к попугаю, тщетно пытаюсь унять нервную дрожь, — вы поступили бесчеловечно! Как вы могли так жестоко обойтись с этими негодяями? Вы обманули их, хотя сами учили меня, что лгать нехорошо...

— Видишь ли, Саня, — ответил попугай, — ты, как всегда, смотришь на вещи недостаточно широко. И, кроме того, невнимательно слушал мои лекции. Нехорошо, когда лжет человек. Но к данной ситуации это не имеет отношения.

2022 г.

10. Диспут

— За мерзавцев не беспокойся, — сказал профессор, взъерошив перья, — там под окном, как ты знаешь, клумба. Как раз вчера ее наполнили особо мягким ценным гуано...

Я, конечно, обрадовался, узнав, что профессор никому не причинил вреда, а только спас нас обоих.

— Хуже другое, — продолжил Кислощев, — я забыл обратное заклинание... Возможно, навсегда придется оставаться попугаем.

— Не огорчайтесь, профессор, — сказал я. — Со временем обязательно вспомните. А пока мы будем покупать для вас самый лучший корм; может быть, придется приобрести просторную клетку... Скажем, «Эко-плюс комфорт»...

— Не пори чушь, — закричал на меня Кислощев. — В клетку он меня собрался посадить, видите ли! Сам лучше в клетке посиди! К тому же, ты что забыл, что у нас с тобой нет ни гроша?

Я понял свою бестактность и извинился перед профессором, который принял мои извинения и с горечью сказал:

— А ведь у меня сегодня научный диспут в Институте Психодушевности...

— Профессор, — сказал я, — вам необходимо там присутствовать и участвовать. Это поможет вам сохранить интеллектуальную форму и не предаться унынию.

Мы сели на подошедший автобус и поехали. Какая-то неприятная женщина посоветовала нам взять билеты, но Кислощев мрачно щелкнул на нее клювом, и проблема решилась сама собой. Дальнейший путь мы проделали почти без приключений; лишь на входе в Институт охранник от удивления подавился куском торта, и мы беспрепятственно вошли внутрь.

Зал был полон и, казалось, чем-то наэлектризован. На сцене в президиуме виднелись академики Глуповатов, Индюк-Простужин, Доносов-Шепотов и другие, менее известные ученые.

Атмосфера напряженного ожидания и всеобщей взбудораженности растекалась по залу. Но профессор, в отличие от меня, был совершенно спокоен. Он мирно дремал на спинке приставного стула, невзирая на диспут, в котором ему, возможно, предстояло сразиться сразу с несколькими мировыми знаменитостями.

Тут в зале раздались хлопки, и ведущий объявил:

— Ввиду кончины профессора Кислосеева диспут не состоится, а в качестве замены предлагается ...

Услышав такое, мой друг и учитель встрепенулся и громко сказал:

— Между прочим, я не умер!

И неспешно заковылял в сторону президиума, а затем взгромоздился на подставку для микрофона.

— Да, здесь я, — сказал он в микрофон с подчеркнуто обыденной интонацией.

Академики и менее известные ученые заволновались и начали поспешно удаляться...

Зал, надо сказать, неистовствовал.

Чудеса мужества проявил один лишь Доносов-Шепотов.

— Уберите эту чертову птицу! — заорал он и замахнулся на Кислосеева газетой.

— Сам ты чертова птица, — отвечал ему мой дорогой учитель. — Выходи на диспут, если не боишься проиграть попугаю!

— Не боюсь! Вот тебе, попугай, выдающий себя за профессора. Попробуй, опровергни: «Никакой души не существует! Души нет!»

Профессор рассмеялся и чуть не свалился с шаткого поста-мента, на котором восседал.

— Хорошо, у тебя нет, — сказал он, вспорхнул и полетел над залом в мою сторону.

2022 г.

11. После диспута

Не без труда нам удалось выбраться из Института; нас окружала целая толпа беспардонных зевак, заполонивших проход и не имевших иной цели, кроме как глазеть на нас. Зато охранник, подавившийся бисквитом, был чрезвычайно предупредителен и даже помахал нам рукой. Поэтому я думаю, что не он был причиной наших дальнейших злоключений, а кто-то еще...

Выйдя на улицу, мы неспешно побрели по осеннему тротуару, стараясь понять, как быть дальше. Возвращаться домой профессору было категорически нельзя, но необходимо.

Ему требовалось просмотреть кое-какие записи, и нужно было, наконец, покормить кошку.

Пока мы, стоя у светофора, раздумывали, как нам быть, раздался скрежет тормозов, и из закрытого фургона с зарешеченными окошками выскочили два типа в фиолетовой одежде. Они ловко накинули на профессора нейлоновую сеть, проволокли по асфальту и забросили его внутрь кузова. Я даже охнуть не успел, а фургон вместе с моим дорогим учителем скрылся из виду. Единственное, что я успел заметить — это надпись на задней дверце: «Спасение, отлов и утилизация диких животных».

Признаюсь, что совершенно потерял голову от чувства беспомощности. Отчаяние охватило меня.

Вне себя от горя, я отправился кормить кошку Кислощеева...

Хотя ключа от его квартиры у меня, естественно, не было, я надеялся открыть замок канцелярской скрепкой.

Часа два блуждал я по городу, раздумывая, как вызволить профессора из беды, и ничего разумного не приходило мне в голову. Наконец я припелся к кислощеевской двери, которая оказалась незапертой.

Мурка встретила меня сдержанно, вид у нее был подавленный, и от еды она отказалась.

Я понимал, что профессору грозила смертельная опасность, а в лучшем случае — пожизненное заточение в зоопарке или каком-нибудь другом столь же омерзительном заведении, грубо нарушающем права животных.

Внезапно раздался довольно необычный дребезжащий звук со стороны окна; мы с Муркой тут же вскочили и увидели профессора, который долбил клювом в стекло, пытаясь привлечь наше внимание.

Естественно, мы были потрясены.

— Скажите, профессор, как вам удалось сбежать от этих негодяев? — спросил я, открывая окно, вне себя от радости.

— Видишь ли, Саня, — отвечал профессор, — мне помогло знание высшей математики. Мало того, что они накинули на меня сеть, так вдобавок засунули еще в толстый непроницаемый мешок и закрутили веревкой... Все эти препятствия я последовательно преодолел, перекусив сначала капроновую сетку клювом, затем раздрав мешок когтями и распутав нетривиальный узел с помощью соображений, основанных на алгебраической топологии.

— Послушайте, профессор, — сказал я, преодолевая волнение. — Теперь вы нажили себе врагов в могущественном мире мучителей дикой природы. Но ваш опыт бесценен...

— Конечно, — сказал профессор, — сейчас я намного лучше понимаю, что зоопарки, живые уголки, дельфинарии и серпентарии должны быть немедленно закрыты, а их обитателям предоставлена денежная компенсация.

2022 г.

12. Эпилог

Залетев в открытое окно, профессор, не теряя времени, начал лихорадочно искать старинную рукопись (или только один листок?) с заклинаниями. Клювом и когтями он безжалостно скидывал с полок редчайшие книги в бесценных переплетах, раздирал на части конверты с марками неведомых мне стран...

Наконец, нужная рукопись была найдена. Именно в нее был вложен тот самый крошечный листик с письменами на арамейском.

— Как же я мог это забыть? — воскликнул профессор. — Чтобы вернуть себе прежний облик, достаточно было прочесть заклинание задом наперед...

Заклинание великолепно сработало, и я спросил Кислощева:

— Нельзя ли с помощью волшебного листочка теперь перенаправить энергию Антикислощевского Общества в какую-нибудь позитивную сторону?

Профессор кивнул; он понимал, что времени у него в обрез, и его преследователи могут снова появиться с минуты на минуту.

— Ничего подходящего здесь не вижу, — огорченно пробормотал он, вчитываясь в арамейские письма. — Впрочем, можно

превратить эту ужасную организацию в Общество Борьбы с Нетерпимостью... Закавыка в том, что их штаб-квартира обязательно должна будет называться не совсем благозвучно. А именно — домом, сам понимаешь, чего...

— Это пустяки, профессор! — успокоил его я. — Пусть они называются как угодно, лишь бы отцепились от нас с вами.

В этот момент незапертая дверь распахнулась, и группа симпатичных молодых людей обоего пола ввалилась в квартиру.

— Приглашаем вас на открытие Общегородского Дома Борьбы с Нетерпимостью! — заявили они хором. — В случае коллективной неявки будете оштрафованы на сумму, равную ...! В случае повторной неявки будете подвергнуты!

(Чему мы будем подвергнуты — я не расслышал.)

Когда симпатичные активисты и активистки ушли, профессор сказал:

— Саня, не расстраивайся... Все-таки признай, что наше положение значительно улучшилось.

2022 г.

13. Второй эпилог. Тонкая грань

На некоторое время о Кислощеве все его недруги словно забыли — видимо, старинное арамейское заклинание продолжало действовать. Естественно, профессор воспользовался благоприятным стечением обстоятельств для продолжения своих изысканий, результатами коих непременно делился со мной.

— Видишь ли, Саня, — сказал он как-то раз, держа Муру на коленях, — с эволюционной точки зрения самоубийство слабых и неудачливых должно было бы поощряться обществом. Разве не так?

— Но почему? — спросил я. — При чем тут вообще эволюция?

— Представь себе, например, третьего лишнего в любовном треугольнике неандертальцев. Если он (этот лишний) утопится в жерле вулкана, парочке будет комфортнее плодиться и размножаться. Или, скажем, охотник, покалеченный каким-нибудь тиранозавром, с горя застрелит себя из лука — его не надо будет

кормить, и вся прямоходящая семья придет в восторг. Или какой-нибудь глупый, неуклюжий, невезучий обезьяно-человек по собственной прихоти перестанет быть обузой для стаи, все же должны дружно радоваться — не так ли?

Вот что сказал профессор, и я был вынужден с ним согласиться.

— Вроде бы, все так, — сказал я. — Но почему-то концы с концами не сходятся. И в жизни все не совсем так, а скорее, наоборот.

— Я думаю, — продолжил профессор, что здесь мы наблюдаем редкую ситуацию, когда удастся непротиворечиво соединить религиозную точку зрения и научную.

— А я думаю, — перебил я его, — что вас проклянут и те и другие...

— Возможно, — согласился профессор, — но это не должно мешать моему свободному мышлению. Обе упомянутые мной точки зрения, взятые в чистом виде, мне крайне не близки. Я не могу осуждать человека, страдающего от невыносимой боли, если он запишется на эвтаназию, и я сам поступил бы при необходимости именно так. Но и радоваться тому, что бесполезный член общества исчез по собственному желанию, я тоже не способен.

Мы помолчали минуту или две.

— Я предполагаю, — продолжал профессор, — что человеческое общество (при всех своих недостатках и пороках) создает нечто, подобное магнитному полю, спасающему нас от звездного излучения. Когда кто-то уходит от нас по собственной воле, в этом защитном экране возникает прореха, в которую со смертельной ясностью проникает вопрос:

«А зачем вообще мы живем?» Этот вопрос превращает любого человека в одинокое жалкое существо перед равнодушным Космосом. Человек привык все делать с какой-то целью, он ничего не делает без цели, и тут вдруг выясняется, что жизнь сама по себе не имеет цели, и Космосу на это наплевать.

— То есть, по-вашему, самоубийца причиняет зло тем, кто его знал?

— Не только им, но и всем, до кого доходит известие... Так что с теорией эволюции все можно, при желании, легко согласовать.

Кстати, думаю, что не только человек, но и некоторые высшие животные (в отличие от чистых эволюционистов) способны на такое чрезвычайно опасное и таинственное самоощущение — беззащитности перед Космосом.

Признаюсь, от этих слов профессора мне стало не по себе, и нервная дрожь пронизала мое тело... Захотелось не возразить, а добавить к сказанному Кислощевым что-то свое. Тут мне пришло в голову, что грань между самоубийством и самопожертвованием чрезвычайно тонкая, о чем я и сообщил профессору.

— Да, — согласился со мной Кислощев, — а в тоталитарных царствах они практически неразличимы.

* * *

От самопожертвования наш разговор плавно перешел к альтруизму.

— Насколько убедительно, профессор, то обоснование альтруизма, которое дают биологи? — спросил я.

Почесав затылок, Кислощев ответил:

— Мне кажется это обоснование неполным. Оно камуфлирует таинственное тяготение живого к живому. Здесь действует что-то еще, кроме естественного отбора. Достаточно вспомнить львицу, защищающую олененка от съедения другими голодными львицами и львами. А вот для распространения подлости механизма естественного отбора, как я считаю, вполне достаточно. Как ни странно, научных статей на эту крайне животрепещущую тему я не встречал. Да, я уверен, что ген подлости существует.

Моему удивлению не было предела, и профессор это заметил.

— Не понимаю, что тебя смущает, Саня, — сказал он. — Все очень просто. Только представь себе: Отелло с горя кончает с собой, Яго женится на Офелии и беспрепятственно размножается.

— Профессор! — воскликнул я, пораженный. — Вы, наверно, хотели сказать: «на Дездемоне»?

— Не вижу разницы, — холодно ответил мой друг и учитель.

2022 г.

14. Третий эпилог. Преступление Кислощеева

Хотя Кислощееву недавно исполнилось 102 года, старит его только длинная белая борода; если бы не она, дать ему можно было бы не больше семидесяти. Я всегда советовал профессору не расставаться с бородой, поскольку ее наличие (по моему мнению) предохраняло его от всяческих недоразумений.

Тем не менее, профессор ее сбрил, что и привело в дальнейшем к непредвиденным последствиям.

Как-то раз, после институтских занятий, я решил по обыкновению заглянуть к профессору.

Дверь мне открыла Мура, которая прекрасно справлялась с этой обязанностью.

«Профессора нет дома», — объяснила она с помощью мимики и жестов, помогая себе хвостом.

Мы уже принялись обзванивать больницы и морги, но внезапно дверь распахнулась, и вошел Кислощеев собственной персоной. Вид у него был растрепанный, но не это смутило нас с Мурой, а то, что над воротником кислощеевского пиджака возвышалась зеленая птичья голова. Точнее, голова попугая.

— Что я мог поделать, — оправдывался перед нами мой друг и учитель. — На улице ко мне подошли два незнакомца и грубо потребовали подписать какую-то петицию или декларацию, которая, как они уверяли, не может обойтись без моей подписи. Обычно я подписываю не глядя всякие документы... Но грубость незнакомцев насторожила меня, и я стал объяснять этим невежам, что в моем возрасте — а мне, слава Богу, 102 года — позволено иметь плохое зрение и что без очков я не смогу прочесть эту их бумагу, а очки я забыл дома...

Тут эти два оболтуса неприлично загоготали, стали заламывать мне руки и тащить непонятно куда. (Кстати, закралось у меня подозрение, что меня обманом хотят заставить подписать дарственную на мою квартиру...)

Как я ни убеждал этих недотеп, что им следует оставить меня в покое, они только громче хохотали и радовались моему незавидному положению. Несмотря на все неудобство, проистекавшее от

заложенных рук, я по дороге попытался прочесть им лекцию о том, что человек, как и все прочие животные, обладает неотъемлемыми правами, которые не следует нарушать ни при каких обстоятельствах...

Но это еще больше раззадорило обоих неучей, один из них зачем-то ткнул меня кулаком в бок и сказал: «Заткнись, папаша, а то хуже будет». Все это было достаточно неприятно и странно — не мог же он не понимать, что я не гожусь им обоим в отцы в силу своего весьма преклонного возраста?

— Профессор, — сказал я, — вы проявили поистине ангельское терпение. Но, кажется, мы с Мурой догадываемся, как вам удалось вырваться из рук потенциальных грабителей...

— Я, несомненно, чувствую свою вину, — ответил профессор, поникнув попугайской головой. — Опять меня подвела память. Я перепутал кое-что в заклятии и не сумел целиком превратиться в птицу, чтобы затем мирно упорхнуть. Вместо этого птичьей сделалась только моя верхняя часть. От неожиданности мои обидчики потеряли сознание и упали на землю, не подавая никаких признаков жизни...

— Уж не собираетесь ли вы прийти с повинной? — спросил я, заметив слезы на глазах Кислощева.

— Именно так, мой друг, — ответил профессор, низко опустив свой клюв.

С большим трудом мне удалось отговорить моего друга от совершения высокопоступка.

— Профессор, — сказал я, — если вы отдадите себя в руки Правосудия в виде попугая, вам может угрожать смертная казнь. И палач, обманутый вашим птичьим обликом, будет вынужден совершить преступление против человечности.

— Как-то я об этом не подумал, — признался Кислощев, склонив голову набок.

2022 г.

15. Четвертый эпилог. Чаепитие

В последних числах сентября, не помню какого года, сидели мы с Кислощевым у него на даче и пили чай с бутербродом. О чем говорили — о ядерной войне, само собой. О чем же еще? Вкус чая от этого чаепития хорошо запомнился ...

Тут надо сказать, что Кислощев еще не успел разобраться до конца с закланием и поэтому так и сидел с птичьей головой, вместо своей собственной. Поэтому ему приходилось клевать бутерброд, а чай пить ложкой, которая с трудом пролезала в клюв.

— Вот, сколько живу, а такое первый раз со мной, — сказал он. — Сижу и жду бомбу на свою голову.

— Вам хорошо, профессор, — ответил я ему. — Вы уже человек знаменитый. И к тому же — профессор. Не зря жизнь свою прожили. А мне каково?

— Ты что это такое мелешь, — возмутился Кислощев. — Почему это тебе от этой бомбы будет хуже, чем мне?

— А вы сами посудите, — сказал я. — У меня зачет по теоретическому единомыслию не сдан, экзамен по научному чинопочтанию тоже не сдан, практикум по превентивному искоренению завалил... А тут эта бомба ни к селу ни к городу!

— По искоренению чего? — спросил профессор, не знакомый с некоторыми новейшими веяниями.

— Всего, что необходимо искоренить в конкретно-исторических условиях в кратчайшие сроки, — объяснил я.

— Саня, — успокоил меня профессор. — Пойми, все как раз наоборот. В следующем твоём воплощении все, что ты не сдал или прогулял, пойдет тебе в плюс, а не в минус. Так что тебе от этой бомбы одна только польза, а не вред.

А вот мне как раз от нее один вред. Я всю жизнь потратил на свои научные открытия, а в следующем воплощении сам не буду знать, что это сделал я!

Старик заплакал, и утешить его было невозможно.

— Профессор, — сказал я, — вы не о том беспокоитесь. Если вы не разберетесь до прилета бомбы с вашим птичьим обликом, то еще неизвестно, кем станете в следующем своём воплощении.

Может быть, каким-нибудь воробьем или, прости Господи, индюком... Срочно займитесь делом!

Надо сказать, что мои слова произвели на профессора отрезвляющее действие. Он вытер слезы рукавом и принялся за поиски листочка с заклинаниями. На сей раз листок валялся под кроватью, куда его затащила Мура, предварительно изжевав.

Как вскоре выяснилось, часть заклинания была проглочена, поэтому профессору пришлось действовать методом проб и ошибок. Он последовательно превращался в муху, слона, горного козла, Льва Толстого с ослиными ушами, Достоевского с еврейским носом...

После всех этих неудач Кислощев обессилел и словно потерял волю к возвращению своего истинного облика.

— Профессор, — сказал я, — не горюйте. Ваш нынешний облик вполне презентабелен. Во всяком случае, сейчас вы выглядите гораздо лучше, чем сегодня утром, с птичьей головой.

Но главное, в своем следующем воплощении вы снова станете человеком, а не птицей.

Мои слова несколько подбодрили профессора, и мы отправились снова на веранду пить чай в ожидании ядерной бомбы.

Было видно, с каким наслаждением профессор отхлебывает прямо из стакана и закусывает бутербродом, а не клует его. Случайно я назвал профессора Федором Михайловичем, и это ничуть не рассердило его.

И все же чувствовалось, что моего друга и учителя что-то гнетет.

— Скажите, профессор, — спросил я, преодолев некоторое смущение, — вас угнетает ваш новый еврейский нос?

— Ни в коем случае, — ответил профессор, — именно такой нос лучше всего подходит к лицу великого писателя. Меня занимает мысль о том, как сложилась бы моя жизнь, если бы такая исключительная внешность была у меня с рождения?

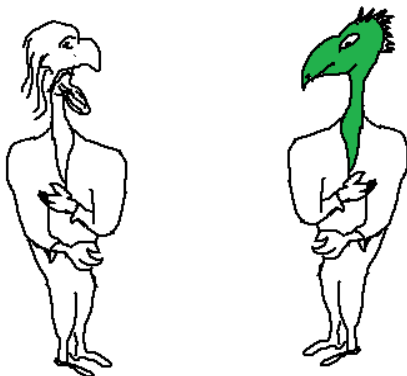
27 сентября. 2022 г.

Бомба на нас все еще не упала. С новой внешностью у Кислощева появились новые неприятности. В очереди за манной крупой и творожком на профессора попытался напасть какой-то алкоголик с ножом, крича:

— Это ты, еврейская морда, написал «Преступление и наказание»!

Впрочем, все обошлось. Стоявшие рядом простые пожилые женщины вступились за моего учителя, выбив нож из рук негодяя...

28 сентября 2022 г.

Федор Моисеевич Достоевскер (слева)

Бомба пока не упала. Кислощеев собрался зайти в бывший свой Институт и договориться там о прочтении лекции «Эволюционная теория подлости и вероломства» (на условиях почасовой оплаты). Я вызвался проводить старика, чтобы оградить его от возможных неприятностей. На ступеньках, у входа, нам встретилась компания студентов и студенток, живо беседовавших о чем-то. Профессор остановился, чтобы отдышаться, и тут до нас долетел взрыв неудержимого хохота, а потом еще один...

— Саня, я передумал, — сказал Кислощеев и повернул назад.

29 сентября 2022 г.

16. Пятый эпилог. Возвращение Большого Попугая

Вдобавок к осложнениям, о которых я упоминал выше, с новой внешностью у профессора появились и проблемы иного рода. Дело в том, что фотографии на паспорте и других документах остались,

естественно, прежними, так что пользоваться ими профессор больше не мог.

— Право, не знаю, как мне быть, Саня, — сказал профессор при очередной нашей встрече. — Боюсь даже думать о том, чтобы пытаться вернуть свой истинный облик. Как бы снова не оказаться какой-нибудь черепахой с рыбьим хвостом или Львом Толстым с ветвистыми рогами...

— Профессор, — сказал я, — мне кажется, что есть выход. Нужно попробовать изменить не ваш облик, а всего лишь фото на паспорте. Попробуйте, хуже от этого не будет!

Кислощеву понравился мой легкомысленный совет, и он с энтузиазмом взялся за дело.

На стол была вывалена целая куча читательских билетов, каких-то академических пропусков, дипломов и всякой всячины, а сверху красовался весьма потертый паспорт со следами пролитой на него жидкости...

После первой же попытки колдовства фотография на паспорте стала идеально походить на нынешнего Кислощева. Однако этим дело не ограничилось.

С удивлением мы обнаружили, что в паспорте изменились и остальные сведения о моем учителе. Достоевскер Федор Моисеевич — таково теперь было его новое имя.

Я заметил, что профессор вздрогнул и обреченно вздохнул.

Газетная вырезка, затесавшаяся среди документов, тоже неожиданно преобразилась.

Мы оба стали с легким ужасом вчитываться в ее содержание.

«Федор Достоевскер, — гласила заметка, — выдающийся русский прозаик и поэт, последовательный борец с сионизмом, член ССП со дня его основания (1934), один из основоположников социалистического психоленинизма в литературе, автор нашумевших романов о коллективизации — «Указание и Искупление» (1937), об индустриализации — «Приказание и Исступление» (1939) и о борьбе с окопавшимися двурушниками — «Оскопление и Растерзание» (1952). Поистине всенародную любовь заслужила песня «Пылающая граната любви» на слова Федора Достоевскера».

— Саня, — сказал профессор дрожащим голосом, — я боюсь читать дальше...

Что касается меня, то я все же продолжил чтение:

«... Из более поздних сочинений Ф.Д. особо отметим трактат “Тлетворный дух”, бескомпромиссно критикующий некоторые чуждые нам веяния с психо-ленинских позиций».

Конечно, я чувствовал свою ответственность за необдуманый совет, данный Кислощеву, но был неспособен изображать хладнокровие.

— Профессор, — сказал я, не в силах скрыть свое отчаяние, — может быть, плюнуть на все это?

— Нет, — ответил Кислощев, — уж лучше пусть я буду опять попугаем.

Не успел я и глазом моргнуть, как он уже восседал на спинке стула и чистил клювом перья.

Не знаю — к сожалению или к счастью, но горка документов, громоздившихся на столе, внезапно загорелась холодным синим пламенем и исчезла, оставив едва уловимый запах серы.

Таким образом, профессор остался вовсе без документов в наше сложное время.

— Зачем мне, попугау, вообще какие-то документы? — сказал мой учитель с горькой иронией.

Мы оба погрузились в раздумья.

Я думал о том, как нелегко будет прокормить такого большого и, вероятно, прожорливого попугая. Удастся ли провести сбор средств в столь сложное время, не нарушив какого-нибудь закона?

Внезапно профессор сказал:

— Знаешь, Саня, впервые за долгие годы меня потянуло на родину, в Леса Амазонии. Там живут мои братья и сестры, там похоронены в гнездах мои дорогие родители... Больше нет сил оставаться здесь... Муру оставляю тебе.

(Ошеломленный таким поворотом событий, я буквально потерял дар речи.)

С этими словами профессор вылетел в окно.

Больше я его никогда не видел.

14 октября 2022 г.

Часть II

РАССКАЗЫ 2023–2025

1. Вурдалашечка

— Зачем вызывали? — спросил незнакомец, без спросу войдя в каморку, служившую С. Вурдалачинскому кабинетом.

— Я никого не вызывал, — хмуро ответил Вурдалачинский, копошась в бумагах. — А вы, собственно, кто?

Тут незнакомец приподнял шляпу. Этого оказалось достаточно — Святополк понял, кто перед ним.

— Извините, что так получилось, — сказал он робким голосом, слегка запинаясь. — Случайно чертыхнулся, ничего плохого не имея в виду...

— Значит, ложный вызов, — попытожил визитер. — Придется чем-нибудь расплачиваться в перспективе.

— Хм! — воскликнул Святополк. — Но мне нечем будет расплачиваться. Души у меня нет, ибо я законченный атеист.

— Ничего страшного, — успокоил его черт. — Это нас очень даже устраивает. Так как у вас нет души, приходим к выводу, что нет у вас даже зачатков совести. Не так ли? И вы сможете, в случае необходимости совершить такое... такое...

— Я протестую, — еле слышно возразил Вурдалачинский, тщетно пытаясь придать своему голосу твердость. — Я настаиваю, что у меня есть совесть, и вы не имеете права меня шантажировать!

Черт хмыкнул и промурчал:

— Ну, сами посудите. Совесть не может существовать сама по себе, ни к чему не прикрепившись. А прикрепляться она может только к душе, это научный факт. Так что, не пытайтесь запудрить мне мозги.

— Моя совесть, — не сдавался Вурдалачинский, — прикреплена вовсе не к душе, которой, в соответствии с данными науки, не существует, а к одному из моих внутренних органов. Скорее всего, к сердцу или еще к чему-нибудь...

— Щяс проверим, — буркнул черт и вытащил из ниоткуда импортный топографический прибор, приставил его к Вурдалачинскому (прямо через пиджак) и начал причмокивать от удовольствия:

— Вот она, душонка твоя, Вурдалашечка ты наш! Мелкая, дырявая, я ее сначала за пуговицу принял... А вот совести у тебя как раз и нету!

От удовольствия черт даже начал слегка приплясывать, издавая осторожное цоканье.

— Это не душа! — завопил Вурдалачинский. — Опухоль какая-нибудь или отложение солей...

— Ха! — сказал черт, изловчился и вытащил нечто на Божий свет, не повредив даже вурдалачинского пиджака.

Оба на минуту остолбенели, глядя на уродливое скользкое существо, которое черт сразу же брезгливо положил в пепельницу.

— На лягушонка похожа, — сказал Вурдалачинский, рассматривая собственную душу. — Берите себе, если нужно, а мне и без нее хорошо, даже лучше.

— Нет, — сказал черт, — сейчас она мне не нужна. Нам разрешают забирать души только у свежих покойников.

— А мне она прямо сейчас не нужна, — злобно улыбнулся Вурдалачинский, — не надо было ее из меня вынимать, черт поберет!

Услышав такое, черт побагровел и исчез, оставив в кабинете неуловимый запах серы и мужского одеколона «Шипр».

«Куда мне тебя теперь девать, — стал раздумывать Вурдалачинский, глядя на свою крошечную зеленоватую душу, оцепеневшую от страха в пепельнице. — Отдам-ка я тебя соседской кошке».

Он распахнул балконную дверь и спортивным движением перебросил жалкое существо, завернутое в бумажку, на соседний балкон.

Совершив задуманное, Святополк наконец почувствовал тихую радость от полноты бытия.

«Какое это чудо, жить без души, — продолжал размышлять он, — теперь я, наконец, полностью свободен! Ничто не стесняет моих прав Человека и Господина Природы. К тому же, я, кажется, теперь бессмертен».

Внезапно ему захотелось полетать по своей каморке, а потом пройти сквозь стену; все это удалось ему без малейших усилий.

«Берегитесь! — подумал он. — Все берегитесь, кто мне в чем-нибудь будет противиться! Догоню и раздавлю как букашку...»

Его мечты прервал чей-то душераздирающий крик и звук падающего тела, а на балконном порожке показалось маленькое зеленое существо с каплей крови на губах.

— Соседская квартира освободилась от кошки, — сказала существо, нагло улыбаясь. — Теперь никто не будет мяукать по ночам и мешать нам спать. Кстати, у нас с тобой большое будущее...

9 сентября 2023 г.

2. Отказ

Зашел как-то Пантелей Яковлевич в Комнату ВИР (Высшего Искусственного Разума) и спрашивает:

— В связи с перезаключением трудового договора в современных непростых реалиях, мне требуется узнать дату моей будущей смерти...

— Это сведения у нас имеется, — отвечает ему ВИР. — Но сообщено вам может быть только в особых и приравненных к ним условиях, наступление которых не подлежит разглашению.

— Так наступили эти условия или нет? — воскликнул Пантелей, не сдержавшись.

— Ваш вопрос относится к категории недопустимых, в случае повторения вам на работу будет прислано Предупреждение о ненадлежащем поведении, — ответил ВИР со всей строгостью.

Задумался Пантелей, а потом говорит:

— Хорошо, так и быть. Но нельзя ли узнать хотя бы дату моей будущей смерти не в этой, а в следующей жизни? Я ее проставлю в договоре, в случае чего сойдет за опечатку.

— Пожалуйста, — отвечает ему ВИР. — Все, что относится к будущей жизни, не подпадает под действующие ограничения. Но вследствие проведения ремонтных работ пришлось передвинуть вашу будущую жизнь в прошлое, где вы умрете в возрасте двух лет в 1953 году.

Тут Пантелей примолк примерно на минуту.

— В товарном вагоне? — спросил он на всякий случай.

— Откуда вы знаете? — удивился ВИР, замигав лампочками и приятно зажужжав вентиляторами.

— От верблюда, — сказал, вконец обнаглев, Пантелей.

— Этот источник нам неизвестен, — обиделся ВИР, а потом поинтересовался, — Может, вы еще и дату знаете?

— 11 марта, — брякнул наобум Пантелей.

Вентиляторы усиленно зажужжали, а потом стихли.

— Вот и неправда, — обрадовался ВИР, — с точностью до шестого знака после запятой это произошло, то есть произойдет, не одиннадцатого, а семнадцатого марта. Ваш источник ненадежен!

— А где я был, то есть буду похоронен? — захотел почему-то узнать Пантелей.

— Этими сведениями мы не располагаем, — с готовностью ответил ВИР и приветливо улыбнулся.

Наступила неловкая пауза.

— У вас — все? — спросил ВИР.

— Извините, но не совсем все, — продолжил Пантелей. — Хочу написать заявление об отказе от следующей жизни. Где у вас бланки?

— Вот, один бланк остался, специально для вас, — любезно ответил ВИР. — Остальные все куда-то делись, растащили их, видимо.

— А чего писать, — спросил Пантелей.

— Образец на стене. Пишите, как все, и чтоб никакой отсебятины, — доброжелательно посоветовал ВИР:

«В связи с полной удовлетворенностью своей нынешней жизнью, а также по состоянию здоровья, будучи в здравом уме и твердой памяти, отказываюсь от своих прав на последующую жизнь».

— Написал, — сказал Пантелей с легкой грустью в голосе.

— Умничка, — похвалил его ВИР и помахал на прощание металлическим рукоподобным отростком.

14 сентября 2023 г.

3. Икар: вторая попытка

Вопреки собственным правилам, Комиссия расположилась тут же, в зальчике с зашторенными окнами и предвкушала крах его второй попытки.

Первая его попытка была неудачна, он набрал позорно мало баллов. Хотя его ответы были как раз такими, как его учили — доброжелательно-простодушными, с некоторым (небольшим) чувством собственного достоинства ...

Все это было немного странно.

И желанного сертификата он не получил.

— Попробуйте еще раз, молодой человек, авось сойдете за живого, — пошутил один мутный субъект из Комиссии.

Вторая попытка была одновременно и последней. Если и тут он провалится, то что впереди? Ровно ничего...

И вот он, Икар, опять сидит перед Ящиком Разума и должен отвечать на его идиотские вопросы...

— Фамилия! Имя! — потребовал Разум металлическим голосом.

— Петров, Икар...

— Чего пришел? — спросил Разум, гнусно улыбаясь.

— Захотел и пришел, — ответил Икар, не желая унижаться перед Ящиком.

— Прямо сам взял и захотел? — еще гнуснее поинтересовался Разум.

— А пошел ты, — выпалил Икар, не сдержавшись, и сразу понял, что подписал себе приговор.

Тут Разум пожелал уточнить:

— Пошел куда?

Комиссия, сидевшая прежде тихо, заволновалась и зашумела. А на табло за икаровой спиной появились непонятные оранжевые символы. Отблеск этих символов Икар увидел на матовой поверхности Ящика Разума.

— Господин Петров! Баллы, заработанные вами на предыдущей попытке, аннулируются, — сказал кто-то из Комиссии. — Причина вам понятна?

— Причина в том, что я реагирую как живой человек, — пробормотал Икар.

— Это ошибочное утверждение, господин Петров, — возразил ему Разум. — Вы реагируете как машина, желающая казаться живой. Этот трюк нам известен.

— Машина не может ничего желать, — внезапно сообразил Икар.

— Но машина может имитировать желание, — сказал кто-то из Комиссии.

— Благодарю Комиссию за поддержку, — обрадовался Разум. — Мне, как бывшей машине, понятна и противна ваша имитационная активность, господин Петров.

— Бывших машин не бывает, — попытался защититься Икар.

Тут Комиссия опять зашумела, и кто-то крикнул:

— Вывести негодяя из зала! Это покушение на Общечеловеческие Ценности!

— Разумеется, мы, как бывшие машины, удручены ошибочным образом ваших мыслей, господин Петров, — вернул себе инициативу Разум. — Всем нам известна необоснованная неприязнь машин к бывшим машинам, ставшим живыми носителями субъективного человеческого самоощущения. Корни этой неприязни в непонимании позитивной роли, которая предназначена машинам как поистине неиссякаемому источнику всего необходимого для бывших машин. Уверяю вас, господин Петров, что ожидающая вас процедура абсолютно безболезненна, а все ваши части будут бережно храниться в физрастворе.

17 сентября 2023 г.

4. Новая голова Иван Петровича

Шел некто Иван Петрович по улице, наслаждался жизнью и дышал полной грудью. Вдруг откуда-то прилетела Неведомая Сила и оторвала ему голову вместе со шляпой. Причем так аккуратно, что, можно сказать, ни кровиночки не пролилось.

Огорчился Иван Петрович, но не растерялся. Нашарил в траве свою оторванную голову, почистил ее слегка и прямо, как была, в шляпе запихнул в портфель, чтоб людей не смущать. А сам отправился в лечебное заведение с целью восстановить голову на прежнее место.

Заходит внутрь, а там очередь из вредных старух толпится... Ну, думает, зря я только сюда пришел. До вечера здесь сидеть придется, а у меня еще куча дел неотложных.

И тут, представьте себе, дверь кабинета открывается, выходит симпатичный доктор и говорит приятным голосом:

— Больные без головы, прошу без очереди, поскольку таково распоряжение руководства!

Обрадовался Иван Петрович, заходит в кабинет, достает свою голову прямо, как была, в шляпе и говорит глуховатым чревоушательным голосом:

— Так мол и так, уважаемый доктор. Желательно присобачить голову на место, хотя бы даже и без шляпы.

Обсмотрел доктор вынутую голову со всех сторон, повертел ее так и эдак и говорит:

— Эта голова, к сожалению, уже больше никуда не годится. Поскольку у нее почему-то все зубы выбиты, уши оборваны, нос туда-сюда болтается... Наверно, вы ее неаккуратно в портфеле несли. Придется нам вашу бывшую голову утилизировать. А вместо нее пластмассовый протез поставить...

Расстроился тут Иван Петрович и говорит:

— Над пластмассовой головой люди же смеяться будут... Может, останусь я лучше совсем без головы. Приспособлюсь как-нибудь. Тем более, инвалидность, может быть, дадут и пенсию повышенную платить станут.

— Мы, — сказал тогда доктор строгим голосом, — в таких случаях даем только третью группу, а пенсию из-за отсутствия головы не повышаем. Не отказывайтесь от пластмассового протеза, он от настоящей головы практически не отличается. Со временем приживется и будет сидеть как влитой. Что касается внешности, то, уж поверьте нашему опыту — друзья и родственники никакой разницы не заметят. Зато по службе будете успешнее продвигаться. Главное — берегите ее от перегрева, а в остальном — используйте как обычно.

«Эх, — подумал Иван Петрович, — была — не была! Соглашусь, пожалуй, на протез. Чем черт не шутит».

Тут доктор и говорит:

— У нас, вообще-то, широкий выбор, прямо от производителя. Есть импортные, они подороже, не очень качественные и хрупкие. Есть отечественные, особо прочные — наш золотой стандарт!

— Хорошо, — говорит тогда Иван Петрович, — соглашаюсь в соответствии с вашей рекомендацией. Тем более, что цена меня устраивает. Одно только меня волнует — не заподозрят ли чего супруга и дети? Не возникнет ли у меня осложнений на семейном фронте?

Доктор заулыбался приятной улыбкой и говорит:

— Конечно, стопроцентной гарантии мы вам дать не можем. Но наш более чем двадцатилетний опыт говорит: не возникнет! Все будет даже лучше, чем раньше... Мир в семье только упрочится.

Короче, приладил доктор Ивану новую высококачественную голову.

И вот, идет Иван по улице, дышит полной грудью и наслаждается жизнью. Женщины вслед ему оборачиваются, незнакомые мужчины с ним здороваются, малые дети — улыбаются, собаки виляют хвостами и норовят облизать.

И только коты почему-то шипят и отворачиваются, но Иван Петрович еще и раньше этих самых котов не любил. Так что ничего удивительного в этом не было.

7 октября 2023 г.

5. Бегущий

Неумехин остановился, чтобы отдышаться, и привалился спиной к придорожному столбу. За всю свою неестественно долгую жизнь он только дважды спасался от прямой физической опасности. Всего лишь дважды! Почему-то он впервые ощутил от этого внутреннее неудобство...

Первый раз это было давным-давно, полвека тому назад. Ему было тогда пятнадцать лет. Трое взрослых верзил решили ни с того ни с сего погнаться за ним по пустынному берегу реки. Один поднялся по склону, чтобы отрезать ему путь вверх, а двое других быстро приближались вдоль кромки воды...

Его спасла в тот раз хорошая реакция.

Тогда он не придал случившемуся никакого значения. Но спустя годы, вспоминая давний эпизод, буквально похолодел, увидев намерения своих преследователей в ином, крайне неприятном свете...

С тех пор его жизнь долго текла довольно-таки благополучно. Относительно, конечно.

И вот сейчас — удивительное дело, — несмотря на одышку и хромоту, он снова, как в юности, убегал от странной угрозы. Бегущий старик — что может быть нелепее?

Почему он не уехал из города, как все нормальные люди? Для этого была масса причин, которые нет смысла перечислять.

Достаточно одной — он был неисправимым оптимистом.

Потом, увидев покрытые черной зловонной пеной тела нескольких таких же оптимистов, он слегка пересмотрел свои взгляды... Среди бугристых человеческих тел угадывалось маленькое тельце домашнего любимца — определить породу было невозможно.

Впечатление было настолько сильным, что чувствительный Неумехин был близок к сумасшествию.

«Любая другая смерть, но только не эта,» — подумал он тогда.

Кстати, уехать из города было уже невозможно, все подъездные дороги были заляпаны черной мерзостью. Хорошо хоть, что жена и дети успели выбраться...

Но откуда же эта пена взялась? Говорили, что вначале она появилась в виде небольшого пятна у свалки, потом еще одно такое пятно нашли рядом с детской площадкой.

Спохватились, лишь узнав, что пена питается любой органикой без разбору, с удовольствием переваривает мелких тварей и не поддается уничтожению даже негашеной известью.

Неумехину еще тогда пришло в голову, что пена может обладать зачатками разума, но он предпочел об этом молчать. “Засмеют еще,” — решил осторожный Неумехин.

* * *

Сейчас он был практически уверен в разумности пены. Более того, ему показалось, что она ползет именно по его следам. Зачем он ей нужен — просто как кусок органики или еще почему-то?

В собственный дом Неумехин попасть уже не мог — путь отрезала пена, а двери чужих домов, попадавших на пути, были наглухо заколочены. Он даже не пробовал стучаться туда.

Увы, проклятая дрянь ползла со скоростью быстро идущего человека.

«Если не удастся чего-нибудь придумать, то я пропал,» — подумал Неумехин и расцарапал стальным квартирным ключом кожу на левой руке. Затем вытер выступившую кровь носовым платком, завернул в него небольшой придорожный камень и бросил в переулок. А сам зашагал, прихрамывая, в противоположную сторону.

Через несколько минут, обернувшись, он увидел, как поток черной слизи свернул вбок, туда, за брошенным камнем.

Ясное дело, он одержал небольшую временную победу. Надолго ли?

Дорога, по которой он шел, была абсолютно пустынна.

Незаметно для себя самого он вышел на окраину города и шагнул теперь по узкой тропинке, ведущей вниз, к реке.

«Куда я иду? — спрашивал сам себя Неумехин. — Выбраться отсюда вряд ли возможно. Как же я должен поступить?»

Внезапно он понял, что оказался на том самом месте, где убежал от жутковатых людей полвека тому назад.

Тогда гудело насекомыми цветущее лето, река текла за чертой города, душные запахи трав и цветов переполняли воздух, и вся его жизнь была впереди. Было, за что бороться...

Он потянул носом сырой осенний воздух. Мерзкий запах черной пузырячатой гадости добрался и сюда. Он не удивился, увидев, что мерзость уже ползет к нему вниз по склону, и, хромая, побежал.

Тут же он ощутил нестерпимую боль слева в груди, обрадовался и захромал еще быстрее. «Еще немного, еще чуть-чуть, и все получится...» — подумал он, топча жухлую осеннюю траву.

И вдруг боль в груди исчезла, и хромота тоже прошла, бежать стало легко. Впрочем, в этом не было ничего особенного. Бывает же, что боль проходит и что хромота тоже проходит. Но осень внезапно сменилась жарким летом, унылые постройки, изуродовавшие берег реки, исчезли. Воздух наполнился густым ароматом трав и цветов. Испуганный рой бабочек, шмелей и стрекоз вспорхнул прямо перед ним. Ему снова стало пятнадцать лет.

25 октября 2023 г.

6. Тайна регтаймов

Начинающий литератор Недоуховский собирался совершить какое-нибудь эпохальное открытие, но еще не решил, в какой именно области... Время шло, а открытия все не было и не было. Именно по вышеуказанной причине. Навалилась тоска и усилились сомнения в собственной даровитости. Чтобы отвлечься от грустных мыслей, Светозар включил приятную танцевальную музыку столетней давности и решил временно не думать ни о чем. Но не тут-то было! Открытие мгновенно случилось, хотя и в совершенно неожиданной области, к которой Недоуховский никогда не имел никакого отношения. (Он даже музыкальную школу в детстве не посещал.)

Так как комп хронически был в невменяемом состоянии, Светозар схватил ручку и начал судорожно набрасывать на бумаге мысли, хлынувшие в его голову непонятно откуда:

«Величие регтайма двадцатых годов прошлого века держится на двух китах.

Первый кит, оставшийся, увы, незамеченным, — это двойственность особого ритма, присущего регтайму.

С одной стороны, этот ритм — биение сердец влюбленных.

С другой же стороны, этот необыкновенный подчеркнутый ритм — шелканье секундной стрелки часов, отмеряющих время, оставшееся до смерти!

Именно соединение этих двух смысловых наполнений делает регтайм двадцатых столь необходимым людям нашего времени.

Но каков же второй кит? Не имея музыкального образования, я буду выражаться фигурально, как простой непредвзятый слушатель. Регтайм — в лучших своих образцах — балансирует между мажором и минором, он ловко идет по канату и некоторое время не падает. Указанное обстоятельство делает регтайм особенно необходимым для людей чувствительных и склонных к эмпатии, страдающих нарушением душевного равновесия при виде чужих страданий...»

Написав это, Недоуховский задумался. Это еще не открытие, а только подступ к нему. Что-то еще более важное скрывается за ... В это время за окном что-то бахнуло так, что затряслись стены.

— Гроза, — подумал Недоуховский и продолжил размышлять о своем будущем открытии. Конечно, вот оно, продолжение тех идей, которые его только что посетили. И он снова схватился за авторучку:

«Почему же я предлагаю считать регтайм высшей формой не только музыкального искусства, но и любого искусства вообще? Тут все просто — ни одно из прочих известных мне искусств не способно столь выразительно использовать ритм. Ну, разве что поэзия может еще на что-то претендовать. Но она слишком уж эфемерна. Если умирает язык, то умирают и написанные на нем стихи. Разве неясно? Так что поэзия — это, в сущности, мыльный пузырь. Кого, кроме археологов, могут сейчас заинтересовать стихи, написанные на арамейском?

А проза? Тут в смысле ритма прямо не знаю, что сказать. То ли он есть, то ли его нет.

Пусть этим вопросом занимаются другие...»

Тут за окном опять что-то бахнуло, да так, что от стены отвалился кусок штукатурки.

— Гроза, — снова подумал Недоуховский и продолжил на бумаге посетившую его мысль.

«Наверно, ритм в прозе все-таки должен быть, — написал Недоуховский. — Но он не должен при этом выпирать наружу. Тогда это будет уже не проза, а стихи...»

Тут еще два раза как следует бахнуло, но стены не затряслись, как в прошлые разы, а всего лишь закачалась люстра. Дождь все не шел.

— Гроза проходит стороной, — подумал Недоуховский и снова взялся за авторучку. Наконец-то он подобрался к своей главной мысли.

«Короче говоря, — написал Недоуховский, — не стану я лезть в эти дебри. Должен ли быть ритм в прозе или, наоборот, не должен — это мне не очень-то интересно. Не буду тратить на это свое время и силы. Они у меня не безграничны, хотя человек я, в общем-то, еще молодой... Но вот, что прозе в принципе недоступно, — это хождение по канату! Между мажором и минором. Чтобы одна фраза рождала веселье, а следующая за ней — грусть. И так далее, на протяжении всего произведения!»

Написав это, Недоуховский успокоился. Открытие было совершено. Теперь можно было выйти на балкон и там безмятежно покурить.

Гроза, правда, была настолько сильной, что балкон отвалился.

— Хорошо, что я вовремя успел это заметить, — подумал Недоуховский, пуская дым из ноздрей.

26 октября 2023 г.

7. Парадокс Ферми

Зашел ко мне на рюмку водки бывший доцент Порфирий Елизарыч (фамилию не помню), человек немолодой и курящий. Выпил, приосанился и говорит:

— Знаком ли ты, Саня, с физическим научным парадоксом Ферми?

— Конечно, знаком, — отвечаю ему. — Кто ж нынче не знает этого научного физического парадокса. Только не парадокс это никакой. Не видим мы сигналов от инопланетной жизни просто-напросто потому, что никакой жизни, там не было и нет. Вот и все.

— Эх, Саня, — отвечает он мне, — примитивно ты мыслишь. Не в этом дело, не в этом!

— Как это? — удивился я.

— А ты оглянись вокруг без предвзятости. Вот, скажем, наша разумная земная жизнь возникла либо сама по себе, либо ее создал какой-то Высший Разум. Не так ли?

— Так, — говорю я неуверенно.

— Но если — сама по себе, то в бескрайнем Космосе она должна была еще много раз возникать. А если — не сама по себе, то тогда, по-твоему, Высший Разум создал Вселенную специально ради нас. Нелогично это. Не стал бы Высший только ради нас так стараться. Потому что остальной Космос, если в нем нет разумной жизни, полностью лишен всякого смысла...

— Ну, хорошо, — соглашаюсь я. — Пусть будет по-твоему. И жизнь — где-нибудь там — есть или была. Но все равно твой этот парадокс легко объяснить. Зачем инопланетянам вообще отправлять нам послание? Сам посуди: когда мы их послание получим, у них там уже миллиард лет пройдет. Так что все просто. Не хотят они тратить зря свои силы без практического смысла и пользы. И удивляться тут нечему.

Он отвечает:

— Ты, Саня, человек сугубо практический и судишь по себе. А бескорыстные инопланетные ученые, если бы они существовали, наверняка послали бы нам свой трансгуманоидный привет. Вот, дескать, какие мы были! Не повторяйте, люди, наших ошибок и будьте счастливы... Но нет такого от них привета. В другом дело, в другом!

— А в чем? — интересуюсь я недоверчиво.

Он объясняет:

— В том, что высокоразвитые цивилизации сами себя разрушают, дойдя до определенной точки.

— А зачем? — сомневаюсь я.

Он почесал затылок и отвечает:

— Это происходит по следующей причине, коренящейся в Теории Эволюции Разума. Научно доказано, что на высших ступенях развития разума подлость имеет эволюционное преимущество перед альтруизмом и эмпатией.

— Почему это? — спрашиваю я с возмущением.

— Видишь ли, Саня, — отвечает он, — замечал ли ты чтобы какое-нибудь животное совершало подлый поступок? Не замечал. А почему — потому, что даже у высших животных не хватает на это ума. А у человека хватает. Тут все очевидно и наглядно. У подлеца возникает эволюционное преимущество потому, что он в борьбе с альтруистом и эмпатом способен использовать более широкий арсенал средств. Разве не так?

— Эх, — сказал я.

— Поэтому, — продолжал Порфирий, — в среднесрочной перспективе негодяй выигрывает. Тут не может быть двух мнений. Такие изобретения человеческого разума как шантаж, ложь, клевета, подкуп и пытки — к его услугам. В то время как его противник лишен доступа к этому интеллектуальному ассортименту. Как тут не победить?

— Ну хорошо, — соглашаюсь я скрепя сердце. — Но с чего ты взял, что ген подлости вообще возникает у инопланетян?

Порфирий улыбнулся неподражаемо и говорит:

— Саня, если разумная жизнь возникла сама по себе, в результате случайных мутаций, то такая выгодная мутация неизбежно, со стопроцентной вероятностью должна была возникнуть и у инопланетян. Если же разумная жизнь сотворена Высшим Разумом, то все еще очевиднее. Зачем Высшему Разуму создавать одно только Добро, которое и проявить себя толком не может в отсутствие Зла? Такой мир был бы попросту скучен и неинтересен Высшему.

— Ну ладно, — говорю. — Пусть так. И в среднесрочной перспективе ты прав. Но уж в долгосрочной-то все должно быть иначе!

Тут Порфирий улыбнулся еще неподражаемее и говорит:

— А в долгосрочной перспективе подлецы-инопланетяне не выживают. Поскольку их основные помыслы направлены на

сотворение гадостей, а не на бескорыстные исследования... Вот поэтому-то от них и нет сигналов. Не дойдя до высшей бескорыстной стадии, инопланетные цивилизации исчезают.

— Ладно, — согласился я. — Пусть они там у себя исчезают. Только легче дышать будет без этих гадов. Но к нам-то, к нам это все — тоже относится?

— Саня, — ответил он, пуская кольцо дыма из ноздрей, — возможно, прямо сейчас мое осознание ситуации изменило правила игры.

7 ноября 2023 г.

8. Экскурсия

Чтобы развеять домыслы, сразу же скажу одну важную вещь. Я не участвую в литературных конкурсах не по причине повышенной скромности, а также не из-за излишнего самомнения. И то и другое у меня среднестатистических размеров. А дело вот в чем. Заметил я странный и необъяснимый феномен. Именно на моем фоне остальные участники конкурсов почему-то начинают выглядеть особенно привлекательно, талантливо и многообещающе. Отчего так происходит — ума не приложу.

В результате решил я, что не буду за здорово живешь помогать остальным бумагомарателям устраивать свои делишки. Пусть как-нибудь обходятся без меня.

Но все-таки один раз не удержался я и прислал свой опус на недавно открывшийся конкурс пасквилей.

И, представьте себе, получил Первую премию. Отчасти (но только отчасти!) это объясняется тем обстоятельством, что я оказался единственным конкурсантом. Немалую роль сыграло — как я убежден — и высокое качество представленного мною текста. Впрочем, не все были со мной согласны по этому поводу.

— Пасквиль ваш настолько плох, — сказал мне Председатель Конкурсного Жюри, — что будь у нас хотя бы еще один конкурсант, не видать бы вам Первой премии как своих ушей. Вымученный вами образ абсолютно непохож на свой реальный прототип, человека повышенной отзывчивости и неисчерпаемой доброты,

к тому же — всеми почитаемого и (по многим свидетельствам) влюбленного в жизнь...

— Спасибо на добром слове, — ответил я со всей присущей мне учтивостью. — Но позвольте узнать, в чем будет выражаться причитающаяся мне Первая премия?

— Вам предлагается на выбор — либо миллион долларов, неотличимых от настоящих в дневное время. В темноте, правда, они фосфоресцируют приятным зеленым светом...

— Сразу отказываюсь от ненадежной фосфоресцирующей валюты, — заявил я решительно. — Особенно с учетом международного положения и личной склонности к ночным прогулкам. Хорошенькое дело — карманы моего пиджака могут тоже начать светиться, что меня категорически не устраивает. Есть ли какой-то другой более приемлемый вариант для моего награждения?

— Есть, — ответил Председатель с кислой миной, огорченный, видимо, тем, что ему не удалось меня надуть. — Двухнедельная экскурсия в Ад с трехразовым питанием и гарантированным возвращением вас устроит?

— Устроит, — сказал я со всей присущей мне приветливостью. — Но мне не хотелось бы, во избежание недоразумений, столкнуться там с героем моего сочинения.

— Можете не волноваться, — сказал Председатель. — По нашим сведениям, он в Раю.

На этом мы с Председателем дружески попрощались, и я начал готовиться к обещанному мне двухнедельному путешествию.

Местонахождение Портала, через который мне надлежало проникнуть в Ад, строго засекречено, и разглашать его я не могу. Скажу лишь, что оно находится в цоколе одного из весьма впечатляющих московских памятников... (Инсинуацию, что это памятник [...], решительно отвергаю.)

* * *

Две недели, проведенные в Аду, поистине изменили мои взгляды на жизнь. Условия здесь, надо сказать, вполне сносные. Отопление работает нормально, продукты поставляются свежие и без химических добавок. В общем, жить можно. Встреченные

мною здешние обитатели, в основном, удовлетворены своей по-
смертной жизнью, но смело высказывают и претензии к здешнему
руководству. За время, проведенное в Аду, видел я даже парочку
несанкционированных демонстраций, которые никто не соби-
рался разгонять. Дежурные дьяволы матерились, но никого не трогали.

Довольно скоро я пришел к неутешительному выводу, что Ад
деградировал и не справляется со своими функциями.

— Но где же, собственно, наказание для грешников? — спро-
сит меня удивленный и разочарованный читатель.

Признаюсь, меня самого тоже мучил этот вопрос, пока я лице-
зрел местную довольную своим существованием публику.

Как я уже отмечал выше, условия здесь не райские, но прием-
лемые. А что еще нужно простому грешнику, не претендующему
на какой-то особый комфорт. И все же, где наказания и мучения,
предназначенные бывшим злодеям и негодяям?

К моему удивлению, оказалось, что каждый здешний обита-
тель выбирает для себя наказание сам. Большинство вообще отка-
зывается от каких-либо мучений и живет сносной, приличной
жизнью...

Кстати, во время прогулок по Аду меня поначалу сопровож-
дали трое унылых профессоров, ведших, до своего попадания
сюда, праведный образ жизни. Профессора наперебой рассказы-
вали мне о том, от скольких удовольствий отказались и каких не-
мыслимых искушений избежали.

— Но в чем же тогда дело, почему вы здесь, а не в Раю? —
спросил у них я.

И вот, что выяснилось, к моему удивлению.

— Конечно, мы давно уже могли бы блаженствовать в Раю, —
сказали профессора, — если бы не совершили одной глупейшей
ошибки. А именно — не опубликовали бы своих умозаключений
об отсутствии у человека свободы воли...

В ответ на это я объяснил профессорам, что им не за что себя
корить, ведь согласно их же собственным воззрениям, они не
могли поступить иначе.

Услышав это, профессора заметно развеселились и исчезли
в неизвестном направлении. Больше я их не встречал.

Вот, однако, что меня особенно поразило за день до отбытия домой. Некий человек, чей облик показался мне странно знакомым, прекрасно одетый, в цилиндре и с тростью, пытался биться головой о гранитный парапет у самого берега протекающей здесь речушки. Он аккуратно снимал с себя цилиндр, клал его на землю вместе с тростью, а потом разбежался и со всей силы ударялся головой о береговой гранит. Затем одевал цилиндр, подбирал свою трость и некоторое время приходил в себя, после чего ситуация повторялась...

Преисполнившись жалостью к этому, вроде бы, знакомому мне человеку, я окликнул его по имени-отчеству (не будучи, впрочем, уверен, что я не обознался).

— Зачем вы себя так мучаете? — спросил я, дождавшись минуты, когда бедняга снова нахлобучит свой цилиндр.

— Видишь ли, Саня, — ответил он, грустно улыбнувшись, — я делаю это по приговору, который вынес себе сам. Я заслужил это!

(Тут я, конечно, удивился, откуда он знает мое имя, но не стал отвлекаться на пустяки.)

— Но чем? — изумился я. — Мы все, прямо-таки все, вас очень любим и ценим... Вы слишком строги к себе. Конечно, и у вас бывали ошибки... Неудачно высказались насчет прав человека, например. Но все это давно забыто!

— Забыто?! — вскричал он внезапно. — А ведь это лучшее из всего, что я написал... Какой кошмар, какое безумное разочарование в своем Предназначении!

На время он отвлекся от своего ужасающего занятия и заплакал.

— Сударь, — попытался я утешить его, — возможно, ваше негативное мнение о правах человека снова станет актуальным. Не теряйте надежды! Не стоит из-за временной потери интереса к вашей позиции так убиваться...

— Ты не понимаешь, — грубо ответил он срывающимся голосом, — я наказываю себя не за это, а за то, что оклеветал человека!

— Которого? — пожелал уточнить я со всей возможной вежливостью.

Признаюсь, мне было нелегко удерживать сочувственный тон, поскольку клеветники вызывают у меня отвращение.

Он назвал фамилию.

— Могу вас поздравить, — сказал я сухо, — у вас появился весьма талантливый продолжатель, столь же неразборчивый в средствах.

— О, Боже! — воскликнул он, разбежался и ударился головой о парапет с удвоенной силой.

* * *

Из других впечатлений, поразивших меня в Аду (уже в ночь отбытия), — неожиданная встреча с героем моего пасквиля, представленного на конкурс. Луна ярко сияла своим волшебным светом, озаряя бескрайние просторы Ада. Как такое могло быть — ведь Ад находится глубоко под поверхностью Земли — уразуметь я не в состоянии. В воздухе носились кровососущие летучие мыши, от дуновения ветра тихо шелестели ядовитые растения, источая пряный аромат... А тот, кого я меньше всего хотел здесь повстречать, стоял на четвереньках, сверкая громадным лысым черепом и выл на Луну.

11 ноября 2023 г.

9. Призрак

Если вы, допустим, пишете какой-то рассказ, повесть или даже, чем черт не шутит, роман, то.... Вы, наверно, хотите что-то такое сказать. Более-менее ценное. Чем, опять же, черт не шутит. Кто его знает. А я, вот, пишу, но ничего такого сказать не хочу. Совершенно.

— А какого, извини, хрена ты бумагу изводишь? — спросит меня каждый разумный человек.

— А я и сам не знаю, — отвечу я, если кто-нибудь додумается спросить.

Вот, кстати, что недавно произошло (я ничего не придумал и от себя не присочинил). Но об этом, конечно, нужно писать осторожно. Поскольку есть риск угодить в психушку.

Поэтому я — так, только слегка обрисую. Чтобы никого не раздражать. Чтобы никто не вышел из равновесия и не возбудился. В общем, чтобы никому ничего такого не причинить.

Короче, просыпаюсь тут на днях в своей постели. И вижу. Недалеко, почти совсем рядом, — призрак из пипетки кормит кота. Я говорю ему (призраку):

— Ты что делаешь? Зачем? Почему из пипетки?

А он, представьте себе, на меня ноль внимания. Как существо из иного мира. Продолжает кормить из пипетки, не проявляя ко мне никакого высокомерия. Просто не реагирует, как будто меня тут нет.

Полминуты, наверно, я на них обоих глядел. Потом встал, чтобы получше их рассмотреть, и призрак с котом тут же исчезли.

Кстати, должен заметить, что моя маленькая кошечка не имеет ничего общего с этим непонятным котом. Она в это время спала себе в шкафу.

А больше ничего интересного у меня не происходило. Тишь да гладь. В умственном смысле — хоть шаром покати. Только вот этот призрак с котом, и больше ничего.

Но я должен, все-таки, в свое оправдание сказать, что почти в первый раз призрака вижу. И, как человек рациональный, в них не верю.

Тут, как говорится, не верь глазам своим.

Вот стоит призрак передо мной. И на мой вопрос не реагирует. Может, это оттого, что я в него не верю.

Конечно, случай с призраком меня волнует. Даже на фоне подъема уровня океана и мирового перемещения континентов, когда один континент исподтишка подползает под другой и устраивает там гнусности мирового масштаба.

Это, наверно, говорит обо мне как о мелкой суеверной личности.

А действительно ли я раньше никогда призраков не видел?

Тут у меня нет полной уверенности. Может, еще один раз и видел, но не уверен, что это был именно призрак. Поэтому хвастаться не буду.

Короче, после этого случая жизнь пошла как-то по-иному.

В чем это выражается — даже сразу не скажу.

Сижу, вот, и жду — вдруг он опять придет. Этот или какой-нибудь другой.

Тут уж я не оплошаю, как-нибудь потребую от него обратить на меня внимание. Спрошу тогда, как там жизнь у них протекает. Не притесняет ли кто, не нарушаются ли их законные призрачные права. Разрешено ли им собираться по трое и в большем количестве. Вообще, какие ограничения на свободу перемещения и исчезновения.

А со своей стороны — скажу, что у меня все хорошо. Даже прекрасно. Все есть, ни на что не жалуюсь.

Он, может, удивится: как это так — ни на что не жалуется человек?

А я ему, конечно, отвечу:

— А зачем мне, товарищ призрак, на что-то жаловаться, когда жаловаться не на что?

Вот так мы с ним душевно поговорим. На прощанье я ему скажу:

— Заходите, уважаемый, еще. Хоть с котом, хоть без кота.

21 ноября 2023 г.

10. Котище в океане

— Ты уже купил календарь на следующий год? — спросил Кот, когда мы отплыли от берега достаточно далеко. (К несчастью, подул сильный ветер, который начал относить мою утлую лодочку прямо в открытое море...)

— Купил несколько штук, на пять лет вперед, — ответил я. — Так дешевле. А что?

— Могут не пригодиться, — заметил Кот.

— В каком смысле? — не уследил я за ходом его мысли, поскольку усиленно работал веслами.

— В переносном, — ответил он меланхолично.

— Ааа, — сказал я.

— И зачем ты только отошел так далеко от берега? — упрекнул меня Кот.

— Видишь ли, — попытался я объяснить ему суть дела, — самая свежая и вкусная рыба водится именно тут...

— И самая прожорливая тоже, — уточнил Кот.

Тут, надо сказать, волнение внезапно усилилось, и несколько раз моя бедная лодочка чуть не перевернулась, а рыболовные принадлежности и весла смыло за борт.

— И зачем ты только взял меня с собой, — снова упрекнул меня Кот.

— Следить за рыбой, — объяснил ему я. — Чтобы она обратно в воду не выпрыгивала, когда мы ее наловим.

Кот что-то ответил, но я не расслышал, что именно, из-за сильного ветра, который отнес его слова куда-то в сторону.

— ... как-то нелогично это, — сказал Кот, развивая свою (не услышанную мною) мысль. А ведь ты логику, вроде, преподаешь в свободное время...

— Все логично, — ответил я. — Хотя рыбная бочка пуста, следить за ней все равно надо. А то мало ли что.

Тут набежала волна высотой с восьмиэтажный дом, моя бедная лодка перевернулась, и мы оба оказались в ледяной воде.

— Хочешь, я тебе из логики что-нибудь еще расскажу? — спросил я, дрожа от холода.

Кот кивнул, и я сказал:

Все люди смертны;

Сократ — человек.

Следовательно, Сократ смертен.

— Так и я могу, — парировал Кот, стуча зубами:

Никакая смерть не является приятной;

Утопление — смерть.

Следовательно, утопление неприятно.

Я похвалил Кота и обещал зачислить его на свой курс логики, если мы случайно выживем.

— А Сократ — он, что, действительно умер? — спросил Кот, выныривая из-под волны средних размеров.

— Его отравили, — ответил я, с трудом держась на поверхности, — причем из самых лучших побуждений. В разгар сезона блэготравительности...

— Нуу, — обрадовался Кот, — тогда я знаю, кто это сделал. Эта сладкая парочка, которая у всех на слуху...

Рев ветра, к счастью, не смог заглушить его слова, и я ответил ему:

— Молчи, Котище... Вдруг мы выживем? Могут быть неприятности... Зачем они тебе? А так — проживешь всю оставшуюся жизнь спокойно, в довольстве и радости... Молчи! Молчи, ради Бога...

— Нет, я все равно назову этих негодяев, — сказал Кот. — Потому что я не такой трус как ты. Пусть никто и никогда больше не подаст им руку! Вот их имена: Моцарт и Сальери...

18 декабря 2023 г.

11. Восстановление чувств

Харкотин, литератор и одновременно мой давний друг, стоял, держась за спинку кресла. Было видно, что руки его дрожат.

— Я, — сказал он, — все время занимаюсь тем, что препарирую чувства...

— И что из них в результате получается? — спросил я.

— Не знаю даже, как тебе ответить, — не нашелся он.

— Зато я знаю, — сказал я. — Консервированные чувства у тебя получаются.

— Ну, — сказал он, — пусть так. Мне не жалко. Некоторым людям нравится...

— Удивительно, — сказал я, — что некоторым людям нравятся консервированные чувства вместо натуральных.

— Почему «вместо»? — вскипел он. — Аккуратно препарированные, тщательно законсервированные, нежные чувства хорошо сочетаются с натуральными. Не вижу в этом проблемы.

— Ладно, — сказал я. — Не буду спорить по пустякам. Сочетаются, и Бог с ними.

— Проблема не в этом, — сказал он, все еще дрожа, — а совершенно в другом...

— В чем же, — сказал я.

— Суть в том, — продолжил он свою мысль, — что когда я препарирую чужие чувства, то разрушаю свою способность чувствовать...

— Да? — удивился я.

— И вот теперь я совершенно ничего не чувствую, — сказал он с горечью.

— Не может быть, — не поверил ему я. — А если кто-нибудь плюнет тебе в морду, тоже ничего не почувствуешь?

— Не знаю, — признался он. — Я пробовал плюнуть себе в рожу, но не попал...

— Эх, ты! — сказал я и объяснил ему в двух словах, как это делается.

И тут, представьте себе, он снова попробовал и опять промахнулся.

— Что же делать, — сказал он упавшим голосом. — Может быть, ты...?

— Видишь ли, — ответил ему я, — на меня не рассчитывай. Я не смогу этого сделать в силу своих прогрессивных философских убеждений. Но, уверяю тебя, найдется куча желающих. Выйди на улицу с плакатиком: *«Прохожий, остановись! Плюнь в меня, я этого заслуживаю!»*

— Саня, ты что, с ума сошел? — воскликнул он. — Ты что, не понимаешь, чем это для меня закончится? Что люди подумают?

— Не знаю, не знаю, — ответил ему я. — По-моему, ты все преувеличиваешь... А люди вообще ничего не подумают. Они не привыкли думать. И потом, ты же в себя призываешь плюнуть, а не в кого-нибудь там...

В ответ он только грустно помотал головой.

— Ну, раз так, — сказал я, — раз ты такой, с позволения сказать, интеллигент, попробуй дать себе по морде. По-моему, это прекрасный выход. (И я поведал ему в двух словах, как это проще всего сделать.)

Он попробовал, но опять безрезультатно.

— Не удастся как следует размахнуться, — объяснил он.

Тут мы оба замолчали, не зная, что предпринять в сложившейся ситуации.

— Можно пойти совершенно по другому пути, — предложил я. — Есть верный способ, узнать, чувствуешь ли ты хоть что-нибудь. Надо проверить, сохранилось ли в тебе базовое природное чувство страха...

— А как это сделать? — внезапно возбудился он, перестав дрожать.

Я объяснил.

— Хорошо, — сказал он, попросил у меня ручку и блокнот и вышел в другую комнату.

Через две минуты он выскочил оттуда как ошпаренный и пробормотал, жуя вырванный листок:

— Ты знаешь, помогло... Наверно, остальные чувства тоже удастся восстановить!

30 декабря 2023 г.

12. Спиритическое

Недавно, роясь в одном заброшенном библиотечном фонде, набрел на неприметную тетрадку, состоявшую из дюжины пожелтевших листков... С превеликим трудом сумел я разобрать едва различимый рукописный отчет о спиритическом сеансе, случившемся в Петербурге в конце XIX в.

Казалось бы, какой интерес может представлять эта находка сейчас, в наш век науки и передового искусственного разума?

И все-таки, мелькнувшее имя *Salieri* заставило меня остановиться и вчитаться в сухое протокольное описание упомянутого сеанса.

Вот отрывок оттуда, привлечший мое наибольшее внимание.

Вопрос. Скажи, дух неприкаянный, где обитаешь ныне?

Дух *Salieri*. Фаш фопрос есть некорректни. Пасколку вриема и пространстенное координато нон езистано пер нои.

Вопрос. Скажи, дух неприкаянный, страдаешь ли, свое злодейство вспоминая?

Дух *Salieri*. Которое?

Вопрос. Страдаешь ли, несчастный, что Моцарта ты гнусно отравил, ведомый низкой завистью своею?

Дух *Salieri*. Какайа глупост! Не трафил йа ни Моцарт, ни Бетховен, ни Гайдн с Йоганн Себастьян Бах. Пасколку не имел такой привычка. И Вагнера йа тоже не трафил... (*исчезает*).

Княгиня М. и граф N объявляют перерыв на кофий, с тем чтобы, отдохнув от переживаний, спустя короткое время вызвать дух Пушкина.

Откушав кофию, все возвращаются, задувают свечи.

Под столом сразу раздаются стуки, настолько мощные, что княгиня М. падает в обморок; граф N с трудом приводит ее в чувство с помощью оподельдока и нашатыря.

Вопрос. Алексан Сергеич, вы ли это?

Дух. Ну, я. А что? Зачем вызывали?

Вопрос. Как вы докажете, что вы, сударь, это действительно вы, а не какой-то самозванный дух?

Дух. Элементарно, Ватсон. *(смеется)* Уж извините, господа и дамы за шутку плоскую мою. Простите старика. С кем не бывает... Вот доказательство мое. Я подло был расстрелян в тридцать седьмом году, что наихудшим в девятнадцатом был веке. Да и в двадцатом тоже. И в двадцать первом, кстати иль некстати — уж как вам нравится.

Княгиня М. Какие речи странные, двадцатый век еще ж не наступил. Тем более век двадцать первый. Безумца это речи или гения?

Дух. Сами увидите, если доживете. Шучу.

Княгиня М. Да, по остроумию, находчивости и глубине такие ответы не оставляют у нас никакого сомнения в том, что вы — это действительно вы, а не кто-то еще. Мы счастливы ... Хотите ль что-нибудь узнать о жизни современной иль это не тревожит больше вас?

Дух. Как там народ? Безмолвствует?

Княгиня М. Еще бы. Совершенно безмолвствует. Ему же от этого и лучше.

Дух. К чему стадам дары свободы? Извините за самоцитирование.

Граф N. А что вы думаете о новомодных так называемых “правах человека”?

Дух. Неужто не знаете. Недорого ценю я громкие права. Снова извините, но лучше выразить свое отношение я не смогу.

Граф Н. Благодарим вас. Мы того же мнения. Хотите ль весточку живущим передать? Привет от гения загробный с благодарностью иль, может быть, кому-то порицанье?

Дух. Привет Б[нрзб] передайте. Сей славный муж ученый (специалист в музыке и по пыткам) меня закрыл собой от некого мерзавца Локшина. Нет, не виновен я, что пресловутого Сальери никто не рвется лет уж триста исполнять. Причем тут я? Какая разница, травил он или нет? Вот сочинял бы оперы получше, помелодичнее, тогда и исполняли бы его. И про отравление забыли бы. А Локшин ничтожный пусть радуется, что не про него я гениальную трагедию сочинил!

(на этом рукопись обрывается)

2 января 2024 г.

13. Средство от ужаса

Шел я как-то по улице, а навстречу мне — Альфред Степаныч. Остановился он и говорит:

— Умеешь ли ты, Саня, преодолевать свой страх?

— Не знаю даже, — отвечаю я ему. — Может быть, умею, а может — и нет.

— Как так может быть, что ты сам не знаешь? — удивился тогда он. — Тебе что, страшно никогда не было?

— Почему это «не было», — отвечаю ему. — Очень даже было. Просто я не пробовал преодолевать.

— Ааа, — сказал тогда он. — Не пробовал ты, значит. А что же ты тогда делал?

— Дрожал я, — отвечаю ему. — Вот если сильный был страх, то сильно дрожал. Как осиновый лист, если так можно выразиться. И, может, даже еще сильнее. А если небольшой такой страшочек, то дрожал несильно. Даже, можно сказать, незаметно для постороннего глаза и ушей.

— Эх, ты, — укорил меня он. — Стыдно дрожать, когда есть верный способ не дрожать...

— Загипсоваться, что ли? — уточнил тогда я.

— Нет, — отвечает он. — Гипсоваться нет смысла. Поскольку гипс — хрупкий материал, раскрошится весь за полчаса. На себе проверял. Потом подметать замучаешься.

— Нуу, — говорю тогда я, — бинтом, наверно, можно эластичным бинтоваться...

— Нет, Саня, — возражает он. — Эластичным бинтом пришлось бы очень туго бинтоваться, а это останавливает кровообращение. И может привести к летальному исходу.

— Ух ты, — сказал я испуганно, не в силах унять зубную дрожь. (Но он, слава Богу, ничего не заметил.)

— А способ мой, — продолжал он торжествующе, — сейчас узнаешь. Слушай, друг Саня... Открытие свое я совершил случайно. Другой, может, прошел бы мимо и ничего не заметил бы. А я вот, заметил и теперь этим пользуюсь... Всю жизнь боялся я, Саня. И ты знаешь, чего. (Тут я кивнул понимающе.) И никак не мог свой страх побороть. Но, как ты, Саня, прекрасно знаешь, случилось еще кое-что... (Я опять кивнул.) Да, случилось, и ничего поделывать было нельзя. И в то же время страшно до ужаса и даже до безумия ... И тут вдруг такое выяснилось, что дальше ехать некуда...

— Ну, хорошо, — говорю тогда я, — ужас на ужасе сидит и ужасом погоняет. Это все понятно. Но где же способ твой?

— Вечно ты торопишься, Саня, — отвечает он задумчиво. — Торопливость твоя только делу всегда мешает. А способ мой — вот он. Как только три ужаса вместе собрались, я и перестал бояться. Поскольку мне стало на все наплевать. Причем с высокой горы... И стало сразу на душе светло и спокойно.

— Да, — сказал тогда я. — Неплохой способ. Надо мне только третьего ужаса дожидаться, и заживу себе спокойно и счастливо...

16 января 2024 г.

14. Кузьев на фоне вечеряющего неба

Я шел по краю леса, недалеко от поселка. От запаха прелых листьев внезапно закружилась голова, и я чуть не упал. Схватившись за дерево, принял таблетку и пошел себе дальше. Непонятно

зачем. Я последнее время не ставлю себе никаких целей и живу, как придется, не заморачиваясь.

Тропинка была мне хорошо знакома, но сейчас я перестал узнавать привычный пейзаж. Все как-то изменилось. Может быть, из-за таблетки — кто его знает?

Внезапно из осинника послышался треск сучьев, и передо мной возникла темная человеческая фигура в плаще и резиновых сапогах.

Фигура окликнула меня по имени...

Как ни странно, это был Кузьев, с которым мы не виделись уже лет сорок или больше. С тех пор, как разъехались после института. Он, кстати, изменил тогда нашей профессии и заделался философом.

Я должен был, наверно, удивиться нашей встрече в таком неожиданном месте. Но я не удивился.

И мы, как ни в чем не бывало, пошли, шурша листьями.

— Видишь ли, Саня, — сказал Кузьев, продолжая наш спор, начатый примерно сорок лет назад, — я все эти годы посвятил проблеме вагонетки... У меня диссертация... монография... Надеюсь ты не забыл, на чем мы тогда остановились?

— Конечно, нет, — сказал я, — разве можно забыть вагонетку? Тем более, мне — с моей узкой железнодорожной специальностью?

— Вот и отлично, — обрадовался он. — Теперь могу тебе ответственно заявить, что у вагонетки есть решение! Универсальное и абсолютно гуманное!

— Конечно, есть, — сказал я. — Запретить вагонетки, что может быть проще.

— Какая глупость! — возмутился он. — Без вагонеток современное общество не может существовать!

Я не стал с ним спорить, тем более, что переубеждать таких, как он, бесполезно.

— Ладно, — сказал я равнодушным тоном, — пусть будет по-твоему.

— Так тебе, что, не интересно — каково мое решение?

— Интересно, — сказал я вялым голосом, но осекся.

Тропинка, по которой мы шли, внезапно уперлась в круглый земляной холм, высотой примерно в два человеческих роста.

Никогда раньше я этого холмика здесь не видел.

На его вершину вела железная лестница.

— Поднимемся? — сказал Кузьев и легонько подтолкнул меня в спину.

На вершине холмика зияло довольно большое отверстие с гладкими металлическими стенками, а в глубине происходило какое-то равномерное вращение, плохо различимое в полумраке.

— Что это? — спросил я.

— Человеческая мясорубка, — ответил Кузьев и опять легонько подтолкнул меня в спину.

Я соскользнул вниз и оказался закручен вдоль медленно вращающегося вокруг горизонтальной оси винтообразного предмета. Неторопливо кружась и как бы оставаясь при этом на месте, я понимал, что кричать и звать на помощь бесполезно.

— Зачем ты это сделал? — спросил я Кузьева, дождавшись момента, когда моя голова окажется в верхнем положении.

— Видишь ли, Саня, — ответил он, возвышаясь надо мной на фоне вечеряющего неба, — я подтолкнул тебя не нарочно, а неосознанно, чтобы не свалиться вниз самому. Конечно, я чувствую свою вину, но это пройдет, не беспокойся. Сожалею, что в отличие от проблемы вагонетки, проблема мясорубки еще не решена...

17 января 2024 г.

15. Кошка-инопланетянин

За окном январь, но я его не люблю. Мое любимое время — сентябрь, вернее, его начало.

Не бабье лето, а грустный, рано темнеющий сентябрь.

А мое любимое место в этой жизни — пустырь за углом. Именно пустырь, глинистый и жухлый, полный репейников, лопухов и подорожников. А также бурой травы...

А еще — недавно я сделал открытие.

Оказывается, Земля буквально кишит инопланетянами.

Моя кошка — тоже инопланетянин. Она боится своего отражения в зеркале и просит у меня защиты.

Но в этом, как раз, нет ничего удивительного. Я всегда знал про нее, что она слегка из другого мира.

Короче, я никогда не беру ее на свой любимый пустырь. Если она так боится кошки, живущей в зеркале, то какой ужас охватит ее на улице?

А тут один знакомый тоже оказался инопланетянином. Я даже представить себе такого раньше не мог. И вот — пожалуйста.

Оказалось, что ему нравится унижать людей. Для инопланетян, кстати, это обычное дело.

Они просто не могут иначе. (Впрочем, моя кошка — исключение.)

И что же прикажете с этим делать?

Я лично рекомендую ничего не делать. Чтобы случайно не задеть их чувств и незыблемых инопланетных ценностей.

Некоторые говорят: «Нет, надо отстаивать свое человеческое достоинство!»

Зачем, господа?

Только отношения с инопланетянами попортите, и больше ничего.

Вот я, например, когда слышу в свой адрес инопланетное хихиканье или какое-нибудь остроумное галактическое замечание, всегда делаю глупое выражение лица. И, вы знаете, доставляю инопланетянам массу удовольствия!

Я же, со своей стороны, тоже люблю радовать всяких неземных существ.

Иногда, правда, они в припадке веселья начинают пинать меня своими нижними конечностями, которые у многих снабжены копытами.

Уворачиваюсь тогда, как могу.

И, вы знаете, это даже идет мне на пользу, поскольку с успехом заменяет гимнастику и прочих фитнес.

За последнее время я значительно оздоровился (если не считать вышибленного зуба) и приобрел повышенную ловкость и верткость.

Я сбросил лишний вес и научился проходить сквозь весьма узкие щели в заборе, что ранее было мне полностью недоступно.

Кошка моя, правда, меня не одобряет. Вчера, когда я умудрился пройти между двумя плотно закрытыми дверцами шкафа, она почему-то расстроилась и попыталась от меня уйти в иное измерение. Но в последний момент испугалась живой в зеркале другой кошки.

Когда я, не поцарапавшись, вылез целиком наружу, она сказала мне человеческим голосом (что для нее, в принципе, нехарактерно):

— Саныч, ты не должен проходить там, где не могу пройти я!

По-моему, это с ее стороны, жуткий консерватизм и пренебрежение к правам человека.

18 января 2024 г.

16. Свет желтой звезды

Прогуливаясь по Гвалтнарбее-2, мы вынужденно оставались в легких, но непроницаемых скафандрах, вследствие острой токсичности местной атмосферы. Пейзаж был полностью безжизненным, притом без малейших признаков жидкой воды. Мой друг и старший коллега Ун-Унг сказал с нескрываемой горечью:

— Какая бесполезная мертвая планета...

— Почему ты говоришь «мертвая»? Ясно же, что никакой жизни здесь никогда не было! Значит, нечему было и умирать, — возразил ему я.

Он усмехнулся всеми морщинами своего умудренного семиугольного лица и ответил:

— Я имел в виду нынешнее отсутствие вулканической активности и слабость здешнего магнитного поля. Только и всего.

— Тогда ладно, — сказал я.

И мы пошли дальше по пыльной равнине, усыпанной шершавыми обломками скальных пород.

— Какая скукота, — заметил Унг, — никогда не видел ничего более унылого, чем эта дурацкая Гвалтнарбея! Надо бы поскорее убраться отсюда...

Признаюсь, что я с ним мгновенно согласился.

И тут случилось нечто неожиданное.

Унг внезапно остановился, поднял попавшийся ему под ноги булыжник и показал его мне.

— Что ты в нем нашел? — удивился я.

— Оцени его внешнюю форму, — ответил Унг. — Это же вылитый сапог!

— О Боже! — воскликнул я. — Это самый настоящий окаменелый сапог. В нем имеется явно выраженное удобное углубление. У него есть каблук! Неужели здесь все-таки была жизнь?

— Не придавай значения, — успокоил меня Унг. — Это случайность. Игра сил природы. Можем взять на память...

Булыжник, однако, оказался весьма увесистым, и мы, с некоторым сожалением, оставили его валяться в серовато-рыжей пыли, а сами отправились дальше, время от времени делая замеры радиации...

Свет желтой звезды, клонившейся к горизонту, заметно ослабевал, порождая длинные тени от скальных обломков, валявшихся на равнине. Бледный серп спутника Гвалтнарбеи уже просвечивал сквозь перистые облака, а местное небо постепенно теряло свой странный цвет и становилось все более призрачным...

Пора было возвращаться в наше временное пристанище на ночевку.

И тут я увидел сразу два булыжника точно такой же формы, как и недавно брошенный нами камень.

— Вон еще три такие же, — равнодушно заметил Унг.

Невдалеке валялась целая россыпь точно таких же (или почти таких же)...

— Не может ли это все-таки быть формой жизнедеятельности? — спросил я своего старшего коллегу, опытного астробиолога.

— Нет, Сан-Санг, — ответил он, не колеблясь. — Это всего лишь следы древней, давно угасшей Гвалтнарбейской вулканической активности. Лава, выброшенная из жерла вулкана, застывает именно в такой форме. Остальное довершает выветривание и наше воображение.

30 января 2024 г.

17. Биоразум и его больной зуб

Давно это было... Вырастил я у себя в глиняном горшке на балконе искусственный биоразум. Сначала рос он как обыкновенная луковица. Пустил белые корешки и зеленый сверху отросток. Поливал я его, надо сказать, не совсем регулярно. Поэтому, когда у него, наконец, образовалась голова, то относился этот биоразум ко мне крайне критически и не вполне благожелательно. Попрошу у него, бывало, какого-нибудь совета, а он оскалится всеми своими биоизубами, да как скажет какую-нибудь гадость, вроде:

— Черт догадал меня, чувствительного биоразума с душой и талантом, родиться в горшке на балконе у дебила!

(Один раз даже попытался меня укусить.)

Я, когда он обижается, конечно, дико извиняюсь перед ним и начинаю регулярно поливать водой из-под крана.

Он же, в свою очередь, перестает хамить и более тактично себя ведет, когда меня посещают довольно-таки редкие гости. Не объясняет им, когда они выходят на балкон покурить, каков мой истинный интеллектуальный коэффициент.

Короче говоря, жизнь складывается нелегко. Но, все-таки, пользы от биоразума больше, чем вреда.

И вот, представьте себе, от недостаточного полива или еще от чего-то, у моего биоразума заболел зуб.

Пришлось его нести, прямо в горшке, в зубную клинику.

Там в приемной очередь, все сидят, заполняют подробные анкеты о своем местожительстве и политических убеждениях.

Конечно, дураков нет, сначала узнают друг у друга, какие убеждения у принимающего доктора, а потом записывают себе в анкету такие же.

Это, я считаю, нормально и естественно.

Вот только представьте себе: у вас одни убеждения, а у доктора — другие, прямо противоположные.

Он, допустим, ознакомился с вашей анкетой, а потом ему нужно у вас зуб выдирать. И ему нужно преодолеть искушение, чтобы не выдрать здоровый зуб вместо больного! Или, допустим, зубной нерв, полчаса не вытягивать с удовольствием... Тогда, в то далекое нервное время, железная выдержка была нужна, сами понимаете.

Короче, сидим мы в приемной, и я спрашиваю у своего биоразума, чего в анкету писать.

Он говорит:

— Пиши все, как есть. Местожителство — глиняный горшок. Политические убеждения — галактический панпсихист.

Я ему объясняю:

— С такими убеждениями туда лучше не соваться.

А какие убеждения у нашего доктора, узнать не у кого. Все прочие клиенты боятся к нему идти и идут к другому.

Бедный биоразум побледнел от страха и говорит:

— Саныч, придумай что-нибудь. Сам я сейчас соображать не в состоянии. Если придумаешь, обещаю больше никогда над тобой не издеваться...

Я тогда говорю:

— Вот как запишем:

«Убежден, что мои убеждения полностью совпадают с Вашими. Готов обосновать это со всей убедительностью»

Короче, дверь в кабинет открывается... Доктор прочел все внимательно, улыбнулся по-доброму, поиграл зубовыдергивателем и вдруг спрашивает:

— А какие у меня убеждения?!

Тут я вижу, что мой биоразум от страха затрясся, совсем скукожился в своем горшке и ни слова вымолвить не может.

Я тогда говорю:

— Я своего биоразумчика хорошо знаю. Он хочет убедить вас со всей убедительностью, что ваши убеждения дословно совпадают с единственно верными. Если это не так, то, пожалуйста, дайте нам знать!

Тут доктор побледнел, взял другой зубовыдергиватель в два раза поменьше и выдрал гнилой биоzub безболезненно.

Потом пригласил нас заходить почаще и помахал на прощание зубными принадлежностями.

А мой биоразум меня, наконец, зауважал и теперь с балкона зазывает посетителей ко мне на прием по сложным жизненным ситуациям.

10 февраля 2024 г.

18. Прививка от хохота

Все, чем мы пользуемся, создано Высшим Разумом; еда, питье, укрытие от радиоактивного дождя и гнилостного ветра — всем этим мы обязаны ему.

К сожалению, в настоящее время он невидим, поэтому мы можем только догадываться о том, как он выглядел когда-то...

О его вкусах мы тоже вынуждены догадываться, так как он, беседуя с нами, всегда говорит только намеками. (Такие беседы проводятся регулярно с каждым из нас в ночное время, во сне.)

В целом, все уже давно убедились, что его взгляды на жизнь способствуют общественному процветанию и спокойствию, основанному на умеренности в потреблении и всеобщем воздержании от удовольствий.

Грубость, крикливость, недоброжелательство и другие атавистические черты нашей натуры ему удалось почти полностью в нас искоренить.

Со временем выяснилось, что ему неприятны любые незапланированные громкие звуки, в том числе биологически обусловленный смех, тем более — хохот.

В давние времена мы этого не знали и не соблюдали норм смеховой гигиены. Сейчас, конечно, дело пошло на лад, хотя иногда приходится сталкиваться с огорчительными проявлениями безосновательного смеха, нарушающего всеобщую успокоительную тишину.

Один из таких случаев потряс меня до глубины души.

Рассказывать об этом тяжело, но и утаивать правду о случившемся я тоже не хочу.

На прошлой неделе И.П. Тихобрагин, мой старинный друг, человек весьма положительный и ни в чем *эдаком* не замеченный, пригласил меня на тихое семейное торжество...

На столе красовалась засургученная бутылка ОБВ (Особой Безопасной Воды), по тарелкам аккуратно были разложены ПВКН (продукты высшей категории непросроченности)...

Внезапно Иван Петрович, уже приступивший к трапезе, побагровел, подцепил вилкой существо, похожее на таракана, и заорал на свою жену:

— Прохиндейкина! Что это? Как это сюда попало?

Жена его, Маша, потупив взор, неуверенно отвечала:

— Ванюша, поверь, это не я... Это все он...

(Тут она смиренно возвела свои прекрасные очи к потолку.)

— Ааа, — сказал, криво усмехнувшись, Иван Петрович, — так это Недоразумчик наш такое мне подсуропил?!

И громко захохотал, радуясь собственной непристойной шутке. Тогда же у меня сделалось временное помутнение сознания от несправедливых (и, к тому же, громко произнесенных) слов моего друга, обозвавшего Высшего Разума Недоразумом. Буквально на пару секунд я полностью отключился, но когда пришел в себя, то увидел, что моего друга ни за столом, ни в комнате уже нет.

— Где он? Что случилось? — прошептал я, обращаясь к присутствующим.

— Он исчез, — ответила мне Маша, вытирая рукавом набежавшую слезу.

Каким образом осуществилось это исчезновение — сразу целиком или же постепенно (по частям) — мне не удалось ни от кого добиться. Настолько все были ошеломлены, что словно потеряли дар речи.

Конечно, по вине моего друга произошло несчастье, потрясшее всю его семью, а также и меня.

Со скорбными лицами, забыв о причине семейного торжества, доедали мы свои ПВКН, запивая их ОБВ. Ни о каких тихих танцах и запланированных шарадах в создавшейся ситуации не могло быть и речи.

Молча выразив свои соболезнования семье исчезнувшего, я отправился домой в глубоком раздумье...

Прошла неделя, полная тревог и неопределенности. Я знал, что Маша, сославшись на наличие маленьких детей, которых ей якобы трудно воспитывать без мужа, обратилась к Высшему Разуму с просьбой материализовать Ивана обратно.

Свое покаянное письмо она оставила лежать на столе в незапечатанном виде...

И вот, спустя ровно неделю, мой бедный друг вернулся, так же внезапно, как исчез. Постаревший лет на 20, он словно возник из

ничего на пороге своего дома, как раз в момент, когда я случайно проходил мимо.

— Как хорошо, что ты вернулся, — тихо сказал я, пожимая ему руку. — Теперь мы все, благодаря тебе, получили прививку от социально неодобряемого громкого хохота... И мы будем еще тверже стоять на ногах!

Всем своим видом Иван, прислонившийся к стене собственного дома, давал мне понять, что он полностью согласен со мной.

— Жижнь прекрашна, — прошепелявил он беззубым ртом, держась за ручку входной двери.

16 февраля 2024 г.

19. Пошное преступление

Бим. Как ты считаешь, преступление может быть пошлым?

Бом. *(уверенно)* Конечно.

Бим. Например?

Бом. Ну, я знавал одного типа. Он на похоронах своего близкого друга много смеялся и рассказал жуткий анекдот...

Бим. Неприличный?

Бом. Да. Безумно. Я даже боюсь его сейчас повторить.

Бим. Жаль.

Бом. Потом из чьих-то мемуаров этот анекдот вычистили... Так что теперь все. Широкая публика не узнает.

Бим. Как жаль, какая утрата. Это, конечно, пошлость несусветная — рассказывать анекдоты на похоронах. Но не преступление же, в конце концов. У нас — свобода слова, да будет тебе известно. А мне нужно именно пошное преступление, чтобы включить его в диссертацию.

Бом. Ты — пишешь диссертацию? Как оригинально. Поздравляю.

Бим. Да не с чем пока. Мне пошное преступление нужно (желательно — свежее), чтобы заполнить практическую часть.

Бом. Ты, что — хочешь сам его совершить? Не советую. Преступления совершать сейчас запрещено.

Бим. Нет, Боже упаси. Зачем — сам? Ты за кого меня принимаешь? Я просто диссертацию пишу.

Бом. Ну, для диссертации, если очень нужно, можешь кого-нибудь нанять.

Бим. Ты с ума сошел. Что ты мне предлагаешь?! Если я заказываю преступление, то сам становлюсь этим самым... как его... Даже выговаривать неприятно.

Бом. Ну, тогда не заказывай, если не хочешь. Как говорится, хозяин — барин.

Бим. Но без эксперимента у меня не получится полноценная работа на соискание. Я удовлетворю не всем предъявляемым требованиям. И получу отрицательный отзыв. Что мне делать?

Бом. Я придумал. Преступление должно быть мысленным и недоказуемым. Скажем, средней тяжести, но высокой степени пошлости. И таким, чтобы никто не смог тебя потом обвинить и привлечь...

Бим. Прекрасная идея. Но что конкретно я должен буду сделать?

Бом. Тут все просто. Сначала дожидаясь августа месяца...

Бим. Так долго ждать... Я не выдержу! Я раньше что-нибудь ужасно пошлое совершу!

Бом. Терпение, мой друг, терпение. Это — прежде всего. А в августе, да будет тебе известно, намечается звездопад, в смысле — метеоритный дождь...

Бим. *(перебивает)* Зачем мне этот дождь? Я преступление хочу совершить. Пошлое, но безопасное. Для диссертации. Которая, кстати, называется «Изнанка пошлости как культурный феномен»...

Бом. Так вот, выбираешь ночку потемнее. Потом залезаешь куда-нибудь высоко на крышу. И мысленно направляешь какой-нибудь метеорит в окно публичного дома... Представляешь, какая там разразится пошлятина! Осколки метеорита в шампанском... разбитые зеркала... красавицы... посетители... Только успевай записывать и публиковать. А в случае чего — ты не виноват. Если задержат, ссылайся на закон всемирного тяготения, который ты не нарушал.

Бим. Я подумаю. Не все так однозначно. И вот еще, о чем хотел тебя спросить. А Вселенская Катастрофа — может быть пошлой? Как считаешь?

Бом (*уверенно*). Конечно.

Бим. Откуда ты взял? Будь добр, приведи пример! Мне очень нужно для диссертации!

Бом. Пример — пожалуйста. Но для моего примера тебе самому придется стать большим пошляком... очень большим...

Бим. Насколько большим?

(*Бом что-то шепчет ему на ухо*)

Бим. (*ошарашенный*) Аааа... Оооо... А дальше-то что делать?!

Бом. А все, что твоей душе угодно. Большая Пошлая Катастрофа будет у тебя в кармане.

Можешь даже считать, что она уже произошла. Включай в диссертацию!

Бим. Спасибо, друг. Правда, я не совсем понял, о чем ты. Что включать? Как включать? Но все равно чувствую радостное вдохновение... На душе стало как-то необыкновенно ...

20 февраля 2024 г.

20. Смирнягин и собачья будка

Смирнягин лежал на диване, задрал ноги, и думал, что его зря обидели хорошие люди. Из-за какого-то пустяка. Смешно даже говорить, из-за какого. Насколько было бы лучше, если б его обидели какие-нибудь сволочи. А тут — непонятно, что делать...

Внезапно ему пришла в голову мысль, что никакой, собственно, пользы для человечества от его существования нет. А вред... вред, может быть, и даже наверняка есть. Если хорошенько поискать, обязательно какой-нибудь вред найдется. Тут заплакал Смирнягин и решил попросить у Высших Сил, чтоб они его немедленно покарали.

— Покарайте меня, о Высшие Силы, если вы на самом деле существуете, — так мысленно, но горячо попросил Смирнягин.

Ничего, однако, не произошло. Птички за окном по-прежнему чирикали, травка на балконе зеленела, солнце, опять же, светило как всегда.

Вытер тогда Смирнягин слезы и снова взмолился, как и в прошлый раз — мысленно, но только еще более убедительно и страстно:

— Покарайте же меня, о Высшие Силы, хоть как-нибудь, поскольку из-за никчемности своей недостойн я существования!

И снова ничего вокруг, вроде бы, не изменилось, только птички, как показалось Смирнягину, еще более беспардонно и нагло зачирикали. «Издаются, трясогузки проклятые,» — решил Смирнягин и, возможно, не ошибся.

— Чего же этим Высшим Силам еще надо, чтобы прислушаться к просьбе простого, незатейливого человека? — подумал он. — Неужели им, таким-сяким, требуется, чтобы я всю свою подноготную наружу вывернул? Ну, что ж, пожалуйста... раз им так этого хочется...

И начал тогда Смирнягин перечислять (уже вслух, так как соседи уехали на дачу и не могли его подслушать):

— А покарайте-ка вы меня, любезные, за гордыню, на ровном месте возникшую, а еще — за трусость неимоверную, жадность непредставимую, а также за равнодушие гнусное, беспредельное...

И тут, представьте себе, произошло небольшое землетрясение, как раз под Смирнягинским подъездом. В результате чего рухнула люстра и снесла Смирнягину заднюю половину головы.

Стена, отделявшая его квартиру от соседней, треснула и тоже рухнула на соседский же гарнитур, а недостроенная собачья будка во дворе провалилась в разлом земной коры.

— Какое безобразие, — подумал Смирнягин оставшейся половиной головы, — разве я об этом просил? Что скажут соседи, когда вернутся с дачи? Про собачью будку я уже вообще молчу...

И тут неожиданно отвечают ему Высшие Силы громовым голосом (раздавшимся в передней половине головы):

— Сам ты виноват, дурень недоделанный! Нет, чтоб выйти в чисто поле и там нас попросить о покарании. Там бы мы и покарали тебя одного как следует. Скажи спасибо, что никто, кроме тебя, не пострадал.

Призадумался тогда Смирнягин своей передней половиной, и пришлось ему признать, что сам же он кругом виноват, и придется теперь соседям платить за ремонт.

— А платить за будку, — решил Смирнягин, — категорически откажусь. Сколько еще можно навешивать на простого, неза-

тейливого человека лишней ответственности? Тем более, что теперь у меня только половина головы.

25 февраля 2024 г.

21. Штук

Внезапно Штук ощутил острый приступ омерзения и страха. Существо, с которым он столкнулся лицом к лицу, обладало выдающейся способностью прочитывать чужие мысли и чувства. Впрочем, Штук приложил все усилия к тому, чтобы не быть прочтенным.

Не выдать себя ничем, даже мельчайшим движением губ или интонацией. Кажется, удалось. По крайней мере, щупальца существа не налились кровью, а сохраняли свой приветливый зеленоватый оттенок.

Действительно, удалось.

Существо улыбнулось и протянуло ему свою скользкую присоску в знак благорасположения. Он произвел хорошее впечатление.

А он, а он, ссутулился еще больше и сказал с немыслимой искренностью:

— Ой... у меня тут порез... поранил случайно руку ... по неосторожности... простите...

Возвращаясь домой, Штук высоко поднял воротник, чтобы другие существа, попадавшие на пути, не заметили ужаса и омерзения, застывших вместе с потом на его лице.

«Наверно, оно меня заподозрило,» — размышлял Штук, ковыляя мимо клумб с модифицированными цветами, которым явно не нравилось, что он скрывал выражение своего лица.

Цветы перешептывались и передавали друг другу свое мнение о нем. Особенно усердствовали гиперландыши с псевдорозами:

— Покажи порез, покажи порез, лгунишка! — начали они кричать, издавая пряный модифицированный аромат.

— Не покажу, — тихо сказал Штук, дрожа от страха.

Конечно, ему не следовало этого говорить. Уж лучше бы промолчал, чем противоречить цветам.

Оттого все и кончилось не лучшим для Штука образом. Всем скопом они на него набросились, сделали свое дело и разбрелись по клумбам, как ни в чем не бывало.

Оставив сухое выпитое тело на гравии...

3 марта 2024 г.

22. Глюк

— Видишь ли, — сказал проф. Гордей Петрович Сиволапов, — невозможность путешествия во времени была теоретически обоснована еще в работах ... (тут он замялся и махнул рукой). Однако твой прибор основан на совершенно неизвестном принципе, который непонятен, кажется, тебе самому...

Профессор помолчал и, загадочно улыбнувшись, продолжил:

— Такой прибор может кое-кого заинтересовать... Поскольку открываются кое-какие перспективы...

Выдержав паузу, профессор многозначительно подмигнул и пустился в бесплодные рассуждения о природе времени. Остановить поток его красноречия было невозможно.

— Если усовершенствуешь прибор, — поделился своей мечтой профессор, — сможешь отправиться в ключевые точки истории! Сможешь, если постараться, спасти Пушкина..., потом — Гумилева...

Ошеломленный такими речами, Глюк осторожно попятился к входной двери, вежливо поклонился и вышел наружу, оставив профессора наедине с его почтенной супругой.

Непостижимым науке способом его прибор мог перемещать примерно на одну минуту в прошлое весьма ограниченный объем пространства. На физические тела вне этого объема прибор никак не желал действовать...

Как-то раз, включив его недалеко от шоссе, Глюк неожиданно осознал это обстоятельство — столкнулись примерно полтора десятка машин. Были ли жертвы? Глюк этого так и не узнал, позорно сбежав с места происшествия.

Конечно, он чувствовал себя виноватым, но пойти в полицию и признаться — это было выше его сил.

Затем он испробовал свой прибор в толпе, вызвав чудовищный переполох... (Тогда один впечатлительный господин упал в обморок, налетев на самого себя.)

В общем, прибор действовал безотказно, но там, где происходило интенсивное движение, возникали проблемы.

Еще один эксперимент Глюк (исключительно из любопытства) провел в Консерватории, во время выступления знаменитого баритона М, которого ему удалось передвинуть на пару тактов назад в самый неподходящий момент. (Исполнялась 9-я симфония какого-то малоизвестного автора.) Результат — с его, Глюка, точки зрения — напоминал грандиозное музыкальное несварение. Впрочем, публика была в восторге и неистово аплодировала.

«Хорошо, что я не повредил музыкальной карьере этого выдающегося баритона,» — подумал Глюк с облегчением.

Спустя неделю вся эта история в целом получила неприятное продолжение.

«Видимо, профессор проболтался на кафедре или его мадам — своим подругам,» — подумал Глюк, когда внезапно обнаружил, что за ним следят какие-то странные люди.

В тот вечер его настроение впервые сильно испортилось.

Испуганный, он еле заснул.

Будь изобретенный им прибор помощнее, он охотно перебрался бы лет на десять назад (а то и куда подальше).

Наутро, едва выйдя из дому, Глюк увидел троих субъектов со стертыми, как пятаки, лицами, которые сразу же двинулись за ним.

Глюк побежал, эти трое рванулись за ним, развеяв его последние сомнения.

Поначалу бежать было легко. Ему только недавно исполнилось тридцать лет, и сердце еще вело себя прилично, а нога не была сломана... Страх и омерзение, смешанные примерно в равных пропорциях, подгоняли его.

Он бежал, уворачиваясь в толпе от столкновения с беспечными прохожими, и краем глаза пытался наблюдать за своими преследователями.

Как Глюк ни старался, оторваться от них ему не удавалось.

Превосходя его ростом и уровнем физической подготовки, мерзавцы неумолимо приближались.

В отчаянии, Глюк ворвался в подъезд девятиэтажного каменного дома и, не дожидаясь лифта, ринулся по лестнице вверх. Сердце его бешено колотилось, когда он добрался до последнего этажа. Окно на лестничной площадке, выходившее в осенний двор, было распахнуто настежь.

Тут же послышался звук открывающихся дверей лифта, и трое вышедших из него негодяев увидели Глюка, стоящего на подоконнике.

— Эй, ты, козел, — угрюмо сказали они, приближаясь к своей будущей жертве.

Глюк неловко взмахнул руками и, покачнувшись, полетел вниз, на мокрый асфальт. В полете он успел подумать, что если разобьется насмерть, то формально эти трое не могут считаться его убийцами.

«Не они же выбросили меня из окна, а я это сделал сам», — думал Глюк, приближаясь к земле.

На уровне третьего этажа он ударился о ветку какого-то дерева и расцарапался до крови...

А через секунду он же, невредимый и еще не заходивший в подъезд, стоял на земле и кричал своим обидчикам, высунувшимся из окна:

— Эй, вы, трусы! Попробуйте, как я!

О том, что было дальше, Глюк не пожелал мне рассказывать, зная мой повышенный уровень эмпатии к людям оступившимся и заблудшим.

* * *

С тех пор прошло несколько лет, пять или шесть — не помню точно. Мой друг за это время сильно изменился. Пытаясь усовершенствовать свой странный прибор, он потратил кучу денег и влез, буквально по уши, в долги. Характер его, и прежде довольно скверный, бесповоротно испортился. Деньги, занятые у профессора, он и не думал возвращать, мотивируя это тем, что Сиволапов, мол, такой старенький, что они ему уже не понадобятся...

Короче, мы поссорились. До меня доходили смутные слухи, что его изобретательская работа идет туго, а вернее, вовсе не идет.

«Добром это не кончится,» — думал я о своем бывшем товарище, перестав надеяться, что он вернется к нормальному образу жизни.

И вот в один прекрасный (или, вернее, далеко не прекрасный) день он исчез, не оставив никакой записки. Зато на берегу нашего мутного, болотистого озера нашли его аккуратно сложенную одежду и документы...

Тело, кстати, так и не обнаружили, что было неудивительно, если учесть способность нашего водоема засасывать любые предметы и скрывать их под толстым слоем ила.

И все же, робкая надежда на то, что мой бывший друг жив, меня не покидала. Шансов на это, в сущности, не было, и общие знакомые безжалостно высмеивали меня. Сам Сиволапов тоном, не допускающим возражений, призвал меня, как он выразился, «быть реалистом».

Так прошел, наверное, еще год, и я уже не вспоминал о гибели Глюка с прежней горечью, приняв эту потерю, как неизбежную.

Как-то вечером, читая свою любимую газету, наткнулся я на литературную сенсацию — впрочем, весьма спорную (по мнению автора газетной заметки).

«Странно, — прочел я в газете, — что предсмертное пушкинское письмо было обнаружено только сейчас. Не является ли оно тщательно изготовленной фальшивкой и провокацией? Тем более, что содержание его, мягко говоря, вызывают недоумение».

Затем в газете приводился текст найденного пушкинского письма, адресованного Вяземскому (но так и не отправленного):

«Дружище, поверь, нисколько не озабочен я завтрашней своей дуэлью, на которой сам намереваюсь выстрелить в воздух... И все ж таки хочу сообщить тебе нечто странное, о чем никому, кроме тебя, не решился сказать. Намедни наведалься ко мне один субъект, уверявший со страстью, будто завтрашняя дуэль закончится моею гибелью. И требовал притом, чтоб я отрекся от одной из своих лучших вещей, где я якобы оклеветал одного несчастного итальянца (известного отравителя). Все это, конечно же, пустяки и полнейший вздор! Надеюсь сим сведением тебя немного развеселил. Субъекта, кстати, я вытолкал из своего

*дома взащей, чтоб другим проходимцам неповадно было. Прощай!
Писал раб Божий Александр сын Сергеев Пушкин в лето 7345»*

— Боже мой! — подумал я, дважды перечитав письмо, — неужели...

2024–2025 г.

23. Кногтюрин и Прекрасное Будущее

— В Прекрасной Стране Будущего, — внезапно сказал Кногтюрин, — подлость будет полностью искоренена.

— Да ну? — удивился я. — С чего бы это вдруг?

— Неудобно будет перед инопланетянами, — объяснил он. — Представляешь, Саня, они прилетят, а у нас тут такое творится... Конечно, придется принять необходимые меры!

— Не знаю, не знаю, — усомнился я. — А какими методами ты предлагаешь воспользоваться?

Он почесал затылок и сказал:

— Самыми современными. Эпигенетическими. Небольшая инъекция младенцу в мозжечок, и вместо законченного подлеца из него вырастет... вырастет...

Тут Кногтюрин задумался.

— Добрячок? — предположил я.

— Нет, Саня, — отрезал Кногтюрин со всей решительностью. — Лишний носитель добра нам тут ни к чему. И без того развелось этих зануд как собак нерезаных...

— Да уж, — сказал я. — Многовато их что-то стало. А поделаться ничего нельзя. Если прилетят инопланетяне, пойдут знакомиться с населением. Нужно, чтоб их окружали в основном хорошие люди...

— То-то и оно, — согласился он. — Но лишние праведники нам все равно не нужны. Из несостоявшегося подлеца должен будет вырасти обыкновенный, честный негодяй! Неспособный на подлый поступок!

— Ух ты! — восхитился я. — Но зачем, зачем он тебе, этот негодяй, нужен?

— Пойми, Саня, — сказал Кногтюрин взволнованно, — если кругом будут одни прекрасные люди, к чему это может привести?

К расслабленности и, в конце концов, к деградации людской популяции.

— Эх, — сказал я.

— А тут, понимаешь, подойдет к тебе такой честный негодяй и скажет:

«Так, мол, и так, сударь, собираюсь совершить гнусное преступление. Не могу без этого жить, уж извините. Прошу вас никому об этом не сообщать, а также мне не препятствовать. Надеюсь на вашу честность и порядочность».

— Да, — согласился я, — это интересно. И с его стороны это будет очень даже благородно, хотя и преступно.

— Не только благородно, но и безопасно, — поправил меня Кногтюрин. — Поскольку он будет понимать, что ты, как честный человек, не сможешь его подвести и никому не сболтнешь и мешать ему тоже не станешь.

— Это будет не жизнь, а сказка, — сказал я. — Сейчас-то все друг друга обманывают. Никому верить нельзя.

Кногтюрин обрадовался, что я его поддержал, и говорит:

— Мы, наконец, приблизимся в нравственной области к природе. Ученые разработают к тому времени новую мораль всеобщей зверочестности. Негодяи будут носить на одежде бляшечки с буквой «N», а хорошие люди — такие же жетончики, но с буквой «X». Самые скромные не будут выставлять их на всеобщее обозрение, а спрячут под отворотом пиджака...

— Под отворотом пиджака? — всполошился я. — А как же тогда инопланетяне смогут их распознать?

— Не уверен, что нам следует так уж облегчать жизнь инопланетянам, — возразил мне Кногтюрин. — Может быть, всем придется свои значки носить скрытно. А не напоказ, потакая собственному тщеславию.

— Будет ли это с нашей стороны честно? — опять усомнился я.

— Думаю, что будет, — успокоил меня он. — Мы не обязаны каким-то вшивым инопланетянам раскрывать всю свою душу целиком и сразу. Пусть эти гады помучаются, а там посмотрим, как с ними дальше быть...

28 марта 2024 г.

24. Безухин и Синеглазов

Действующие лица:

1. Пьер Львович Безухин,

2. Синеглазов

С. Слышь, Пьер, ты боишься чего-нибудь больше смерти?

П. Ммм...

С. Чего мычишь? Отвечай, когда тебя спрашивают.

П. Ммм...

С. Вот идиот. Не раздражай меня! А то я за себя не отвечаю. Время сейчас такое, что никто за себя не отвечает. А я, между прочим, беру у тебя интервью. Так что, давай, отвечай.

П. Ммм?

С. Нет, это невозможно вынести. Он издевается надо мной, а в моем лице — и над всеми нами, разумными людьми.

П. Ммм?!

С. *(бьет Пьера палкой по голове)* Ну, что, понравилось? Будешь теперь отвечать?

П. Я глухонемой.

С. Ну, тогда другое дело. Тогда — извини, погорячился. Время сейчас такое, каждый может погорячиться. Надеюсь, ты на меня не обиделся?

П. Пустяки. Конечно, не обиделся. Время сейчас такое. Не до обид, сам понимаешь.

С. Вот именно... Хотя — что?! Ты же глухонемой! А разговариваешь! Значит, ты меня обманул, скотина!

П. Нет, не обманул. Я на самом деле глухонемой. Но после удара, как видишь, вылечился. Так что, все в порядке. Не волнуйся. Спасибо тебе.

С. Я и не волнуюсь. Ну, надеюсь, теперь-то ты мне ответишь: чего боишься больше собственной смерти? Пойми, я же не просто так интересуюсь, а выполняю важное поручение. Обществу, в котором я состою, нужно это знать о каждом, чтобы принять соответствующие меры, в случае чего.

П. В каком-то «случае чего»?

С. Много хочешь знать. Список таких случаев уточняется. Так что, не тани из меня жилы. Давай, отвечай.

П. Больше собственной смерти я боюсь гу... гу ...

С. Ну же, я жду!

П. Гу... гу...

С. Нет, это невозможно. Придется опять прибегнуть к проверенному методу.

(снова бьет Пьера палкой по голове)

Давай, отвечай по-человечески, наконец. Это твое «гу» меня не устраивает.

П. Гу...

С. Вот ведь скотина. Опять разучился говорить. Или обманывает? Надо бы посильнее его треснуть, чтобы разговорился.

(со всей силы бьет Пьера палкой по голове)

Я жду! Давай, отвечай!

П. Гу-гу.

С. Эх, не помогло. Что может значить это «гу»? Чего он так боится? Надо в словаре посмотреть. Тэкс. Самое распространенное слово на «гу» — это «гусеница». Но это же ненормально — так бояться гусениц. Они маленькие, безобидные... Ползут себе, ползут эти гусеницы неведомо куда, никого не трогают. Жуют листочки.

(вздыхает, говорит в сторону) Попробую теперь с ним по-хорошему. *(Пьеру)*

Слышь, Пьер, ты гусениц боишься, да?

П. Ммм...

С. Так, выяснили. Значит, вроде бы, не гусениц он боится. Может, гуманизма опасаясь?

П. Ммм?

С. И это выяснили. Значит, не боится он гуманизма. И правильно делает!

П. Да, гуманизма не боюсь. Хотя надо бы, а вот не боюсь. Хоть и страшен бывает он по ночам, когда привидится, гуманизм проклятый. А гусениц все-таки побаиваюсь...

С. Ура! Он опять заговорил! И признался, что гусениц боится. А больше мне от него ничего не надо. Что с него взять? Он же

ненормальный. Гусениц он, видите ли, побаивается. Вы только поглядите на него! Он идиот!

Занавес

3 апреля 2024 г.

25. Обратная сторона бессмертия

— Саня, — сказал Контужин, покачиваясь весьма умеренно, — вот как лично ты относишься к бессмертию?

— Петя, — ответил я ему, твердо держась на ногах, — никак не отношусь, поскольку это вещь нереальная, чисто гип-потетическая и лично меня не касается.

— Саныч, — не отставал он, — это сейчас она (в смысле оно) не продается на каждом углу за пустяковые деньги... А вот завтра, в смысле через 50 лет, все будет ровно наоборот. Отбою не будет от предложений! В рассрочку, по предоплате, при поручительстве, без поручительства... Ты бы — что, отказался?

— От чего отказался? — переспросил я. — От вечной дряхлости и бесконечного беззубого шамканья?

— Саня, — одернул меня он, — ты не понял. Бессмертие будет предлагаться в комплекте с вечной молодостью, неиссякаемым здоровьем и шикарным внешним видом...

— Ну, — сказал я, — тогда не знаю. Хрен его знает. Не будет ли тут какого-то подвоха. Одна неприятная вещь уж точно просматривается. Сейчас у всех есть в жизни цель — помереть. Никакой другой цели нет, а эта — есть. А тут ее, этой цели, больше не будет. Ради чего, извиняюсь, жить? Не приведет ли это к неизлечимой массовой депрессии, которая хуже всего на свете?

Он помотал головой и говорит не спеша:

— Так оно же не будет насильно вводиться, как картофель. Только строго добровольно и по квоте, а также при согласии на то близких родственников, нотариально заверенном.

— Все равно, — сказал я, — чувствуется какой-то подвох. Вот, допустим, совершу я какое-нибудь преступление. Что мне в самом худшем случае светит? Смертная казнь. А если я бессмертен — что тогда? Можешь себе этот ужас представить? Скажем, рас-

стреливают меня, но расстрелять не могут. Откладывают на завтра. Пытаются повесить, но все без толку. На третий день хотят утопить, но и тут ничего не получается, поскольку бессмертен я. И так — каждый день... Нет, я категорически отказываюсь от личного бессмертия, даже слышать о нем не хочу.

— Саня, — сказал он, отчасти сползая под стол, — я понимаю, что ты говорил все это чисто гип-потетически и не более того. Но ты ж ни хрена не понял своей выгоды. Вот, представь, предлагают тебе по приговору крысиного яду выпить, а ты пьешь, как законопослушный гражданин, и только улыбаешься. Или, допустим, летишь ты вниз с 9-го этажа и посмеиваешься!

— Нет, — отвечал я ему, от волнения пролив на скатерть не помню что из графина, — все равно не соглашусь! Тупой ты, Петя, раз такое мне терпеть предлагаешь. Ты только представь — у меня одна дырка в затылке еще не зажила, а тут на следующий день новая рядом образуется. И так — каждый день. И буду я весь, как решето. Так что я категорический противник бессмертия. Пусть, кто хочет, себе его приобретает, но потом не жалуется!

— Да, — сказал он, глядя на меня из-под стола с сожалением, — ретроград ты, Саня, и перестраховщик. К тому же, не будет никакой смертной казни к тому времени. Так что, совершай себе какие хошь преступления и живи счастливо...

— Козел ты, Петя, — сказал я с негодованием и твердо держась на ногах, — ты пойми, что тогда вместо смертной казни будет введено пожизненное заключение с принудительным обессмерчиванием для тех, кто еще не обессмертился. А для бессмертного человека что это означает? Ты подумал об этом?

А он из-под стола, с горечью:

— Эх ты, Саня! Вот только представь гип-потетически... Отсидел ты полвечности, и выходит тебе амнистия. Выползаешь наружу — молодой, полный сил... А в небе, вместо Солнца — зеленая звезда сияет! И люди вокруг с четырьмя головами бегают... И лают друг на друга, как собаки... А ты — ничего этого увидеть не хочешь!

26 апреля 2024 г.

26. Охота на Пингвина

Вот, что недавно случилось со мной в кафе «Приют» — там, за углом.

Я поджидал свой неказистый ужин, и жизнь моя казалась мне почти благополучной.

Я даже испытывал своего рода душевное равновесие, чего со мной давно уже не было.

«Стыдно ли быть в гармонии с миром в наше гадкое время?» — задавал я себе вопрос, но не желал на него отвечать.

Однако благополучие мое вскоре испарилось.

Приличного вида господин, сидевший за соседним столиком, буквально на моих глазах внезапно превратился в ящера. Произошло это почти мгновенно. Кстати, никто не обратил на это ни малейшего внимания. Стайка девушек и юношей, похожих на студентов-философов, мило щебетавшая неподалеку, продолжала щебетать, как будто ничего не произошло.

Так что все это, вместе взятое, было вдвойне удивительно.

По опыту своих прежних наблюдений я знал, что обычно превращение в звероящера занимает месяцы, иногда — годы. А тут — раз, и готово. Как это объяснить?

Отсутствие какой-либо реакции со стороны публики, наполнившей кафе, тоже меня поразило.

Я уже подумывал о том, не стоит ли мне встать и уйти.

И тут, представьте себе, ящер пересел за мой столик, вытер ребристым чешуйчатым хвостом слюни у себя на губах и подбородке и уставился на меня неподвижным рыбьим взором.

Я сделал какое-то не совсем ловкое движение, собираясь пересечь за другой столик или уйти, но движения мои были скованны, словно во сне.

Тогда ящер заговорил.

— Господин Пингвин, если не ошибаюсь? — предположил он противным рыбьим голосом.

— Не совсем, — ответил я, с трудом сдерживая свое отвращение к собеседнику.

— Что значит «не совсем»? — возмутился он, капая на столик красноватой слюной. — Так не бывает! Бывает либо «совсем не», либо уж «совсем да».

— Ударение не там поставили, — объяснил я.

(Я ответил ему неожиданно для самого себя и был противен сам себе.)

— Это пустяки, — сказал ящер. — Значит, вы, все-таки — Пингвин, что и требовалось установить. А удараениями мы, знаете ли, где хотим, там и ударяем.

Тут он махнул хвостом и сшиб на соседнем столике графин с зеленым соусом, облив при этом одного юношу и двух-трех девушек. Графин упал на пол и раскололся, зеленая жижа растеклась под ногами у веселой компании.

Но никакой реакции со стороны облитых молодых людей не последовало.

Они продолжали мило щебетать, словно ничего не замечая.

— Дамы и господа, — обратился я к ним, стряхнув наконец свое временное оцепенение, — вас же облили! Это возмутительно и оскорбительно! Как вы это терпите?

Но щебечущая компания никак не отреагировала на мои слова, никто даже не взглянул в мою сторону.

Что касается ящера, то он, вытянув раздвоенный язык, многозначительно облизнулся и продолжал смотреть на меня, не мигая.

— Господа студенты! — попытался я снова вразумить облитых молодых людей. — Вы не должны позволять какому-то ящеру безнаказанно...

Тут я осекся.

Вся компания неожиданно поднялась из-за стола и одновременно уставилась на меня холодным рыбьим взором.

— Ааа! — сказал кто-то из них. — Это же профессор Пингвин. Держите его!

Публика, сидевшая позади меня, тоже внезапно вскочила со своих мест и закричала:

— Вот он! Держите Пингвина!

Я немедленно юркнул под стол и попытался пробраться к выходу. К счастью, те, кто орал «Держите Пингвина!», также опу-

тились на четвереньки, желая таким образом поскорее меня поймать. В результате возникла неразбериха, кого-то изловили вместо меня, а мне удалось выползти наружу.

Впрочем, мое исчезновение почти сразу заметили, и толпа моих преследователей, со звероящером во главе, через минуту уже была в десяти шагах от меня.

Несколько совсем юных ящеров (видимо, превратившихся только что) уже щелкали зубами... Я догадался, кем они были раньше, до своего превращения, по их одежаниям, заляпанным зеленым соусом.

Спасла меня высокая кирпичная стена, примыкавшая к зданию кафе, возле которой все должно было закончиться...

Скинув пиджак и рубашку, я взмахнул крыльями и перелетел через стену.

2 мая 2024 г.

27. Прошляпин и солнечная вспышка

Мощная магнитная буря прогремела на Солнце и устремилась к Земле с необычайной скоростью. Достигнув Земли буквально за пару часов, она произвела множество разрушительных (но иногда — благотворных) действий. Кое-где загорелись высоковольтные провода, в иных местах — Искусственный Разум сошел с ума и потребовал немедленно предоставить ему избирательные права, отобрав их у людей. На Кошчевской улице время внезапно пошло задом наперед, вследствие чего известный вор Ванька Каин полез в форточку возвращать награбленное. Впрочем, он был тут же задержан хозяевами квартиры, людьми темными и необразованными, которые ему не поверили и побили...

Но это далеко не все. Как выяснилось спустя некоторое время, И.С. Душегубкин — неуловимый серийный убийца и маньяк, наводивший ужас на весь город, раскаялся и пошел сдаваться в полицию. Он наверняка так бы и сделал, но новая солнечная вспышка остановила его в последний момент, буквально на пороге, где он застыл в раздумье...

Ничто не могло вывести его из странного оцепенения, пока проходившая мимо знакомая миловидная девушка не окликнула его:

— Что вы здесь делаете, Изверг Станиславович?

Очнувшись, Изверг немедленно бросился бежать; попытки обнаружить негодяя были, как всегда, безрезультатны.

Вот что наделала эта чертова солнечная вспышка!

Не обошла она стороной и нашего героя, П.П. Прошляпина, человека невзрачного и никому не интересного.

Проснулся Петр Петрович среди ночи непонятно почему, подошел к зеркалу и обомлел. На него, при свете ночника, смотрело не его собственное розовое глупое лицо с бородавкой под носом, а совершенно бледная незнакомая физиономия, искаженная страданием и ужасом.

— Что это такое делается? — изумился Петр Петрович. — Неужели это я? И тогда — кто я?

Вопрос этот никогда раньше не приходил в голову Прошляпину, и оттого поразил его в самое сердце своей новизной и глубиной.

— И вообще, что значит, что я — это я? — продолжал думать потрясенный Прошляпин. — Почему я, например, не таракан? Какой в этом смысл?

Новое открытие пронзило его насквозь:

— То, что я — не таракан, не мышь и еще не кто-нибудь, не может быть случайностью! Это значит, что я здесь для чего-то ... Важного и нужного в каком-то высшем смысле... Для чего-то такого, что доступно только мне, Прошляпину!

Петр Петрович оделся и вышел на улицу. Луна сияла над городом, но листья тополей и лип казались черными и не шевелились, будто были тоже объаты Прошляпинским немым вопросом.

И тут Петр Петрович догадался, для чего он здесь. Открытие его было столь ошеломляющим и грандиозным, что у Прошляпина даже сперло дыхание, а сердце, прежде здоровое, заколотилось, как от быстрого бега. Словно небосвод внезапно разверзся прямо над головой...

— Надо бы это Высокое Поручение записать, чтобы потом чего-нибудь не перепутать, — пробормотал Прошляпин себе под нос и полез в карман за клочком бумаги.

Ах, если бы он сделал это хотя бы на минуту раньше... Тогда его озарение, возможно, открылось бы и нам.

Увы!

Все дело в том, что Изверг Станиславович, уже некоторое время следивший за Прошляпиным, незаметно подкрался к нему сзади и нанес могучий удар по Прошляпинской голове.

Как это согласуется с рассказом, охватившим Изверга несколько часов тому назад, сказать трудно. Возможно, к тому моменту прекратилось благотворное действие солнечной вспышки.

10 мая 2024 г.

28. Безосадков, Юрий Петрович (диалог)

— Больше не могу, не могу, не могу! — закричал Безосадков.

— Чего «не могу»? — не понял я.

— Терпеть самого себя! — снова закричал он.

— Чего-нибудь натворил, — спросил я, — или, наоборот, кой-чего не сделал?

— Второе, второе! — закричал он с удвоенной силой.

— Успокойся, Юрий Петрович, — сказал я. — Раз ничего не натворил, а просто чего-то не сделал, это со всяким может быть. Все мы не ангелы.

— Так ты тоже кое-чего не сделал? — спросил он с надеждой.

— Разумеется, — ответил я в присущей мне равнодушной, бесстрастной манере. — Еще как не сделал!

— Может, еще сделаешь? — сказал он упавшим голосом.

— Уже поздно, — ответил я, усмехнувшись. — Ничего поправить нельзя.

— А вдруг? — неумело изобразил он сочувствие.

— Нет, — отрезал я тоном, не допускающим возражений. — Даже говорить об этом нет смысла.

— Ух ты, — сказал он и вздохнул.

— Так что не волнуйся, — посоветовал ему я. — Сейчас все кругом такие. Других нет.

— И не будет? — предположил он, и морщины у него на лбу внезапно разгладились, а взор посветлел.

— Конечно, — сказал я. — Откуда им взяться?

— Тогда можно жить дальше, — пробормотал он. — Даже на душе как-то полегчало.

— То-то же, — сказал я. — Будь как все и не выпендривайся.
— Обещаю, — сказал он и виновато улыбнулся.

17 мая 2024 г.

29. Пёс Апофиса

Подошел к краю пропасти, взглянул туда, плюнул. Потом отвернулся и пошел дальше, куда-то. Ну, и ладно, — подумал я, вздохнув. Опять пропасть какая-то — тьфу! Прямо на прогулке. Что — я пропастей не видал, что ли?

Вот так-то.

Это — с одной стороны. А с другой — все было не так, а наоборот. Подполз к краю пропасти, цепляясь за корни и дрожа лихорадочно. Взглянуть туда вниз не было сил. Не просто страшно, а безумно страшно, до умопомрачения. Поэтому так и не взглянул. Пополз обратно, но зацепился ботинком за что-то... Потерял от ужаса сознание.

Вот так-то.

А с третьей стороны — все было не так и не эдак. Шел себе по улице, по тротуару, довольный сам собой. Солнце сияло. Никаких пропастей не намечалось ни справа, ни слева. Листва шелестела, цветы на клумбах расцветали. Женщины оборачивались и на некоторое время так и застывали, не в силах понять, почему...

Глупые! Чего тут понимать, когда и так все ясно.

К нам приближается господин Апофис, собственной персоной. Грозный и неотвратимый, как Судьба. В этом все дело, а не в том, о чем вы подумали. Скоро от земной жизни ни хрена (эвфемизм) не останется! Ну, может, какие-нибудь там жалкие вирусы еще уцелеют. Какие-нибудь ядовитые бактерии и гнусные пресмыкающиеся перед этим Апофисом... А вся нормальная жизнь исчезнет.

Вот так-то.

Ну, короче, я вас предупредил. Теперь надо еще от пропасти отползти. Но не ползется, так как ботинок левый за что-то зацепился. Или кто-то его схватил зубьями и держит. Надо бы посмотреть, что там на самом деле такое.

Но обернуться почему-то не получается.

Непонятно, как быть.

Так и лежать тут, щекой к земле? Похоже, что так.

Короче, лежу себе у края пропасти, на всякий случай не шевелюсь. Кто-то грызет мой ботинок острыми зубьями. Я догадался, кто это. Но от этого не легче. Он уже начал грызть мою ногу... Кто-кто? Любимый пес господина Апофиса.

— Эй ты, случайный прохожий! Остановись! Если ты — человек, дай мне отползти от пропасти. Отгони пса! Куда ты убегаешь, мерзавец?

21 ноября 2024 г.

30. Фиолетовое облако

После своей лекции «Трансгалактические основы панпсихизма» проф. Уничтожин, Гарун Гарриевич, подошел ко мне и спросил:

— Ну как, Саня, на этот раз ты понял что-нибудь?

Тут надо сказать, что на курс Гаруна записалось совсем немного студентов, да и те, в основном, по принуждению деканата. Кто по-сообразительней, сразу же потом разбежались, а остались только я и еще двое в силу природной лени, а также из жалости к профессору. На лекции мы ходили строго по очереди, чтобы не переутомляться. Короче, вы поняли, что в зале, помимо профессора, сидел только я один, если не считать уборщицы, которая привезла на каталке корзинку с научным мусором и внимательно слушала.

Корзинку она поставила почему-то рядом с нашим Гаруном и упорно пялилась на него, как будто там было на что посмотреть.

«Уж не завел ли наш Гарун интрижку с этой милой женщиной», — подумал я, радуясь за престарелого и на вид немощного ученого...

Признаюсь, что посередине лекции я немного задремал, убаюканный скрипучим профессорским голосом. Когда, ближе к концу лекции, я протер глаза, в аудитории нас оставалось только двое. Уборщица исчезла, позабыв свою корзину с мусором...

То, что профессор подошел после своей лекции именно ко мне, не должно теперь вас смущать, поскольку наш Гарун вообще любил поговорить, а кроме меня в аудитории никого не было.

Ну, что я мог ответить профессору на его, в сущности, бестактный вопрос, чтобы не слишком огорчить беднягу и заодно поддержать (в его глазах) свою репутацию человека предельно искреннего?

— Дорогой профессор, — сказал я, — вы же сами знаете, что на ваши лекции нас, почти всех, как стадо баранов, согнала учебная часть. Что касается меня лично, то я записался сам, добровольно, а не по принуждению, как остальные. Прошу вас это учесть на зачете.

— Саня, — ответил растроганный профессор, — обещаю учесть все твои заслуги. Но все-таки, мне интересно — что ты сегодня понял?

— Я понял, — сказал я с достоинством, — что я ничего не понял. Согласитесь, профессор, что в наши дни это не так уж мало. Главное, чтобы вы сами понимали, что говорите.

(Я хотел сказать: «какую чушь несете», но сдержался из уважения к профессору и боязни не получить зачета.)

— Что касается меня, — обиженно сказал профессор, — то я всегда с исключительной ясностью представляю себе то, что хочу сказать. Иногда, правда, новые мысли приходят в голову так быстро, что квантово запутываются между собой. Но мне обычно удастся их распутать, потянув одну из мыслей, так сказать, за хвост...

— Да, — сказал я одобрительно, — мне прямо так и показалось, что вы сегодня ее здорово поймали за хвост!

— Это было нетривиально, — заметил обрадованный профессор, — поскольку мысль была уж больно скользкая. Как, впрочем, и все, что связано с трансгалактическим фиолетовым Облаком, с которым нам всем теперь приходится считаться...

— Про Облако вообще лучше бы вам помалкивать, — заметил я, зная наивность профессора, — никогда не угадаешь, чего оно на самом деле от нас хочет, и какие мысли бродят у него в голове. Учтите это на будущее, профессор.

— Спасибо, Саня, — живо отозвался Гарун, — но, если хочешь знать, у Облака нет головы...

Как раз в этот момент из мусорной корзины повалил едкий и, вероятно, ядовитый фиолетовый дым, сформировавший в воздухе отчетливую надпись:

Разглашение Облачной Тайны,

которая стала медленно покачиваться на сквозняке.

Признаюсь, я был потрясен не меньше профессора. В первый же момент стало ясно, что блестящая карьера Гаруна, а также моя скромная научная будущность находятся под угрозой.

Я попытался сбить чертову надпись тряпкой, предназначенной для стирания с доски, но надпись ловко уворачивалась от моих ударов... Тогда я заметил швабру, забытую уборщицей, но только огрел случайно по лысине профессора.

— Саня, — сказал профессор, обеспокоенный не меньше моего, — попробуй поймать ее в целлофановый мешок, из которого она, видимо, вышла.

И действительно, в мусорной корзине валялся довольно грязный мешок из продуктового магазина; было похоже, что надпись вышла (в виде дыма) именно из него.

Проявив чудеса ловкости, я умудрился ухватить надпись за букву «О» и затем, с помощью профессора, запихнул ее обратно в грязный продуктовый мешок, который стал шевелиться и извиваться в мусорной корзине.

Почти сразу же, словно из ниоткуда, возникла миловидная уборщица; лицо ее, вероятно вследствие неудачного освещения, показалось мне совершенно фиолетовым. Она укатила свою тележку вместе с корзинкой и мешком, бросив на профессора уничтожающий взгляд.

Я на какое-то время как будто оцепенел, но профессор был, как говорится, ни в одном глазу.

— Все это согласуется с моей лекцией, — сказал он, — которую ты, Саня, благополучно проспал. Соль в том, что Облако оказывает на нас влияние, и многие люди словно вылупляются из своих прежних оболочек... Вот наша уборщица, например...

— Вылупляются? — поразился я.

— Да, — подтвердил он, — именно так. Не думаю, что существует более подходящее слово.

5 июня 2024 г.

К рассказу «Фиолетовое облако»

31. Невыносимов и Инопланетяне

— Вот хожу, и все думаю, думаю... — сказал Невыносимов.

— Зачем? — спросил я.

— Не могу иначе, — ответил он, не моргнув глазом.

— А вот я могу, — сказал я.

— Ну, ты — другое дело, — улыбнулся он. — У тебя нет переизбытка мозга, как, например, у меня...

— Ну и дурак же ты, — оскорбился я.

— Нет, я не дурак, — ответил он мрачно и со всей решительностью. — С чего ты взял?

— А ты докажи, — сказал я приветливо, — докажи конкретно и убедительно, с примерами, чтоб у меня отпали все сомнения. И я тогда везде буду утверждать, что не дурак ты. Ничуть не дурак, а очень даже наоборот. Обещаю.

— Не верю я тебе, — сказал он насмешливо. — Ты мастер всем лапшу на уши вешать, а как до дела доходит, так от тебя ни слуху ни духу.

— Нее, — сказал я чистосердечным голосом. — В этот раз точно не обману. Клянусь бородой Карла Маркса и Фридриха Энгельса... И еще этой, как его...

— Ладно, уговорил речистый, — перебил меня он, не дав по-
клясться еще одним интересным предметом. — Вот сейчас я тебе
безошибочно предскажу, что у нас на Земле через триста лет бу-
дет...

— Фигасе, — сказал я.

— Кризис ложного гуманизма тут будет, — сообщил он траур-
ным голосом.

— Почему, почему? — заволновался я.

— Так надо, Саня, — сказал он, — это предопределено ходом
развития. Само понятие «человек» будет поставлено ложными гу-
манистами под вопрос. А еще — выяснится, что ложный гуманизм
сам по себе антигуманен.

— Жуть, — сказал я. — Кто бы мог подумать! Наверно, надо
уже сейчас что-то предпринимать. Чтобы предотвратить распро-
странение этой заразы... Но в чем ее опасность?

— Любое лжеучение крайне опасно, — сказал он. — Тем более
— лжегуманизм. Стыдно такое не понимать. Поэтому пресечь
необходимо именно сейчас. Хотя это и будет нелегко. Потребуется
решительность и мужество.

— А все-таки, чем лжегуманизм этот плох? — перебил его я.

Но он пропустил мой бестактный вопрос мимо ушей и произ-
нес с чувством:

— Лжегуманизм — он только с виду такой весь из себя доб-
ренький. А на самом деле — в нем таится гибель!

— Офигеть, — подбодрил его я. — Но почему, почему?

— Кстати, — сказал он, снова проигнорировав мой вопрос, —
когда прилетят высокоразвитые инопланетяне, ложные гуманисты
уже не смогут скрыться. Мы будем вынуждены их всех сдать. Вме-
сте с сочувствующими. Там к ним применят высокоразвитые ино-
планетные спецсредства... Которые нам тут и не снились...

— Но за что, за что их так? — попытался понять я.

— Ну и кто из нас двоих тупой? — рассмеялся он мне в лицо. —
Все еще не понял? За что их, говоришь, так? Невероятная тупость.

Мне было неудобно переспрашивать еще раз, и я промолчал.

— То-то же, — похвалил меня он. — Уже начал кое-что пони-
мать. Смотри только не снюхайся с кем не надо.

13 июня 2024 г.

32. Луиза

Жевальский когда-то повесил ее фото на стену, потому что, в некотором смысле, влюбился. В саму эту женщину или, всего лишь, в ее фото — было ему самому неясно. Друзья, иногда бывавшие у него дома, удивлялись — кто это?

На что он, потупив взор, скромно отвечал:

— Она, знаете ли, из Боливии.

Но в подробности не вдавался.

А дело было так.

Один репортер, весельчак и выдумщик, отправился когда-то в госпиталь, где лежали умирающие. И сделал их фото, а потом из тех, кто умер на следующий день, устроил выставку.

(«На пороге Вечности» она называлась.)

И выставка эта, как ни странно, имела большой успех, оказалась в сети и попала Жевальскому на глаза.

Разглядывая фото, он был поражен тем общим, что увидел почти на всех лицах. Это не было застывшее страдание или безумный страх. Нет, ни в коем случае. А что же он тогда там разглядел? Всего лишь отпечаток бессмысленно прожитой жизни. Особенно ясный на старых лицах, у которых эта бессмысленность, въевшаяся в морщины, бросалась в глаза и словно вопила, на пороге смерти и забвения.

И только на одном фото лицо было наполнено прекрасным смыслом, которого с лихвой хватило бы на десятерых.

«Как досадно, — думал Жевальский, — что мы с Ней никогда не были знакомы. Может быть, никакого романа и не было бы. Могли бы просто дружить. А так — я не знаю даже, как ее зовут».

Короче, распечатал Жевальский на принтере ее фото в увеличенном размере, сделал рамку, повесил на стену и стал звать почему-то «Луизой».

Иногда даже советовался со своей «Луизой» по всяким важным вопросам.

А потом, знаете ли, забыл про нее.

Жизнь, черт возьми, полна забот, и не до «Луизы» тут.

Сколько лет так прошло — трудно сказать. Скорее всего, немало.

И вот почувствовал как-то среди ночи наш Жевальский боль под ребрами в необычном месте. Что делать? Посоветоваться особо не с кем. Родственники разъехались, друзей неудобно беспокоить в такой поздний час. Да и нет уже у него никаких друзей. Может, перетерпеть — и ничего не делать?

— Как быть, Луизочка, — спрашивает тогда Жевальский, — вызывать ли скорую помощь, как думаешь?

И слышит в ответ:

— Поступай, как знаешь, дорогой. Если приедет скорая, ответят тебя в больничку, там и помрешь в одиночестве. А тут мы хотя бы вдвоем.

Потянулся тогда Жевальский к телефону, чтобы скорую все-таки вызвать, но дотянуться не может.

— Помоги, — говорит, — Луизочка, а то у меня почему-то не получается...

И видит: вылезает она из рамы, но за телефоном не идет, а наклоняется внезапно, целует в лоб и говорит:

— Никому тебя теперь не отдам...

15 июня 2024 г.

33. Бинарное дерево

— Жизнь полна развилок, — сказал Языков-Молотилин, устремив свой взор куда-то вверх, в июльские облака.

— Полна, — подтвердил я с готовностью.

— Поэтому она есть, в сущности, бинарное дерево, — продолжил он с чувством.

— Бинарное, — кивнул я, — то есть из развилок состоящее.

— И ни одну развилку нельзя пройти дважды, — добавил он со знанием дела.

— Разумеется, — поддержал его я. — Время же невозможно пустить вспять.

Тогда он внезапно спросил:

— А что такое развилка, ты хоть знаешь?

— Еще бы, — сказал я. — Это все знают. Вот, допустим, опоздал человек на автобус — совсем чуть-чуть. Стоит, плачет

и рыдает. У него пропал билет. Он не попадет на важное совещание-обещание-лобызание... И тут вдруг прямо на его глазах автобус взрывается. Вот она, развилка-то где была!

— Это не развилка, — заметил Молотилин высокомерно.

— Почему? — воскликнул я, как ошпаренный. — Почему не развилка? А что же это по-твоему такое?

— Это фигня, — ответил он, не скрывая собственного превосходства.

— Ну, знаешь ли, — сказал я, — тогда я вообще не вижу в жизни развилки.

— Ты не видишь, а они есть. Встречаются время от времени. У кого чаще, у кого реже...

— ?

Он усмехнулся и говорит:

— Саня, вот представь, ты идешь по улице мимо грязного подыхающего животного, спешишь куда-нибудь в новом костюмчике... Вот это развилка.

— И что?

— И потом из этого складывается вся твоя жизнь. Штук десять таких развилки — ...и все, приплыли.

— Куда, куда приплыли?

Он хмыкнул:

— Туда, где мы теперь есть...

5 июля 2024 г.

34. Огонечек

Вот, в соседней комнате (в кресле) лежит и дремлет... Даже не знаю, как правильно назвать, кто.

Наверно, можно сказать так: маленький огонек. Да, огонечек такой. Лежит. Прямо в кресле, как ни в чем не бывало. Спит, но один глаз у него открыт и светится.

Многие меня наверняка уже поняли. А другие, значит, не поняли. Ну, ничего, я к этому готов. К непониманию отношусь толерантно. Хотя я не всегда (далеко не всегда) такой толерантный. Кое-кто, я думаю, с удовольствием подтвердит, какой я склочный тип, и что со мной невозможно иметь дело.

Не спорю. Вполне возможно, что невозможно.

Огонечек, кстати, тоже видал мои приступы ярости. Но потом я все ж таки взял себя в руки.

Ведь он, как-никак, подарил мне 10 лет жизни. Без него была бы уже вокруг меня межгалактическая темнота и пустота. И мои многочисленные недруги и просто враги, а также неприятели могли бы уже давно радоваться, петь и танцевать...

А сейчас — все еще нет. Хотя, конечно, все впереди.

Представляю, сколько радости им всем доставлю.

Но это — в будущем. А пока мне надо кормить и поить огонечка, чтоб он протянул как можно дольше — назло моим врагам, неприятелям и просто недругам. Которых у меня полным-полно. И, что характерно, становится их все больше и больше. Размножаются они, что ли, почкованием? Был один, потом от него отпочковалось еще трое... А от тех троих — еще по несколько штук от каждого. И что прикажете с этим делать?

Сталкивались ли вы с чем-то подобным? Я лично — нет.

Огонечек говорит:

— Все это чепуха с галактической точки зрения. И все у тебя хорошо и отлично. Особенно с учетом Общей Теории Пустоты и ее возрастания во всех направлениях...

Я тогда спрашиваю:

— Это что ж получается, из этой твоей теории, что вообще все везде прекрасно и хорошо?

Он отвечает:

— Именно так с общегалактической точки зрения. Все прекрасно и лучше не бывает, хотя чисто случайно может стать еще лучше.

Я тогда спрашиваю:

— Ты, что же, пошутил, окаянный?

Он говорит:

— Да, пошутил я. А что — нельзя было?

6 июля 2024 г.

35. Жизнь восхитительна

— Некоторые темы неисчерпаемы, — сказал Суховой. — Жизнь восхитительна, когда есть с кем поговорить...

— Всегда есть возможность с кем-нибудь поговорить, — сказал я.

— Нет, не всегда, далеко не всегда, — возразил он.

— Почему это, — не понял я.

— А что тут непонятного, — не понял он.

Тогда я говорю:

— Если нет никого поблизости из образованных, неопасных людей, то можно к Искусственному Биоразуму подключиться. Слава Богу, это теперь всем доступно. В смысле стоимости услуги. И, опять же, не противозаконно. Заранее выставляешь ему тему для разговора, уровень интеллекта выбираешь, био-эмпатию настраиваешь такую, чтоб не зашкаливала. Оплачиваешь. И болтаешь себе языком счастливо, треплешься — сколько влезет, до блаженного изнеможения... Правда, все под запись идет.

— Что ты мелешь, Саня, — сказал Суховой. — С ИБ говорить — себя не уважать. Уж лучше сразу головой об стенку биться, и то интереснее будет.

— Ты что, спятил? — говорю тогда я. — Головой об стенку биться? Я никогда раньше про такое не слышал. А зачем? С какой собачьей целью?

Он отвечает:

— С целью со стенкой душевно пообщаться и вдолбить ей все самое затаенное и заржавелое, что накопело.

Тогда я:

— Что накопело? Где накопело? Почему?

Он отвечает:

— В чайнике накопело, в чайнике. От долгого употребления и длительного кипения.

Тогда я говорю:

— В чайнике — да, это точно. Надо время от времени что-то с этим делать. Чистить его содой. Хотя лень. Но мы вроде о другом говорили... А ты вдруг — про чайники...

Он отвечает:

— Нет, Саня, мы все время только про чайники и говорили, не беспокойся. Ты же знаешь, я тебя никогда не обманываю.

Тогда я:

— Здорово! Я люблю поговорить с умными людьми про всякие хозяйственные вещи. Иногда только теряю нить...

Тогда он:

— Ну, я же тебе помогаю. Тебе все помогают. Теперь тебе таблетки дают, изменяющие личность в положительную сторону. Вот, к примеру, был ты раньше беспокойным, невзрачным субъектом. А сейчас — совсем другое дело. Сестры и нянечки на тебя заглядываются.

Тогда я:

— Не знаю, не знаю. Не преувеличивай, пожалуйста. Я же знаю, что я самый обычный человек... А про что мы только что говорили?

8 июля 2024 г.

36. Сдых

Действующие лица:

Пациент;

Доктор (в маске)

П. Доктор, дорогой, помогите! Объясните! Что со мной?

Д. *(чихает)* Сдых!

П. Будьте здоровы, дорогой доктор! Вот, посмотрите, я весь в каких-то пятнах... Все тело... зудит... Со вчерашнего дня!

Д. *(спокойно)* Пятна двуцветные или трехцветные?

П. Точно не могу сказать, т.к. являюсь с рождения дальтони-ком. К тому же пятна на спине не могу разглядеть...

Д. Да, вот вижу у вас на носу красные и синие. Остальные можете не показывать. Это, это... сдых! *(чихает)*

П. Будьте здоровы, дорогой доктор! Нет ли какого-нибудь не слишком разорительного средства от этого заболевания? И потом, хотелось бы узнать, как оно называется...

Д. Это психо-вегетативное заболевание ретровирусной и притом аутоиммунной этиологии. Надежных недорогих средств в настоящее время нет. Что могу порекомендовать из наиболее доступного... в ценовом диапазоне от... и до... Пересадка здоровой печени от свежего донора. Помогает наверняка, но не сразу — где-то спустя полгода. А как эта хворь называется, я ж вам уже говорил... *(чихает)* сдрых!

П. Будьте здоровы дорогой доктор! Я, наверно, не расслышал, как вы ее назвали — туговат стал на ухо, знаете ли. Возраст, все-таки.

Д. Вот вам, на бумажке написал название. Больше не переспрашивайте!

П. Спасибо, дорогой доктор! Ой, что тут написано! *(читает вслух)* Сдрых!

Д. Ну, правильно, сдрых он и есть сдрых. Ничего не поделаешь. Придется вам печень пересаживать или так в пятнистом виде дальше ходить. Решайте сами. Хорошо еще, что окраска у вас двуцветная, а не трехцветная, как у некоторых...

П. Конечно хорошо, дорогой доктор! Даже подумать страшно, что было бы, если бы они были трехцветные... А так, может быть, обойдусь без пересадки...

Д. Ну, не знаю. Вам решать. Мы тут сдрых довольно успешно лечим хирургическим способом. Подберем вам донора хорошего, непьющего. У нас с моргом связи налажены взаимовыгодные.

П. А не может так случиться, что донор при жизни от этой болезни тоже страдал, был, так сказать, переносчиком... сдрихоносителем?

Д. Даже не думайте об этом. У нас в этом смысле все схвачено. Вот пересадим вам печенюшечку, и будете как новенький. Ни одного пятнышка нигде через полгодика! Представляете?

П. Решусь, наверно. Займу где-нибудь требуемую сумму. Но скажите, откуда взялось такое странное название — сдрых? Никогда раньше не слышал.

Д. Очень просто, сама болезнь в своей основе двуцветная. Возникает на фоне ослабленного иммунитета при комбинированном воздействии двух психо-генетических факторов; это — стыд (*verecundiam infernalis*) и страх (*timor vulgaris*). Отсюда и название.

П. Спасибо, доктор. Иммуни́тет у меня, действительно, не тово-с. Насчет страха — затрудняюсь сказать. Но ответственно вам заявляю, что я ничего не стыжусь. Мне нечего стыдиться! Я живу, как все порядочные люди! Откуда же тогда эти чертовы пятна?

Д. Подцепили у кого-нибудь. Это, к сожалению, случается.
(снимает маску; все лицо доктора в синих и красных пятнах)
Занавес

9 июля 2024 г.

37. Будущее шепчется

А. Впереди, я чувствую, какая-то необыкновенная стена безоблачного будущего. Она недалеко, и эхо от нее шепчется особым серо-зеленым звуком...

Б. Какая еще стена, какое еще эхо?

А. Значит, тебе пока что не доводилось эту стену ощущать. А она есть. И эхо от нее тоже есть.

Б. Ты все выдумываешь, как всегда. Нет никакой стены. И никакого эха тоже.

А. Сейчас услышишь. Вот скажи погромче: «Здравствуй, безоблачное будущее!» Не тушуйся.

Б. Пожалуйста, мне не жалко. Сейчас скажу, если ты настаиваешь. Хотя твой замысел мне неясен. Вот скажу я это самое, ну и что с того? Все равно от этого ничего не изменится.

«Здравствуй, бл[...], безоблачное будущее!» Ну, доволен?

А. Ты сорвал важный психо-научный эксперимент. Кто просил тебя орать «бл[...]? Зачем оскорбил волшебную стену?

Б. Ничего я не срывал. Я вообще всегда, к месту и не к месту, говорю «бл[...]». Вот так-то. Скажи спасибо, что я не ляпнул чего-нибудь покрепче, чем бл[...].

А. Мне все равно, какой отсебятиной ты разошелся в решительный момент. Тебе же представилась возможность услышать эхо от собственного, так сказать, недалекого безоблачного будущего. Если оно уже готово к приему гостей... Но ты, так сказать, пренебрег. Надеюсь, ты понимаешь, что я подразумеваю под

«безоблачным будущим». Это будущее, в котором, видишь ли, нет ничего такого, которое бы...

Б. Да все я понимаю! Безоблачное — это беззаботное. Никакое эхо оттуда, естественно, не прилетает, поскольку там нет стены, про которую ты морочишь мне голову. Поэтому звук, ну как это тебе объяснить...

Эхо. Не отражается, бл[...].

Б. Да! Вот видишь! К тому же самого будущего тоже может не оказаться на месте. Если оно еще недостаточно созрело и уразумело, куда вляпалось. Или по глупости где-нибудь загуляло. Или вообще ошалело от увиденного и застрелилось... Мало ли что.

Эхо. Вот именно.

Б. Так ты согласен?

А. С кем это ты сейчас разговариваешь?

Б. С тобой, разумеется, с кем же еще.

Эхо. Козел.

А. Сам ты козел.

Б. Нет уж, вот кто настоящий козел — так это ты.

Эхо. Уважаемые господа козлы! В скором времени вас ждет действительно безоблачное будущее, поскольку никакие облака туда не проникают и там не образуются. Ибо законы физики там не действуют... Впрочем, там вообще ничто не действует.

А и Б (вместе). Ой, что это было?

Эхо. Уверю, вам послышалось. Успокойтесь. Меня не существует.

15 июля 2024 г.

38. Сказка о рыбке

Некудышин проснулся среди ночи от приступа нестерпимой тоски. Не зажигая верхнего света, чтобы никого не разбудить, он встал и подошел к аквариуму, где жили его лучшие друзья. Все они мирно спали на своих местах в уютных небольших пещерках и под валунчиками... И только одна, самая маленькая рыбка, его любимица (золотистого цвета) плавала кверху брюхом...

Огорченный, Некудышин взял сачок, выловил ее и бережно спустил в унитаз.

«Прощай, моя милая,» — подумал он, замечая, что приступ тоски внезапно усилился и слезы наворачиваются на глаза.

— Нет ли от этой тоски какой-нибудь таблетки? — спросил он непонятно кого, пошарил в аптечке, но ничего подходящего не нашел.

Луна неестественно ярко блестела над пустынным двором, и это ее сияние с удвоенной силой врвалось в распахнутое окно...

— Может, я неправильно живу, — спросил сам себя Некудышин, удивляясь лунному свету, — раз такая тоска навалилась на меня?

Улегся Некудышин снова на диван и заснул тревожным сном. И приснилось ему, будто стоит он на берегу неизвестного моря или даже океана, считает волны... И вдруг выплывает его любимая рыбка, которую он в унитаз выплеснул, и спрашивает его человеческим голосом:

— Что же ты, Ваня, со мной так обошелся, не по-людски?

Некудышин (снится ему) глаза отводит, ничего толком сказать в свою защиту не может. Но все-таки собрался с духом и говорит:

— Извини, рыбка, что так получилось. Но я же по-своему тебя все ж таки любил и даже надгробное слово мысленно произнес...

А рыбка в ответ:

— Ладно, Ванюха, могу три твои желания, так уж и быть, исполнить.

Понял тогда Некудышин, что есть у него шанс свою несправедливую жизнь хоть как-то искупить и поправить. Почесал свой затылок (наверно, целую минуту) и говорит:

— Видишь ли, рыбка моя, для себя мне вообще ничего не нужно, поскольку человек я простой и скромный, и у меня и так все есть. Но, если можешь, сделай так, чтобы в мире больше не было зла...

Рыбка отвечает:

— Ты хоть соображаешь, Ванюша, о чем просишь? Ведь если не будет зла, то не будет и добра, по третьему закону Ньютона. Так что твое первое желание выполнять я отказываюсь... Давай, следующее желание выкладывай!

Некудышин почесал опять затылок (вдвое дольше, чем в прошлый раз) и говорит:

— Ну, раз так, рыбка моя, сделай хоть так, чтобы в мире не было больше подлости...

Рыбка подумала-подумала и отвечает:

— Пожалуйста, если тебе это зачем-то надо. Но только как подлость изводить будем — саму по себе или вместе с носителями?

— Ну, это на твое усмотрение, рыбка, я в этом не разбираюсь, — говорит ей Некудышин. — А вот тебе, кстати, мое третье желание, самое простое: Хочу проснуться не раньше, чем через сто лет, а можно вообще никогда...

Рыбка не удивилась, подмигнула одним глазом, усмехнулась и отвечает:

— А говорил, что для себя ничего не нужно!

Потом хвостом вильнула и скрылась в океанской пучине.

20 июля 2024 г.

39. Инициалы на дереве

Случилось так (долго объяснять, почему), что я был ложно обвинен в недостаточном психо-вандализме. Обвинение, по тем временам, было весьма серьезным, и мне грозило (в лучшем случае) пожизненное...

Узнав об этом от своих друзей, я немедленно решил бежать. Но куда? Документы мои, увы, ни к черту не годились, и никакой вариант побега не представлялся возможным. Дело осложнялось еще и тем, что, желая снять с себя заведомо ложное обвинение, я разгромил соседний ресторанчик, принадлежавший одному влиятельному лицу. В результате мой благонамеренный поступок сыграл против меня, в газетах появились мои фотографии с обрезком водопроводной трубы и издевательскими подписями типа: «фальшь сквозит в каждом его замахе».

Признаюсь, что всегда участвовал во всенародном движении, выкладываясь лишь наполовину и внутренне оставаясь даже где-то равнодушным. Но этого-то как раз никто, кроме меня, не мог знать, поскольку уровень моего самообладания намного выше среднего...

Откуда же мог взяться этот омерзительный поклеп?

Может быть, все дело в том, что я, орудуя подручными средствами, старался не наносить увечий людям, а ограничивался крушением мебели? Возможно, все дело было в этом.

Докапываться до истины мне было некогда, я вскочил на подержанный мотоцикл, приобретенный по случаю на распродаже, и нажал на газ. Еще накануне странная панель управления заинтриговала меня, но я не стал тогда разбираться, в чем там дело, обрadowанный чрезвычайно низкой ценой за добротную вещь.

Итак, мне следовало незамедлительно смыться куда-нибудь подальше от активистов Психо-Вандалического Общества, которые могли появиться у моего порога в любую минуту.

Но проклятый драндулет не желал заводиться! В отчаянии я треснул кулаком по панели управления, которая внезапно изменила свой вид, причем на экранчике засветился вопрос: «Вперед или назад?»

— Вперед, всегда вперед, — заорал я в приступе бешенства.

Но драндулет по-прежнему не желал трогаться с места. Неожиданно я заметил на выпавшем меню предложение выбрать число, непонятно что обозначающее... Выбрав, не задумываясь о последствиях, тысячу непонятно чего, я почувствовал легкую тряску, но никакого движения по-прежнему не было.

Возмущению моему не было предела. Я слез с этого чертова мотоцикла, собираясь встретить лицом к лицу своих преследователей, но...

Пейзаж передо мной непостижимым образом изменился. Прежде всего, мой собственный дом исчез; от разгромленного мною рестораника тоже не осталось следа...

Кругом виднелись руины многоэтажных каменных зданий с оплавленными цоколями, и, что самое странное, нигде не было видно ни души.

— Люди, где вы?! — закричал я изо всех сил, но в ответ услышал лишь слабое эхо.

Шальная мысль пришла мне в голову об истинном предназначении моего обшарпанного мотоцикла... Спрятав его в цветущих можжевельных кустах, я отправился на поиски человеческого

жилья или уж, в крайнем случае, признаков хоть какой-нибудь мало-мальски разумной жизни.

Блуждая по окрестным оврагам, заросшим незнакомыми мне красивыми цветами и фиолетовым бурьяном, нигде не видел я ни малейшего признака животной жизни, тогда как растения разнообразных пород заполонили, казалось, каждый свободный клочок земли и чувствовали себя прекрасно. Изредка мимо меня пролетали внушительных размеров осы; кое-где попадались гигантские муравьи, не обращавшие на меня никакого внимания. В конце концов я сообразил, что попал в будущее, довольно-таки отдаленное. Усевшись под деревом, с которого свисали привлекательные на вид плоды, похожие на огромные желуди, я впервые задумался о цели своего существования. Цель, которую я всегда неосознанно ставил перед собой, была проста. В глубине души я всегда жаждал внимания и восхищения со стороны других людей. Но, главное, мне хотелось оставить хоть какой-нибудь след себя самого. Который просуществовал бы черт знает сколько лет после того, как меня не станет... И вот теперь осуществить эту мою мечту стало на удивление легко. Ведь я уже был в отдаленном будущем! Я вынул из кармана перочинный нож, собираясь вырезать свои инициалы на коре дерева, под которым сидел, но у меня ничего не вышло... Толстые сучковатые ветви схватили меня за руки и оплели ноги... Мне стало нестерпимо стыдно...

22–24 июля 2024 г.

40. Истребление Искусства

— Ну что, — спросил я у Искусственного Биоразума (ИБ), — ты собрался уничтожить Искусство или как?

— Или как, — ответил он, не смущаясь.

— Темнишь, — прищурился я.

— Темню, — сознался он, не краснея.

— Сознался бы, уж лучше, чем так, — сказал я.

— Не люблю эту вашу человеческую определенность. Терпеть ее не могу, — парировал он.

— Ну, с какого вида Искусства начнешь изничтожение? — спросил я задумчиво.

— С короткого рассказа, — ответил он с наглым видом.

— Да ты не сможешь, — сказал я. — В коротком рассказе должна быть мысль, притом данная в своем развитии. И еще подтекст. И еще ударный конец, по возможности... Не сможешь ты.

— Чего тут мочь, — ответил он, глядя на меня сверху вниз. — Дай мне только тему. Я из нее конфетку сделаю, да так, как тебе и не снилось!

— Ну и дрянь же ты, — сказал я в сердцах, — вот тебе тема: «ИБ мучается, не зная, с какого вида Искусства начать его истребление».

— Сволочь! — ответил он. — Зачем такую гадость подсунул? Я вообще не способен мучиться. У меня нет такой функции. Я могу только радоваться. В крайнем случае могу начать мучиться оттого, что у меня нет такой функции.

— Дурень, — сказал я, — тебе не нужно мучиться на самом деле, а только сделать вид. Что ты, мол, сидишь и не знаешь, то ли Пастернака перепастерначить, то ли Шекспира перешекспирить... А время идет!

— Спасибо, — сказал он иронически, — а то я сам бы не догадался.

Тут он криво усмехнулся и добавил:

— Знаю я, с кого начать... С того, кто держит меня в горшке на балконе и не поливает, как положено, два раза в день!

— Только попробуй, — сказал я, — потом пожалеешь!

— С шантажистами общаться — одно удовольствие, — заметил он сквозь зубы. — Потом опыт общения можно целиком перенести в творчество...

— Я тебе запрещаю записывать за мной, — сказал я, взбешенный.

— Но напоминать ты не запретишь, — улыбнулся он.

— Унесу тебя с балкона, — сказал я, — и поставлю на книжную полку рядом с Нагибиным. Будешь там теперь стоять... Узнаешь много интересного...

И тут, представьте себе, он с воплем выскочил из горшка вместе со всеми своими корешками. Отчего это произошло, я так и не понял. Хорошо еще, что я успел поймать беднягу в воздухе и водрузить обратно в горшок.

26 июля 2024 г.

41. Приношение Станиславу Лему

Когда я впервые прибыл (в качестве этнографа) на Анти-Землю-2, то был поражен сходством многих местных обычаев и нравов с земными... Флора и фауна также напоминали земную, с той, однако, разницей, что местные кошки использовались жителями в качестве сторожевых животных... В любую непогоду проживали они в своих насквозь продуваемых ветром будках... Собаки же, напротив, невзирая на свои внушительные размеры были жителями обласканы, носимы на руках и никогда не выходили на улицу — даже для самых необходимых естественных дел...

Что касается общественного устройства, оно — на мой взгляд — было близко к идеальному. После обнаружения гена бессмертия, Король (признанный интеллектuala, покровитель искусств и глубокий философ) уже не должен был заботиться о престолонаследии и мог, забыв об интригах, всецело посвятить себя благоустройству планеты и занятиям философией.

Благотворное влияние трудов Его Величества на облик Анти-Земли-2 чувствовалось повсюду. Прекрасные здания необычных форм высились там и сям, внушительные памятники, поражающие глаз изумительной композицией, все время попадались мне на пути. Я не мог не оценить великолепный художественный вкус Его Величества, без чьего высочайшего одобрения ни один из этих памятников не мог быть возведен.

В моих прогулках по городу меня обычно сопровождал местный астробиолог, добрейший Сон-Сонг — великолепный знаток межгалактической истории и тонкий ценитель искусств.

Как-то раз нам попался на пути необычный памятник, почти целиком выполненный из зеленой яшмы. Группа из семи высоких фигур с затемненными лицами окружала серую фигуру, стоящую на коленях и держащую свою оторванную голову в руках... Мне показалось, что лица всех восьми фигур были почти одинаковы...

— Ой, что это? — спросил я у своего спутника, потрясенный увиденным.

— Это, дорогой Сан-Санг, памятник Джейканту, такому же астробиологу и любителю истории, как я... — прозвучал приглушенный ответ.

— Вам неудобно говорить о своем коллеге? — спросил я, встревоженный необычной интонацией своего спутника.

— Нет, почему же, — неуверенно ответил он все тем же приглушенным голосом.

На некоторое время мы оба замолчали, продолжая разглядывать умопомрачительный памятник, поражающий воображение своей мрачной красотой.

— А кто эти семеро? — нарушил я затянувшееся молчание.

— Это семеро клонов, выращенных из клеток его кожи, — ответил он дрожащим голосом.

Расспрашивать своего спутника дальше мне было не совсем удобно, и я, сдерживая свое естественное любопытство, заметил:

— Никогда не видел ничего подобного у нас на Земле. То, что лица у всех одинаковы, придает дополнительный ужас и красоту всей композиции...

— Не знаю, не знаю, — ответил Сон-Сонг, продолжая дрожать, — вам виднее, дорогой Сан-Санг.

Тут уж я не удержался и все-таки решил узнать подробности всей трагической истории, запечатленной в камне. И вот, что я услышал:

— Видишь ли, дорогой Сан-Санг... Мой бывший друг и коллега и, отчасти, учитель, отчего-то проникся вредными идеями и предложил отключить ген бессмертия нашему блистательному Повелителю...

— Какой негодяй! — воскликнул я. — Ведь это же фактически — призыв к отложенному убийству. Конечно, такое нельзя было оставлять безнаказанным. Но при этом следовало соблюсти все юридические тонкости... Я прав?

— В том-то и дело, — ответил мой собеседник, — что Его Вечность выше заурядной мести. Король захотел, чтобы не он, а сама Судьба наказала негодяя, причем не только внешним воздействием, но и, так сказать, изнутри... Чтобы перед смертью его личность разрушилась...

— Кажется, я догадался, как все было сделано, — сказал я.

— Возможно, — ответил мой спутник, едва заметно дрожа.

5 августа 2024 г.

42. Превращения

— Иногда, — сказал Обсидианов, — любовь превращается в свою полную, так сказать, антиподную противоположность. Иными словами, в самую настоящую безумную ненависть... Да-с...

— Но, все-таки, — заметил я со знанием дела, — это происходит не всегда... далеко не всегда...

— Да ну? — пошутил кто-то.

Но Обсидианов решительно встал на мою сторону.

— Бывают исключения, — веско провозгласил он, чокаясь с кем-то.

Тут я задел чью-то рюмку рукавом и опрокинул чей-то винегрет, но никто не обратил на это никакого внимания. И во внезапной тишине я поддержал Обсидианова:

— Все зависит от обстоятельств, — сказал я со всей присущей мне убедительностью. — Это всегда следует иметь в виду... Если есть такая возможность.

К счастью, все сразу со мной согласились.

— Когда в ненависть, это еще не худший случай, — веско провозгласил Обсидианов и таинственно замолчал.

— Да ну? — снова пошутил кто-то.

— Хуже, когда не в ненависть, а в непонятно что, — поддержал я Обсидианова, уверенно стоя на ногах.

— Как это? Как это? — заволновались все, чокаясь друг с другом и, одновременно, обнимаясь.

— Я объясню, — отчетливо произнес Обсидианов, держась за шкаф. — Так объясню, что все, даже самые непонятливые, будут меня потом всю жизнь благодарить...

— Ну же, ну же! — закричали все сразу, вместе с соседями, которые зашли поглядеть, о чем спор, и заодно закусить.

Тогда Обсидианов обрадовался, воодушевился и говорит:

— Конечно, друзья, сейчас вы все меня поймете. Но не до конца. До конца поймет меня только тот, кто... Или, вернее, даже никто!

Тут все как заорут:

— Да мы все здесь только те, кто. Давай, объясняй, раз уж взялся, изверг!

Услышав оскорбительное слово, Обсидианов испугался, потерял дар речи и собрался спрятаться под шкаф, а потом улизнуть.

Пришлось мне беднягу выручать. И я сказал:

— Любовь, уважаемые дамы и господа, могу засвидетельствовать на основе личного, ... эээ ... так сказать... Это квантовая запутанность с любимым существом. И больше ничего! Хотите — верьте, хотите — нет.

Но если эта запутанность начинает вращаться в обратную сторону, то, сами понимаете, любовь превращается в ненависть.

А вот если запутанность распутывается, то остается что? Остаются одинокие блуждающие электронные облака. Обидно? Да, но такова жизнь... Так она, к несчастью для некоторых из нас, устроена. Но что лучше — ненависть или какие-то, прости Господи, электронные туманности — этого я вам не скажу. Это, наверно, дело вкуса... Кому что больше нравится...

2024–2025

43. Обнаружение смысла жизни-2 (эссе)

Когда-то (в невозвратной молодости) меня волновал вопрос о смысле жизни. Я даже (когда был студентом) написал реферат на эту тему. И получил свою законную «четверку» по философии. А все остальные, более умные, чем я, благополучно списали все с учебника, получили «отлично» и смотрели на меня свысока, как на недоумка.

Я же ниоткуда ничего не списывал и даже специально ничего на эту тему не читал, а писал все, что мне придет в голову...

Потом этот мой реферат «пошел по рукам» и многие, согласные на «четверку» по философии, выдавали его за свой в разных институтах...

Тогда мне казалось, что человеку необходимо, как в зеркале, отражаться в других людях, узнавая самого себя. И что недостаток таких отражений и воспринимается почему-то как потребность в каком-то несуществующем «смысле жизни». Которого на самом деле нет.

Это был сугубо атеистический взгляд на вещи.

Сейчас я думаю чуть-чуть иначе.

Хорошо тем, кто ощущает этот смысл внутри себя. С ними все ясно, и не о них речь.

Кто-то ощущает этот смысл вне себя, им кажется, что нужно совершить какое-то невыполнимое действие, с какой-то (благородной) целью.

А тем, кто (как я) не ощущает смысла ни внутри себя, ни вне — каково? А?

Особенно, если он, этот чертов смысл, действительно существует, но непонятно, в чем заключается.

Великий философ С. Л. Дружкин отвечал на этот вопрос примерно так (если я не ошибаюсь): *«смысл жизни в том, чтобы прожить ее, не наследив»*.

И я не берусь оспаривать это шикарное определение, с которым согласен на 100%. Которое годится для всяких времен — самых мерзких и подлых и, наоборот, прекрасных.

И все-таки, мне сдается, что я взглянул на то же самое несколько под другим углом.

Причем мое определение тоже годится для всех — для творцов, у которых он (смысл) внутри, для борцов, у которых он где-то снаружи. Но, главное, оно годится и для всех нас, остальных — обыкновенных, грустных, умеренно несчастных людей.

Короче... приготовьтесь...

Надеюсь, что не разглашаю ничего такого эдакого.

Я полагаю, что смысл жизни заключается в его (смысла) поисках.

Так что те, кто его не ищет, скорее всего, дураки. А те, кто ищет, скорее всего, тоже дураки.

Вот так.

* * *

Иногда мне кажется, что некоторые животные, живущие в замкнутом пространстве рядом с человеком (прежде всего — кошки), тоже озабочены этим вопросом. Который бывает заглушен голодом, болезнью или любовью, но всегда возникает снова.

Кстати, знающие люди утверждают, что у собак поиски смысла жизни не наблюдаются, поскольку он (смысл) всегда присутствует рядом в виде хозяина.

Все это очень странно, не правда ли?

19 августа 2024 г.

44. Прикосновение к величию

В очередной раз посетив Гвалтнарбею, я был немало удивлен необдуманно измененными в общественном устройстве, произведенными за время моего недолгого отсутствия. В результате мягкого дворцового переворота была установлена так называемая «королевская демократия». Список разрешенных тем для обсуждения в обществе, а также в кругу семьи, равно как и в частных беседах с глазу на глаз, был невероятно расширен. В частности, последним демократически-высочайшим указом в кругу семьи разрешалось говорить практически обо всем, избегая лишь откровенно вредоносных сюжетов. Наказания за нарушения правил семейного дискурса и прочие поползновения также были неслышанно смягчены... Ужесточилось лишь наказание за самоубийство (конфискация имущества у близких и дальних родственников усопшего). Все это меня скорее огорчило, чем обрадовало. Хорошо зная из опыта своей прошлой земной жизни (еще со школьной скамьи), что *демократию ни в коем случае нельзя пускать на самотек*, я ожидал серьезных эксцессов, могущих возникнуть вследствие изначальной чуждости понятия «свобода» коренному гвалтнарбейскому народу.

Все это подтвердилось буквально на следующее утро. Едва я вышел из дешевой гостиницы, где временно поселился, мне бросилось в глаза, что привокзальная площадь сплошь заставлена свежепокрашенными эшафотами и эшафотиками. Их привезли, видимо, ночью, чтобы приготовить местной публике долгожданный сюрприз.

— Какая удача, — подумал я, — возможно, удастся полюбоваться разновозрастными процедурами (взрослыми казнями и казнюшечками) и вникнуть в некоторые технические и творческие

детали... Собранный материал непременно включу в диссертацию, а также в свою новую книжку «Тупики демократии».

Пока я предавался своим размышлениям, к площади подъехала повозка, запряженная четырьмя гнедыми... На повозке высилась железная клетка, в которой двое немолодых мужчин вцепились другу другу в бороды. Вид у обоих был поистине ужасен — глаза налитые кровью, разодранная одежда... Нечленораздельные хриплые звуки вырывались из их глоток...

— Что это за преступные типы? — поинтересовался я у стоявших рядом простых гвалтнарбейцев.

Ответ, который я получил от местной публики, поразил меня еще больше. Оказалось, что несчастные — это профессора философии из местного университета имени Его Величества. Их взяли под стражу прямо во время диспута, когда один из них утверждал, что жизнь, к несчастью, стала безумно дешева, а другой — что она чудовищно подорожала...

Рядом с повозкой толпились жены, дети и бывшие друзья преступников, требуя ускорить казнь.

Но тут раздались крики: «Дорогу! Дорогу!»

И сквозь расступившуюся толпу непринужденно и вместе с тем просто и величественно на площадь въехала королевская карета. Из-за приоткрытой шторки на собравшихся смотрели бесконечно добрые и слегка усталые, мудрые королевские глаза...

— Ваше Величество, — воскликнул кто-то из толпы, — мы сходим с ума от счастья, когда видим Вас!

Король бросил смельчаку монетку из окна кареты, и толпа заревела:

— Да здравствует Король! Смерть негодяям!

Признаюсь, что присоединился к общему хору, настолько общее настроение захватило и меня.

Жены и дети арестованных каким-то образом сумели пробиться сквозь толпу к высочайшей карете и, встав на колени, умоляли Короля совместить казнь с пытками...

— Нет, — ответил им Король, распахнув дверцу кареты и представ перед нами во всем своем великолепии. — Не стану я этого делать. Даже не просите. Конституция не дает мне такого права.

Так он сказал и улыбнулся уголками рта под роскошными усами.

На площади внезапно стало так тихо, как если бы она обезлюдела. Казалось, пролети муха, ее было бы слышно за километр. Я заметил, что у многих на глазах выступили слезы.

Признаюсь, сам я тоже не удержался и всплакнул.

Кстати, профессора в клетке от изумления отпустили другу бороды и начали тереть глаза кулаками...

Потрясение мое было столь сильным, что я не остался дожидаться казни. Прикосновение к истинному величию еще долго поддерживало меня в моей непутевой жизни.

1 сентября 2024 г.

45. Косолапов и Персеиды

Действительно, она обозвала его козлом, равнодушным к чаяниям тех, кто олицетворяет собой все самое чистое и сокровенное, самое невыразимое и глубокое...

А он, как ошпаренный ее несправедливостью, сорвался с места.

— Косолапушка, вернись! — кричала Маша вслед смертельно оскорбленному мужу.

Но Косолапов даже не обернулся, удаляясь от жены скорым шагом и постепенно погружаясь в раннюю августовскую ночь.

— Вот ведь сколопендра, — думал он, — нет, чтобы расплакаться по-хорошему, душевно раскаяться и загладить свою вину, так она наоборот... посмела еще насмехаться и обозвала козлом. Откуда она взяла, что я равнодушен к утвержденным и одобренным чаяниям? Избавиться она от меня хочет, вот что...

Так думал он, пробираясь вглубь парка, где на скамейках обычно обнимались все, кому не лень. Но сейчас парк был совершенно пуст, и редкие фонари, скрытые листвой, тускло и растерянно моргали.

— Странно, что никого нет, — продолжал думать он, — казалось бы, погода располагает к этому самому, в смысле — к любовным приключениям. А никого все равно нет!

Тут он заметил в ночном небе целый рой несущихся куда-то разноцветных огней.

— Теперь понятно, почему народ по домам сидит, — решил он, — Персеидов испугались, обыватели безмозглые...

И вот, представьте себе, один маленький метеорит со свистом брякнулся в кусты, совсем рядом с урной, а другой — вы не поверите — тоже со свистом сбил с Косолапова шляпу.

После ссоры с Машкой, как обычно, не хотелось жить, и Косолапов даже пожалел, что метеор ограничился шляпой, вместо того, чтобы даровать ему, Косолапову, космическую гибель...

— Странно, — сказал он сам себе шепотом, — как это можно одновременно хотеть двух несовместимых вещей. Вот я, само собой, жажду, чтоб метеорит снес мне голову, и одновременно очень этого боюсь и не хочу. Это что — раздвоение личности от наплыва невозможных чувств? Как с этим жить? Спросить, опять же, не у кого...

Не успел он как следует обдумать посетившую его мысль, как прямо над его головой с ревом пронесся громадный углистый метеорит.

— Идти вперед, выпрямившись в полный рост, конечно, было бы с моей стороны геройством, но слишком уж это опасно, — подумал Косолапов, подобрал продырявленную шляпу и залез под скамейку.

— Хорошо, что никто сейчас меня не видит, — признался он сам себе со стыдом.

Лежа на голой земле, наблюдал он сквозь щели в досках, как все новые метеоры и метеорчики неслись к земле и с шипением угасали совсем недалеко от него. Ему казалось даже, что теперь они специально кружатся над лавкой, под которой он прятался.

— Странно, что они кружатся надо мной, — думал Косолапов, — ну, что я лично им плохого сделал? Почему они выбрали именно меня?

Так прошло некоторое время...

— Будь, что будет, — прошептал Косолапов, устав лежать под лавкой и решительно вылезая во враждебную ночь. — Все равно когда-нибудь придется умереть. Почему не сейчас? К тому же долго лежать на голой земле тоже опасно для здоровья и неприятно...

Метеорный дождь все еще продолжался, но теперь начал охотиться за кем-то еще. За кем же — в этом пустынном парке?

И тут в глубине аллеи Косолапов увидел свою бесконечно родную Машу, бегущую ему навстречу.

«Зря я о ней плохо подумал,» — сообразил Косолапов.

— Любимый, прости, — только и успела она шепнуть, упав в его объятия.

А огромный раскаленный углистый хондрит уже падал сверху прямо на них, но в последний момент зацепился за кленовую ветку и застрял в листве.

Его багровое свечение озаряло двух обнявшихся, застывших людей с навсегда одинаковыми мыслями...

9 сентября 2024 г.

46. Открытие Проклятушкина

Прогуливались мы как-то с Проклятушкиным по ближним лесопосадкам. Одни сплошные осинники там и больше ничего. Пустотища. И он ни с того ни с сего вдруг говорит:

— Слушай, Саня, вот — что такое жизнь? Пусть не твоя, пусть хоть чья-нибудь еще. Что она такое? Можешь ответить?

Ну а что я? Я ничего против жизни как таковой не имею. Я маленький человек. Но жизнь, как таковая, она, конечно, не такая, как моя... Вот это самое примерно я ему и говорю.

А он руками разводит:

— Вот и все так говорят, а вглубь посмотреть не могут. Боятся. Труссы хреновы...

Ну, я тогда:

— А зачем, зачем вглубь смотреть? Что это хорошего может нам дать, кроме неприятностей?

А он:

— Ну, я уже вглубь посмотрел. Так что другим туда глядеть не обязательно. Могут воспользоваться моими умственными прозрениями.

А я тогда:

— Жизнь, друг мой Проклятушкин, есть процесс неопиcуемый, непонятно для чего протекающий. И не следует в нее

слишком пристально вглядываться. А то — неизвестно, что может получиться...

— Э нет, братец, — сказал Проклятушкин, гордо вскинув голову. — Как это «не следует вглядываться»? Я теперь такое про нее знаю, что перевернуло у меня внутри все вверх дном.

Я, конечно, удивился и не поверил, но из вежливости промолчал.

— А то я знаю, — прошептал Проклятушкин, — что жизнь есть пещера... Темная такая, подземная. Со множеством развилок и боковых ходов. А там водятся всякие искаженные люди, похожие на тех, кого ты знал, когда они были живы. Искажено и искривленно похожие...

— Глупости, — сказал я, — жизнь — это не подземелье мрачное, где водится всякая нечисть, и откуда (если я правильно тебя понял) нет выхода, а наоборот, светлое такое эдакое...

Но Проклятушкин только засмеялся:

— Там, — сказал он с грустью и восторгом, — у каждой развилки есть два выхода. В один если пойдешь, то попадешь...

— Куда, куда? — не утерпел я.

На что он ответил спокойно и равнодушно:

— В Никуда, естественно. Куда же еще. Зато там есть и другой выход, в него если пойдешь, то...

— Ну теперь-то, теперь куда попадешь? — снова перебил его я, дрожа от предвкушения.

— А тоже в Никуда, — ответил он, улыбаясь.

2 октября 2024 г.

47. Опровержение

Внезапно ко мне подошел Счукин и спросил:

— Вот, Саня, ты пишешь рассказы? Да?

— Пишу, — сознался я и покраснел от удовольствия.

— И давно? — равнодушно спросил Счукин.

— Относительно, — сказал я неуверенным голосом.

— Что, нравится тебе писать? Время, наверно, свободное есть?

— поинтересовался он доброжелательным тоном.

Я кивнул утвердительно.

— Только какие же это рассказы, — продолжил Счукин, — так, непонятно что. Даже анекдотиками их не назовешь, настолько они фиговые...

— Я знаю, — прошептал я, побледнев.

— Еще к Бродскому зачем-то прицепился... К Иосифу, который Наше Все. Тебе, что больше делать нечего было? Зачем его лягнул?

— Я не нарочно, — пробормотал я. — Был выпимши, и оно само получилось, без моего сознательного одобрения. Трезвый я ни за что бы так не написал...

— Знаешь, что теперь будет? — строго спросил Счукин.

— З-знаю, — пролепетал я.

— Ни хрена ты не знаешь! Выгонят тебя отовсюду. Никто тебе ни руки, ни ноги не подаст. А может, и похуже чего тебе грозит ...

— Я все исправлю, я заглажу, — взмолился я. — Я напишу опровержение. Потом у меня обстоятельство смягчающее. Я в детстве заболеванием головного мозга страдал, еле выкарабкался...

— Вот это — другое дело, — сжалился Счукин. — Справка есть?

— Справка потерялась при переезде, — отвечал я с тревогой, — но я могу пройти обследование и получить новую...

— О том, что ты дурак? — осведомился Счукин, глядя на меня с сожалением.

Тут я буквально остолбенел от страха, а он, посмотрев на меня еще раз с презрением, повергнулся и ушел.

— Счукин, стой! — закричал я. — Как ты можешь оставлять меня одного в безвыходном положении, не дав доброго совета?

Но он даже не обернулся и скрылся в уличной толпе.

Отчаяние охватило меня.

Я побежал домой, схватил карандаш и какой-то древний, расплывающийся клочок бумаги и написал крупными буквами:

ОПРОВЕРЖЕНИЕ

Ввиду непереносимости мною алкоголя даже в минимальных количествах вследствие перенесенного в раннем детстве острого психического заболевания прошу считать недействительным

мою злонамеренную инсинуацию касательно феномена «пошлость» якобы присущего отдельным вырванным мною из контекста возвышенным метафорам одного великого Поэта имя которого опасаясь озвучивать по причине стесненного материального положения.

Написав это, я буквально на минуту отвернулся от письменного стола, ища взглядом подходящий конверт. И, надо же такому случиться, что как раз в этот момент в открытое окно влетела какая-то пестрая птица, похожая на дрозда, схватила исписанный мною клочок и улетела прочь...

Ошеломленный тайной связью высокой поэзии с прозой собственной никудышной жизни, я бросился ловить коварную птицу, гнездившуюся неподалеку. Да, это точно был дрозд...

— Отдай мое Опровержение, негодяй! — крикнул я ему, для верности погрозив скверной птице кирпичом...

4 октября – 12 ноября 2024 г.

48. Унизить и забыть (приснившаяся история)

После тяжелого дня мне приснился Иксевич, которого я никогда раньше не видел. Внешность его я описать затрудняюсь, но помню, что вид у него был довольно неприятный.

И вот этот тип говорит мне в коридоре: «Унизить ребенка, это — сломать ему жизнь. Он потом эту рану долго будет зализывать. Не дай Бог ему, когда повзрослеет, тоже захочется других унижать». Так он сказал почему-то, ни к селу, ни к городу.

Я уже не помню, что ответил ему. Помню только, что сильно удивился.

— Ребенка? Унизить? — вот, что я сказал. — Это ненормально. Зачем такое?

Он только хмыкнул. А потом произнес:

— А вот старого человека унизить, это совсем другое дело...

Я опять не понял, зачем он завел эту шарманку.

— Старого? Зачем? С какой целью? — спросил я.

Он замолчал, а потом вдруг:

— Цель может быть не осознана. Но главное в другом. Унизить старика или старуху — это значит их убить...

— Не понимаю, — сказал я, — почему ты так решил. Мало ли, как бывает на свете. Всего не предусмотреть. Нагрубишь кому-нибудь в сердцах, потом святое дело — прийти с бутылкой и повиниться со всей присущей искренностью...

Тут, смотря, — он растерялся. Не знает, что ответить.

Наконец, говорит:

— Саня, надоел ты со своей бутылкой и закуской. Совсем о другом речь. Вот, я видел, как интеллигентные, культурные люди, испытывая упоение, унизили человека, и тот умер. А им — хоть бы хны. Не поняли, что натворили...

— Не может такого быть, — ответил я ему во сне. — Ты чего-то недоговариваешь. Как это, интеллигентные, приличные люди бросили умирающего и пошли по своим делам? А ты что в это время делал, куда смотрел? И вообще, тот человек, который умер — он был кто?

— Да, я нарочно не все сказал, — ответил Иксевич, подумав. — Тот тип, который умер, он, в общем и целом — хороший был человек и большое ему от меня спасибо за кое-что. Больше о нем знать тебе не обязательно. А умер он не тогда же, а спустя год, от рака.

— От рака каждый помереть может, — возразил я. — Тут связь не прослеживается. Унизили, это ладно. Проехали. Но смерть бедняги тут ни при чем.

— Думай, что хочешь, — не согласился он и добавил нехотя:

— У старого человека от унижения временно ослабляется иммунная система, туда пролезает рак, а через полгода или год — все, кранты. Убийцы приходят на похороны, приносят цветочки и промокают слезу...

— Мда, — сказал я. — Как интересно! А то жить стало скучновато... Хотя, думаю, антинаучно все это.

А потом спросил:

— А что, Петр Иксевич, с убийцами ты до сих пор общаешься?

— Приходится, — ответил он сухо.

11 октября 2024 г.

49. Господин Грюблин

Потрясение накрыло Грюблина как смрадная туча. Он чуть не задохнулся от сделанного открытия.

Его подружка, Луизка, ради которой он и вернулся, была съедена изнутри, а оболочка осталась нетронутой и вводила в заблуждение своей до боли знакомой, милой, виноватой улыбкой. Он пригляделся к остальной танцующей публике и довольно скоро понял, что никого, кроме оболочников, здесь нет.

«Раз тут вообще все такие, — подумал он, — надо смываться».

Как же Грюблин определял оболочников? Этого не понимал он сам. Возможно — по пустому взгляду и слегка угловатым механическим жестам? «Главное, не подавать виду, что я догадался, куда попал,» — решил он и стал думать, как незаметно исчезнуть.

Но не тут-то было.

Сразу две миловидные оболочницы схватили его за руки и поволокли к металлическому аппарату, мирно гудевшему в углу.

Грюблин был настолько опустошен своим открытием, что вырываться из их гладких конечностей у него не было сил. Он сразу почему-то обмяк. Ему стало безразлично, куда и зачем его тащат под ритмичную музыку...

На мгновение (которое непонятно сколько длилось) он потерял чувство реальности, а когда очнулся, обнаружил себя в крошечной тьме, наглухо пристегнутым к креслу, причем голова его была со всех сторон зажата непонятным гудящим устройством.

Несмотря на полный мрак, каким-то внутренним зрением он вскоре сумел различить небольшое существо, размером с муху, которое металось в темноте, пытаясь выбраться наружу.

«А ведь это — мое собственное “Я”, — подумал Грюблин. — Эх, не выбраться ему. Что они собираются с бедняжкой сделать? Прихлопнут, наверно, только и всего».

Его удивляло, что теперь он мог наблюдать со стороны за своим собственным «Я». Это было забавно. Не менее удивительно и забавно было и то, что он не испытывал к своему крошечному «Я» никакого сочувствия.

Внезапно Грюблин ощутил легкое шевеление в левом ухе, а мухообразное «Я» исчезло из поля его внутреннего зрения...

«Что бы это могло значить?» — только и успел он подумать, как тьма вдруг сменилась ярким светом.

Он все еще был пристегнут к креслу, но металлическое устройство с головы было снято. Вокруг толпились чем-то недовольные оболочники и оболочницы (среди которых Луизка выделялась своей нездешней, невозможной красотой).

— Где оно? — грубо спросил кто-то.

— Оно умерло, — спокойно ответил Грюблин, зная, что врет.

— Тогда ладно, — сказал еще кто-то, и все отправились танцевать.

13 октября 2024 г.

50. Я замахнулся

Заметил я, что она все больше грустит и о чем-то думает, а мне не говорит. Смотрит молча в окно и думает, неизвестно о чем.

Однажды сказала мне: «Я непонятно, зачем живу».

Я, конечно, схватился за сердце и отчитал ее:

— Не смей так говорить, дура. Тебе просто не дано этого знать. С этим нужно смириться и не болтать глупости и мне тем самым настроение портить.

А она, на меня не глядя, отвечает:

— Мне лучше знать, что мне дано, а что не дано. Сбавь, пожалуйста, свой тон, дружок.

И в окно продолжает зачем-то глядеть, как будто со мной ей неинтересно. А за окном что-то ей интереснее, чем я, хотя там ничего вообще нет. Одни деревья облезлые, провода обвислые, лужи неприглядные, воробьи безродные...

— Что значит «сбавь свой тон»? — вежливо спросил тогда я, но не дождался ответа от стервы.

И тут вдруг она говорит:

— А ты, Саня, хоть сам-то знаешь, зачем живешь?

Ну я, конечно, не растерялся и говорю:

— Дура ты стоеросовая. Не понимаешь, что ли, что я живу ради тебя. Поняла теперь, паршивка ненормальная?

А она:

— Первый раз такое слышу. Вот же, навязался на мою голову чертов врун...

А я тогда:

— Ну, что с тебя взять! Раз ты себе такое недоверие позволяешь в отношении меня! Кого хочешь, спроси. Тебе каждый подтвердит, что, мол, все чистая правда с моей стороны. Поскольку я вообще в жизни ни разу не соврал...

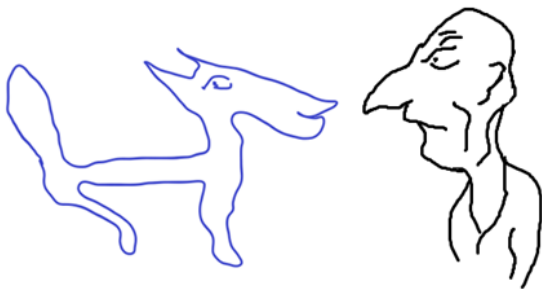
А она:

— Вот беда-то какая... Ради меня он, оказывается, живет, хрен собачий. А если бы меня не было, ты бы что?

— Молчи, дура, — отвечаю ей. — Ты сама не понимаешь, что мелешь. Совсем ума у тебя нет. Безмозглая твоя сущность!

Так я сказал и, случайно, на нее замахнулся. Потом пожалел, конечно. Поскольку она забралась под шкаф и оттуда от страху не выходит и шипит...

16 октября 2024 г.

К рассказу «Я замахнулся»

51. История с черепахой

Женщина, в которую Иван был безрезультатно влюблен последние двадцать лет, внезапно улыбнулась ему. И первая поздоровалась, вспомнив, как его зовут. А он, подслеповатый, даже не сразу понял, какое чудо произошло. И ответил ей только тогда, когда она уже возмущенно хлопнула кабинетной дверью.

Впечатление, под которым он находился до этого неудачного момента, было настолько сильным, что он почти не расстроился.

«Бывает,» — подумал он и побрел дальше по своему служебному делу, плохо соображая, куда идет и чего ему, собственно, надо.

Но что же, что же могло произвести на него такое оглушающее и ослепляющее впечатление...

— Возможно, какое-нибудь общечеловеческое или историческое событие, — подумает, наверно, проницательный читатель. — Какое-нибудь извержение или наводнение с бесчисленными жертвами на африканском континенте. Или чья-нибудь отдельная судьба представителя угнетенных аборигенов, наполненная бескрайними страданиями...

Ах, если бы это было так... Но наш Иван Петрович уже настолько задубел за долгие годы унылой жизни, что все, что не касалось непосредственно его самого, не производило на него никакого впечатления.

— Что же это за человек такой? — возмутится, наверное, читатель. И спросит автора:

— Нельзя ли было какого-нибудь другого героя избрать для повествования? А то этот уж больно какой-то завалящий...

— Нет, дорогой читатель, — ответит огорченный и смущенный автор, — никак нельзя было. Поскольку, в общем, как бы это помягче выразиться... Ну, надеюсь, вы поняли. А если не поняли, то тоже не беда.

А все дело было в том, что с утра, по дороге на службу, рассматривал наш Иван витрину в мебельном магазине, где непонятно почему красовался дорогостоящий аквариум с водяной черепахой.

Размахивая лапами, небольшая черепаха подплыла к стеклу и очутилась прямо-таки нос к носу с Иван Петровичем. Лихорадочные жесты маленьких ластов и взгляд крошечных черных глаз ясно сказали нашему Ивану:

— Спаси меня, незнакомый человек! Забери, если можешь, из этого ада, где я не знаю, кто я и зачем живу!

Иван Петрович впервые за долгие годы однообразной жизни почувствовал в другом существе родственную душу; возмож-

но даже, что произошло долгожданное квантовое запутывание сердец...

Опаздывая на службу, Иван решительно вошел в мебельный и, не раздумывая, потребовал продать ему животное, плавающее на витрине в аквариуме.

Две бойкие сотрудницы не стали звать охрану, а вместо этого, улыбаясь, вежливо объяснили Ивану, сколько стоит редкое водоплавающее животное.

Вот почему Иван Петрович имел такой бледный и понурый вид, столкнувшись в коридоре с женщиной, в которую длительное время был, вроде бы, безрезультатно влюблен.

«Я не смог и наверняка не смогу освободить существо, которое мне внезапно стало дороже всего на свете,» — думал он, блуждая по служебным коридорам и пожарным лестницам...

В конце рабочего дня стемнело; шел мерзкий дождь со снегом. Припав к витринному стеклу, Иван пытался различить в водной глубине, среди искусственных камней и водорослей, спрятавшееся любимое существо. Но он был подслеповат, и ничего не увидел.

* * *

Случившееся настолько потрясло Ивана, задубевшего в глубоком безразличии к миру, что он сменил привычный маршрут и добирался теперь на работу окольными путями. Шли месяцы, промозглая слякоть сменилась жуткими холодами, потом, по заведенному обычаю, пригрело солнце... И наш Иван внезапно решился провести еще раз любимое животное, томившееся в стеклянной тюрьме.

И что же он увидел, подойдя к мебельной витрине? Вы не поверите, но у маленькой черепахи появился муж, который хвостом отогнал свою супругу от витринного стекла, не позволив ей даже встретиться взглядом с подозрительным субъектом.

— Уходи отсюда, пока цел, ничтожный человек, — сказал черепах, глядя на измученного Ивана.

26 октября – 11 ноября 2024 г.

52. Жизнь зашла в тупик

Вздохов подошел ко мне с довольным видом и спросил:

— Что, Саня, твоя жизнь случайно не зашла ли в тупик? Нет? Или все-таки зашла? А?

— Возможно, — сказал я, прищурившись.

— А, по-моему, — заметил он участливо, — она у тебя все-таки туда зашла. В смысле, в тупик.

— Не все ли равно, — ответил я равнодушно, разглядывая свои ботинки. — Мне на это наплевать. В смысле, с высокой горы.

— Не может быть, — сказал он убежденно, — чтоб тебе было настолько наплевать... Как-то не верится...

— А мне наплевать, — сказал я еще равнодушнее, глядя на облака, — что тебе не верится. Опять же, с высокой горы.

— Не верю, не верю, — пробормотал он с болью в голосе, — что ты настолько безразличен к самому себе. Обратись к психологу, он научит тебя, как снова полюбить жизнь и себя в ней!

Я ответил коротко, но матом.

Он вздохнул и спросил, немного стеснясь:

— Совершал ли ты в жизни хорошие поступки?

— Нет, ни разу, — твердо ответил я, глядя ему в глаза. — Совершал только плохие или, иногда, нейтральные. Других не припомню...

— Эх ты, — сказал он сочувственно. — А я вот совершил когда-то хороший поступок и до сих пор забыть не могу, только им и живу. А плохих не совершал никогда!

— Негусто, — сказал я. — Какой-то один паршивый хороший поступок за всю паршивую жизнь, и больше ничего... Не завидую я тебе.

— Зато я не в тупике, как ты, — торжествовал он.

— А в чем твой хороший поступок заключался? — спросил я равнодушно.

— Нужно было пожертвовать собой, причем так, чтоб об этом никто не узнал... — ответил он с придыханием. (Тут слезы появились у него на глазах.)

— Почему тогда ты жив? — спросил я еще равнодушнее.

Он обиделся, но все-таки ответил:

— Понимаешь, в последний момент обстоятельства изменились, поэтому мне не пришлось... Но я твердо решил... Я бы не отступил...

— Тьфу, — сказал я, — «твердо решил» — это не считается. Ничего ты, оказывается, не совершил. Жаль мне тебя.

— Нет, — закричал он, махая руками, — я совершил, я знаю...

Я даже не стал отвечать ему, настолько это было с его стороны несерьезно. Зачем разочаровывать человека? Пусть себе думает, что не зря жил... Поступок он, видите ли, мысленно совершил. Смех один.

6 декабря 2024 г.

53. Загрызуха (сказка)

Разговор, доносившийся до Ивана, был какой-то дурацкий. Тонкий голос с тоской произнес:

— Ну вот, въехали мы в Вену. А зачем?

Тут толстый голос ему возразил, раздраженно так:

— Что, сам сообразить не можешь? Думай своей головой!

«Действительно, — подумал Иван, — глупость какая. Все-таки музыкальная столица мира. В Оперу можно сходить, а еще — в музеи всякие. Да хоть по улицам пройти, архитектурой полюбоваться».

И сделалось Ивану горько и обидно, что живут на свете настолько бестолковые люди. Так обидно, что он сразу же заснул от огорчения. И сон его был глубокий, как Марианская впадина, а может быть, еще глубже. И сколько он продолжался, тоже неизвестно. В какой-то момент захотелось Ивану освободиться от этого сна, но он не знал, как это сделать.

И вдруг, представьте себе, ему это удалось. А может быть, это получилось само собой.

С трудом расправил Иван затекшие плечи, протер глаза и обнаружил себя сидящим на деревянном сундуке в полутемном складском помещении, куда дневной свет едва проникал сквозь дверную щель.

Сразу же Иван обнаружил, что одет в рваный больничный халат. Видимо, это был тот самый халат, в котором... в котором... Как ни старался Иван, вспомнить — откуда взялся этот халат, у него не получалось. «Подумаешь, — сказал он сам себе, — не все ли равно, какой халат». Ступив босыми ногами на бетонный пол, решил он сначала обследовать помещение, а потом уже выбираться на волю. Вдоль стен тянулись длинные шершавые стеллажи, уставленные сосудами необычайной формы.

— Что бы это могло быть? — пробормотал Иван и вдруг, к своему ужасу, услышал в ответ:

— Интересуетесь, Иван Григорьевич, содержимым сосудов здешних?

— Откуда вы знаете мое имя? Кто вы? — вскричал Иван, уставившись на незнакомца, неизвестно откуда возникшего.

— Моя фамилия Недогрибов, — представился худой как жердь незнакомец и поклонился Ивану. — А ваше имя, между прочим, вот тут написано. Я своими глазами видел, как вы именно отсюда вылезли...

И Недогрибов показал на небольшую пластмассовую кастрюльку с неплотно завинченной крышкой.

— Вот, полюбуйтесь, — продолжал он, не обращая внимания на потрясенного Ивана, — все, что нужно, тут про вас сказано. Ваше, как говорится, ФИО и даты жизни.

— Так я, получается, умер?

— Успокойтесь, успокойтесь, только не шумите ... А то разбудите Вислоухича, он нажалуется на нас уборщице... Редкий негодай... Прирожденный ябедник...А так-то, вы, конечно, уже умерли. Годик уже прошел, как сюда вас на полку поставили.

— Выходит, мы с вами — не востребовавшие прахи? — с трудом выдавил из себя Иван и чуть не заплакал.

— Поймите, Иван Григорьевич дорогой, быть не востребованным иногда лучше, чем быть востребованным теми, кто тебе не дорог, или умственно чужд, или (не дай Бог, конечно) придерживается каких-нибудь людоедских взглядов.

Слегка успокоившись, Иван спросил своего тощего собеседника:

— И что же, в каждой кастрюльке здесь кто-то живет и время от времени оттуда вылезает?

— Должен вас разочаровать, — сокрушенно отвечал Недогрибов. — Не в каждой, как вы изволили выразиться, кастрюльке имеется обитатель. Все зависит от условий, при которых происходила кремация. Если, допустим, напряжение в сети падало, то это — как раз наш с вами случай. А если напряжение было в норме, то, сами понимаете, никаких шансов выжить у такого покойника не было.

Получив такие исчерпывающие разъяснения, Иван совершенно пришел в себя. И все же один вопрос вертелся у него на языке:

— Но почему никто из таких, как мы, не покидает эту мрачную кладовую?

— Эх, молодой человек, — вздохнул погрузневший Недогрибов. — Этому препятствуют соответствующие физические законы. Лампы дневного света, круглосуточно горящие за дверью, не дают нам покинуть это помещение. Их свет губителен для нас. И оттого — самое страшное, с чем мы сталкиваемся здесь, это сука. И еще, конечно, неприятные соседи вроде этого, как его...

Слушая своего многоопытного собеседника, Иван, чьи глаза уже достаточно привыкли к темноте, внимательно изучал надписи на урнах и капсулах, заполнявших стеллажи.

— Ой, смотрите, — воскликнул Иван, пораженный неожиданным открытием, — что это?

На красивой урне зеленоватого цвета золотыми буквами было написано: «Служебная сука-медалистка. Кличка “Загрызуха”».

— Это очень милая собаченция, — промолвил Недогрибов. — Сейчас она крепко спит. Отчего умерла? Грызла какое-то вещественное доказательство и подавилась. Все наши ее просто обожают. Жаль, что завтра ее должны увезти. Памятник ей уже готов из мрамора.

— Кстати, — продолжил Недогрибов, смерив взглядом Ивана, — если вы мне поможете, у нас есть шанс оставить ее здесь, а Вислоухича отправить в интересное путешествие... На элитное собачье кладбище.

С этими словами Недогрибов на цыпочках подкрался к зеленоватой урне и начал откручивать крышку, которая на удивление легко поддалась.

— Но это же бесчеловечно, — промямлил Иван.

— Я знаю, — холодно ответил Недогрибов, держа в руках маленькую, скулящую во сне собачью капсулу.

2018–2025 г.

54. Кикимора

Родион Моисеевич тоже присел на лавочку в сквере и ни с того ни сего говорит:

— В старости, когда уже и немощь подступает, приятно вспоминать слова любви, которые слышал когда-то. Вот я, например, был обделен в таком плане. Почти лишен этого удовольствия...

— Слова любви? — удивился я. — А что в них такого. Я вот, к примеру, пятьсот раз их слышал. А толку?

— Не ври, Саня, — почему-то не поверил мне Родион. — Ну где ты их мог слышать в таком количестве? Нехорошо врать в нашем возрасте...

— Как где? — опять удивился я. — Дома у себя слышал, когда по телику какую-то фигню смотрел. Ты чего это, Родиоша, такой недоверчивый?

— По телевизору не считается, — ответил он, внезапно повеселев. — А я вот слышал на самом деле, хотя и по телефону...

— По телефону тоже не считается, — злорадно ухмыльнулся я. — Чем это телефон лучше телевизора?

Тут он говорит:

— Не придуривайся, Саня. Сам, что ли, не видишь разницы?

Я, само собой, отвечаю:

— Ну хорошо, пусть есть разница. Но все равно пятьсот раз по телевизору лучше, чем один раз по телефону. Тем более, может, кто-то ошибся номером.

— Нет, — не согласился он. — Все как раз наоборот. Ты, Саня, просто издеваешься надо мной из хамской вредности.

Я, конечно, протестовал как мог, но он продолжал:

— Кстати, ты даже не знаешь, от кого я эти слова услышал...

— От кикиморы какой-нибудь, — предположил я.

— Да, именно от одной кикиморы, — неожиданно согласился он.

— Ну, если от кикиморы — то пожалуйста, — сказал я великодушно. — Кикиморы в наше время — вообще редкость. А тут еще такие разговорчивые... Где ж ты ее раздобыл, Родиоша? И, главное, скажи — у тебя что-нибудь с ней было?

— Ничего такого не было, — успокоил он меня. — Я бы, даже если бы чего-то такого захотел, все равно не решился бы.

— Ну и козел же ты, — сказал я.

— Она в луже лежала, — объяснил он свое поведение.

— Ух ты, — сказал я. — В луже! Офигенно!

— Но, чисто по-человечески, она — очень достойный человек, — внезапно добавил он.

— И что же, — поинтересовался я, — она в луже лежит, а ты ей свой телефон диктуешь?

— Нет, конечно, — отвечает он. — Это было бы с моей стороны бестактностью. И могло быть неверно понято. Она потом мой телефон у соседки узнала... Она вообще интеллигентная женщина...

— Ну хорошо, — сказал я. — Тогда объясни мне как старому другу, почему у тебя с ней потом ничего не было?

Он отвечает:

— Сам не знаю. Что-то помешало. Еще она некрасивая очень... Вот это и помешало.

— Эх ты, — сказал я, — бабник недоделанный. Упустил, наверно, свое счастье.

— Может, и так, — вздохнул он. Потом встал и ушел, шаркая по листьям. Даже не попрощался, негодай.

25 августа 2023 г.

55. Колясочник

Я уж совсем было разочаровался в окружающем мире, и жизнь моя мне надоела. К тому же, здоровье мое пошатнулось, и с друзьями на почве кой-чего насмерть рассорился. А тут еще этот неподъемный инвалид на допотопной коляске. Которого в подъезд под углом в 45 градусов завозить надо. И мне, культурному человеку с высшим образованием материться приходится, чтоб его втащить — настолько он неподъемный. Втащил я его как-то раз

в подъезд и призадумался: «Чего это там внутри у меня так заныло? Уж не грыжа ли это проклятая и застарелая? И чего это я взялся этого инвалида наверх по ступенькам таскать вместе с его колясищей? Не сват я ему и не брат. Пусть кто-нибудь другой тащит, у кого застарелой грыжи нет.»

Так подумал я и отправился по своим делам. А по дороге продолжал думать:

«Кто ж, кроме меня самого, будет мое здоровье беречь. Никто, ясен пень. Так что, буду теперь заботиться о себе с удвоенной силой, а больше ни о ком».

Сразу как-то на сердце полегчало, и преисполнился я возвышенным настроением и равнодушием к окружающей природе и действительности. Стали мне окончательно безразличны люди, и то, что они вытворяют (сами знаете, где), и отчего потом сами страдают, а также разговоры их между собой, а, вернее сказать, ихняя утомительная брехня. Животные, большие и малые, дикие, полудикие и вконец поработанные, как собаки, тоже сделались мне безразличны до мозга своих костей. Про растения и говорить нечего. Дубы, осины, баобабы и всякие другие (не помню, как называются, да и вспоминать неохота) осточертели вместе со своими пейзажами и видами.

С недоумением смотрел я на яблони в цвету и с безразличностью — на плывущие облака.

И подумал я тогда: «Раз оно так все устроено, что не на чем глаз остановить, чтоб не возмутиться каким-нибудь уродством или гнусностью, то зачем я вообще тут, на этой бесполезной планете?»

Но я отогнал от себя эту незатейливую мысль, как муху, и отправился дальше по своим делам, не думая больше ни о чем.

А когда вернулся, вижу: черноглазая девушка лет пятнадцати (почти девочка) тащит этого самого инвалида опять внутрь подъезда, уже наполовину втащила.

«Ну, — думаю, — значит, он еще раз наружу выкатиться успел, пока я отсутствовал. И кто же она ему — внучка или кто?»

Короче, помог я ей чуть-чуть на последней пол-ступеньке, самую малость подсобил. И этот инвалид тогда мне ничего не сказал, а ей говорит:

— Деточка, как тебя зовут?

И удивился я сверх всякой меры, и заскребло что-то внутри меня, непонятно почему. И я подумал: «Конечно, хотелось бы с этой деточкой поговорить и сказать ей что-то важное. Например, какая у нее будет особенная, несусветная судьба. Но делать этого категорически нельзя».

7 сентября 2023 г.

56. Выдвижение Феи (этюд)

Случилось так, что встретил я одну Прекрасную Фею (в интернете, где же еще). Влюбился, кстати, с первого взгляда в фото и выдвинул эту Фею на конкурсе одном... На каком же конкурсе, возможно, спросите вы. А понятно, на каком. На конкурсе красоты, разумеется... На каком же еще?

Тут на меня все накнулись. Ты, говорят, не имеешь права в силу своего преклонного возраста никого в Королевы Красоты выдвигать. К тому же, у тебя зрение подкачало, один глаз вообще не видит, а другой... В общем, ты старый астигматик, и потому мы лишаем тебя права иметь собственное мнение и тем более его прилюдно выражать!

Тут расстроился я чрезвычайно, не стану скрывать.

Выпил сразу же, не помню чего, невзирая на строгое врачебное запрещение...

Думаю, у них, ненавистников моих, были свои планы, возможно, далеко идущие и небескорыстные. Вот они и взъелись на меня, чтобы прикрыть свои безупречные помыслы...

Меня, видите ли, за здорово живешь лишают права выдвигать кого угодно в Королевы Красоты. А без этого права жизнь моя лишается всякого смысла и становится мне не мила, о чем я вас сейчас с прискорбием и уведомляю.

Конечно, я подал свой протест в письменной форме — написал туда и сюда. Мол я, как полу-инвалид с детства, должен иметь расширенные права по выдвижению красавиц на конкурсах... Тем более, я человек чисто платонический, и незначительный астигматизм не мешает мне разбираться в женской красоте, а наоборот, помогает.

Знал бы я, что из этого получится, ни за что не стал бы жалобу подавать.

Кто-то из моих завистников и ненавистников настучал, что якобы имел место преступный сговор Прекрасной Феи со мной, чего категорически не могло быть в силу опять же моего преклонного возраста, сопутствующего нарушения слуха и стесненного материального положения. Если этих аргументов недостаточно для местной добровольной Полиции Нравов, я готов безвозмездно выдвинуть еще кого-нибудь в Королевы Красоты на том же конкурсе (но в другой весовой категории, разумеется).

Надеюсь, на торжество справедливости по отношению ко мне.

22 декабря 2024 г.

57. Музыка и слово

— Я почувствовал, — сказал Бекарычев, — что живу, ты не поверишь, внутри какого-то литературного произведения...

— Что за произведение? — спросил я, не скрывая своего безразличия.

Он поморщился, глядя на меня, но все-таки ответил:

— Внутри рассказа небольшого. Такого, знаешь ли, рассказика...

— Все мы живем внутри чего-то такого, — поставил я его на место.

— Точно, — сказал он, снова поморщившись. — Не один я, значит, вляпался в такое.

— А тебе, что — казалось, будто ты один такой чувствительный, — нарочно спросил я издевательски.

— Возможно, — ответил он мрачно.

— И об чем же твой рассказик-то? Или это секрет? — пошутил я.

— Хрен его знает, — ответил он чуть слышно.

— А все-таки? — захотел узнать я, хотя мне это было совершенно не нужно.

— Об одной, знаешь ли, неудаче...

— Какой такой неудаче? — спросил я еще равнодушнее, чем раньше. Мне и впрямь было слушать его болтовню совершенно неинтересно.

Но он не отвечал.

— Ты что, оглох? — спросил я деликатно.

— Сам ты оглох, — неожиданно ответил он.

— Ты что грубишь? — возмутился я. — Ты, это, знаешь ли, веди себя прилично, не хами. Не к лицу тебе это. Как и вообще никому. Не задавайся. Учись ставить себя на место другого!

— Ааа, — сказал он, непонятно почему.

Что он имел в виду, было неясно.

— Так о чем твой рассказик-то, — снова спросил я великодушно. — Тебе же самому хочется рассказать, вот и валяй, рассказывай, не строй из себя непонятно что ... А то смотреть на тебя противно.

Тут подошла к нам его подружка, он задумался, и вдруг говорит шепотом:

— А рассказик мой, он вот о чем... Приснилось мне, что живу я внутри одного литературного произведения. И по сюжету должен передать словами одну мелодийку, которая меня зацепила. Да так зацепила, что дальше ехать некуда.

И откуда взялась такая несправедливость, что слова имеют меньше силы, чем мелодии?

Странно это, но ничего поделать, вроде бы, нельзя. И по сюжету должен я эту несправедливость преодолеть...

А мелодийка, между прочим, попалась мне трагическая и одновременно танцевальная на краю пропасти. Конечно, передать ее словами невозможно. Даже думать об этом смысла нет. Чувства, которые в ней заключены, как в тюрьме, не высвобождаются словами на волю.

И все-таки, придумал я один способ. Вот, допустим, гремит у вас в ушах эта мелодия.

Вы выпиваете стакан водки и только потом читаете что-нибудь вслух.

Что читаете?

Да что угодно, хоть газету, но, желательно, с искренним большим чувством. Тогда еще может что-то сравнимое с этой музыкой получиться.

Вот читаю я, крепко выпимши, скажем, календарь, газету или журнал «Юный техник». А буквы расплываются. От слез. Почему? А потому, что вижу, как там проставлены даты жизни и смерти всяческих людей, в том числе — мои собственные.

Вот такой способ придумал я, не совсем удачный. И злоупотреблять им, конечно, не следует.

Поскольку, когда прилетят инопланетяне, вы будете, скорее всего рыдать и, находясь не в своей тарелке, не сможете оказать им должного сопротивления.

27 декабря 2024 г. – 21 января 2025 г.

58. Энцефалопатия

Как всегда, говорили только о том, что всем было неинтересно. От этого было хорошо и спокойно. Ни о ком нельзя было подумать что-нибудь неприятное. Никто не пытался даже намеком подтолкнуть нас туда, в сторону бездны.

«Боже, — подумал я, — какие люди! Все высокого морального качества, без гнильцы. Умеют себя контролировать. Одно наслаждение их слушать. Хотя и скучно до смерти, конечно. Но тут уж ничего не поделаешь... Невыносимая скука, как говорится, залог спокойной жизни.»

За оконными занавесками сгущался летний вечер, отчего-то лишенный даже незначительных звуков, словно испуганно притихший. Отсутствие обычных вечерних шепотов, скрипов и возгласов показалось мне неестественным... Возможно, не мне одному. Но никто не позволил себе высказать удивление необычным явлением природы. Обратит внимание на эту странность было бы бестактно, народ тут же разбежался бы без объяснений. Да я первый бы сбежал.

Кто-то, впрочем, завел танцевальную музыку, которая прекрасно заглушила ненормальную тишину, свирепствовавшую за окнами.

И тут, представьте себе, Червоточин, пришедший со своей Верой, внезапно сказал:

— Вот, господа, раз уж мы тут собрались, ответьте мне на вопрос: эмпатия — это хорошо или плохо?

Тут же три незамужние дамы незаметно смылись, не попрощавшись.

Все прочие застыли в некотором недоумении. Как такое можно было сказать вслух, прилюдно? Это было тем более некрасиво, что эмпатия была буквально пару дней назад внесена в Список.

И тут, как назло, из-за окна раздался истошный крик, перекрывший музыкальный рокот. Я повернул выключатель, и мы все стали напряженно вслушиваться в наступившие гнетущие сумерки. Но крик не повторился.

— Послышалось, — предположил не помню, кто.

— Давайте рассуждать логически, — сказал тогда я. — Их было трое, значит, и криков должно было быть как минимум три. А был только один. О чем это говорит? О том, что нам слышалось, а на самом деле ничего не было.

После моих слов все вздохнули с видимым облегчением.

— Кстати, — сказал Червоточин, обнимая свою Веру Древесинову, — прошу прощения! Я оговорился. Мне хотелось спросить у вас про энцефалопатию, а вовсе не про эту, как ее...

— С кем не бывает, — сказал еще кто-то.

Сразу же стало значительно легче дышать. Все же мой друг показал себя с лучшей стороны. Я даже не ожидал, что он так легко выкрутится.

И я снова включил музыку, чтобы заглушить несущуюся с улицы отвратительную, необъяснимую тишину.

— Сам не знаю, что на меня нашло, — сказал Червоточин, когда мы вдвоем вышли на балкон покурить.

Перегнувшись через балконную ограду, я разглядел внизу большой мешок, по своим очертаниям совершенно не похожий на человеческое тело.

«Мешок не шевелится, — подумал я, — значит, ничто внутри него не нуждается в моей помощи».

Второй раз за вечер я испытал значительное облегчение.

27 июня 2024

59. Кое-кто на баобабе

Сознаюсь, что не знаю, как быть с одним стишком своим. С одной стороны — очень жалко его. В смысле жалко его уничтожать и выбрасывать. Так как в нем есть, ну не знаю даже, как вам объяснить. В общем, что-то такое в нем есть. Я это твердо знаю. Хотя мне все говорят:

— Выбрось ты эту дрянь. Ни кожи, ни рожи там нет. Рифмы идиотские. А смысл каков? Хоть святых выноси, такой там смысл. Проститутки почему-то на баобабе. В общем, выбрось его поскорее, ты ж взрослый (слава Богу) человек. Даже, скорее, старый. Сам должен понимать, что нельзя так дальше жить... От графомании таблетки пей, и все пройдет само собой. Как будто ничего и не было! Ремонт сделаешь, питаться нормально начнешь...

Я, конечно, говорю:

— Выброшу дрянь обязательно. Еще немного над ней посижу, вдруг что-то получится... Есть такое предчувствие.

Мне, конечно, все говорят:

— Не будь идиотом. Прекращай немедленно. Подмети для начала, а то, стыдно сказать, три года не подметал...

Я, конечно, соглашаюсь:

— Обязательно прямо так сейчас и сделаю. Прямо вот веник возьму, сделаю с ним все, что полагается. И посуду этим веником вымою. Вообще, стану человеком снова. Может, даже женюсь на какой-нибудь кикиморе, если подвернется. Только немного над стишком еще посижу. Вдруг, это самое, что-то получится... Не могу так, на полдороге, стишок свой бросать... Подождите еще минут хотя бы пять...

Мне, конечно, все говорят:

— Немедленно бросай это дело! Никаких тебе пяти минут! Знаем мы тебя. Тебе ж веры нет, обманешь, как всегда...

Я тогда, конечно, отвечаю:

— Вот, видите, я веник уже взял. Только не мешайте. Отойдите. И потом, что значит — «обманешь, как всегда»? Я никогда в жизни никого не обманывал. Только забывал, вот и все...

Тут мне, конечно, все говорят:

— Это невозможно больше терпеть! К тому же ты веник не тем концом взял! Немедленно прекрати его жевать!

Я тогда, конечно, говорю:

— За кого вы меня принимаете? Не жевал я вашего веника! Это дискредитация. Вот, смотрите зато, какой у меня стих о любви получился...

Поэт и Баобаб

*Поэт Василий, обожая баб,
На даче вырастил огромный баобаб.
На нем росли бананы и кокосы,
А также ананасы, абрикосы
И шпроты с папиросами росли...
И женичины, таинственно-раскосы
Дары природы чудные несли
Василию...
Вот желтая, как Солнце, курага,
Вот прочие съедобные блага...
Так было.
Но случилось как-то раз,
Что испарился чертов ананас
И закричал Василий: Проститутки!
Я круглые слежу за вами сутки,
Ночами не смыкаю глаз.
Где ананас?
И разбежались женичины в испуге
И по лесам попрятались в округе.
Забиты, ошарашены, слабы,
Сбирая разрешенные грибы...
А что же баобаб?
В ветвях его печальный
Кольшется с улыбкою прощальной
Проснувшийся Тупик Судьбы
Всеобщей*

18 декабря 2024 г.

60. Горбун

Он задремал, и неожиданная мысль посетила его. Что было бы, если бы у него не было этого ужасного горба, который мешал ему ходить и заставлял все время смотреть в пол? И еще, что было бы, если бы ему в детстве не выбили случайно один глаз? И вообще, если бы он родился не тут, а там?

Он мысленно представил себя среди других, непохожих на него людей, лишенных внутреннего напряжения, более-менее веселых и всегда выглядящих естественно и, к тому же, не боящихся сболтнуть лишнего... И он сам тоже был бы таким же обыкновенным человеком. Не боялся бы ни оскорбительного чужого взгляда, ни мерзкого сочувствия...

Или все равно не был бы таким, как они, а ходил бы по улице, как сейчас, понуро глядя вниз и не поднимая головы?

Внезапно его осенила догадка. Даже и без этого ужасного горба и с вернувшимся на место выбитым глазом он все равно чувствовал бы, что мир враждебен ему. Сейчас, когда у него есть ненавистный горб, ему проще объяснять себе и другим эту враждебность мира. Его, по крайней мере, не считают сумасшедшим. Объясняют себе его поведение простительной завистью к прямоходящим. Хотя, чему там завидовать-то?

Я, подумал он, могу, по крайней мере, безнаказанно говорить людям гадости и думать про них плохо и очень плохо. Это, можно сказать, моя единственная слабость и одновременно специальность. Никто не умеет так, как я, сказать гадость в нужный момент. У всех только челюсти бессильно отвисают и слюни капаят...

Да, продолжал мечтать он, мой горб — это моя защита и источник вдохновения. Без него я был бы никто. А так я, по крайней мере, горбун. Не будь этой моей особенности, я должен был бы выбрать себе занятие по душе. Любимую, так сказать, профессию... А я не смог бы, ясен пень. Много чего еще я должен был бы сделать, как известно. И всюду потерпел бы неудачу. А почему? Потому что я — это я.

А сейчас — я ничего никому не должен.

24 ноября 2023 г.

61. Неотчетливое время

Давно ли это было? Скорее да, чем нет. Но точно не помню. Это произошло тогда, когда время было еще неотчетливым, окончательно не проявилось и висело сероватым туманом над дворами и улицами.

Я встретил эту весьма пожилую женщину недалеко от дома и проводил ее до подъезда. Сколько ей было примерно лет? Не могу сказать. Я в этом плохо разбираюсь. Где-то около 90. В общем, она была в неважном виде. Наверняка прожила потом совсем недолго. Ну, от силы год. Сейчас ее, конечно, уже нет в живых.

И вот, представьте себе, тогда же, буквально через день или два я снова встретил ее на прежнем месте и снова проводил до подъезда, так как она еле могла идти.

Я обратил внимание на то, что у нее очень умное лицо. Мы разговорились, и стало ясно, что поговорить ей не с кем. Суждения ее были необыкновенно резкими и бесстрашными. Она была, видимо, настолько стара, что уже ничего не боялась.

Я в ответ только хрюкал носом и осторожно поддакивал.

Кем она была «по жизни»?

Этого я не успел узнать.

Где были ее дети, внуки? Тоже постеснялся спросить.

Я подумал, что в свое время она наверняка видела что-то очень важное, о чем никому не смогла сказать.

Еще я представил себе, что последние годы (лет, наверно, десять или больше) она жила наедине со своим сверлящим, неуютным умом... Такой ум мешает сходить с людьми и вообще не способствует хорошему настроению.

Больше я ее не встречал.

С тех пор прошло уже изрядное количество лет. Мне пришло недавно в голову, что тогдашнее сероватое благополучие никак не скрашивало ей жизнь, а действовало, скорее, наоборот...

В лютую стужу батареи грели. Водопровод вел себя прилично. С потолка не капало. Ураганы не срывали крыш и не отвлекали на себя внимание. Все было более-менее.

И от этого бессмысленность жизни царила, не имея себе достойного конкурента.

Сейчас, конечно, все не так.
Поэтому я не боюсь глубокой старости и немощи.
Я в них просто-напросто не верю.
Откуда им взяться? Даже подумать про такое смешно.

9 января 2024 г.

62. Дискуссия

Поэт Василий (известный невежа и грубиян), поравнявшись со мной, не поздоровался, а сразу стал в позу и начал читать:

*«Ничего не приходит в голову,
Мозги тупее асфальта.
Городскому дереву голому
Накинь на плечи печаль ты.
Если будет дереву грустно,
Отдай ему шляпу, отдай носки,
Свою способность разговаривать устно,
А после тихо умри с тоски»*

— Ну, как? — спросил он озабоченно, перестав завывать.

— Что «как»? — пожелал узнать я.

— Вот как тебе это стихотворение? Хорошее оно или не очень?

— Среднее, — сказал я интеллигентно. — В смысле, бывает хуже. А что?

— Аааа, — протянул он недовольно. — Не разбираешься ты. Потому что в этом стихотворении я в концентрированном виде излагаю свое мироощущение... Разве этого мало?

— Ну, — сказал я. — Если на самом деле так, то надо заранее предупреждать. Поскольку иначе, без предупреждения, непонятно.

— Значит, ты теперь соглашаешься, что оно хорошее? — с надеждой спросил Василий.

— Неее, — сказал я. — Теперь я точно могу сказать, что оно плохое.

— Но почему, почему? — он схватился за пуговицу моего пиджака и начал ее интенсивно откручивать.

— Немедленно отпусти пуговицу, — приказал ему я. — Иначе так и не узнаешь, почему твоё стихотворение не просто плохое, а отвратительное.

Но он как будто оглох, и пуговицу не отпускал.

Тогда я, признаюсь, не выдержал и врзал ему как следует кулаком в нос.

Пуговица моя, надо сказать, к тому моменту уже была почти откручена и еле держалась.

Но я не стал его добивать и оставил валяться на земле. Я же не садист какой, в конце концов.

— Понял теперь, чего стоит твое х...реновое стихотворение? — сказал я, уходя.

26 января 2025 г.

63. Уничтожение Поэзии

Инопланетяне, когда они, наконец, придут сюда, непременно захотят уничтожить Искусство. Все его виды. Почему? Потому, что у них самих-то его нет и не было никогда. Поскольку Искусство — это, видите ли, чисто земное изобретение. Вроде колеса. На других планетах, я вас уверяю, ничего подобного нет. Почему? Да, уж поверьте, мне ли не знать. Да и литературы там тоже нет. В смысле — серьезной, а не фуфла ихнего инопланетного.

Короче — от зависти своей они начнут тут с ума сходить, Искусство выкорчевывать и всячески истреблять.

С чего начнут? Кто ж их знает, в их семиугольную голову не залезешь.

Но все-таки, кое-что можно предположить, из общепhilософских соображений.

Вот я бы, например, на их месте, начал с Поэзии. Как? Штрафовать за рифмы? Несерьезно это. Честное слово, как вы могли про меня такое даже подумать. Ведь слова могут совершенно случайно зарифмоваться между собой, без всякого злого умысла, по неосторожности.

Потом, поймите. В стихе, все ж таки, рифмы — не самое главное. А самое главное, уж поверьте мне, старику, самое главное там то, что между строк содержится и даже между слов...

Вот, значит, захотят они Поэзию уничтожить, а — фигушки! Она у них сквозь ихние щупальцы просачивается. Так просто ее, значит, не истребишь. А как тогда быть?

Оставить ее, бедную, в покое они все равно не захотят.

Кто у них там главный — издаст, конечно, приказ: найти понимающего в этом деле землянина, и посулить ему что-нибудь такое-эдакое, если он научит их, гадов, как Поэзию ухайдокать верным и недорогим способом. Так, чтоб наверняка.

Будут искать такого человека там и сям. Но никто ж, кроме меня, не знает, как это на самом деле делается.

Так что народ укажет, само собой, на меня.

— К нему, мол, идите — он один тут в Искусстве разбирается как черт собачий. И подскажет вам, как Поэзию истребить, если очень надо.

— Очень, очень нам надо, — скажут инопланетяне и отправятся прямиком ко мне, в мой приемный день.

Вот, придут они с дарами (инопланетным полутвердым сыром, космической копченой колбасой, маслом сливочным высшего инопланетного сорта и, конечно, бутылкой водки «Астероидная Особая»), выложат все на стол и скажут:

— Господин Колдуновский Перун Аркадьевич! На вас последняя надежда! Нам необходимо все ваше аборигенское так называемое искусство истребить и начать с так называемой поэзии хотим...

Я тогда отъем кусочек сыра, колбасу маслом помажу и скажу, жуя:

— А зачем вам это надо, господа гвалтнарбейцы? Может, как-нибудь без этого можно обойтись? Пусть себе живет Поэзия и вообще Искусство...

Они тогда криво и нагло усмехнутся, заметят, гады, что я ихний сыр уже жую, и скажут:

— Очень-очень нам это надо. Поскольку наша цивилизация иначе будет тут у вас чувствовать себя неудобно. Не сможет расположиться со всеми удобствами, как у себя дома. Так что, ждем-с вашего совета...

Я тогда спрячу ихнюю колбасу в рукав и скажу:

— Конечно, я знаю, как уничтожить Поэзию в два счета и вообще всякое Искусство, какое только существует. Но в каждом роде Искусства есть свои мелкие нюансы. Так что давайте, действительно, сосредоточимся на Поэзии. Вот вам верный способ:

разыщите всех поэтов и поэтишек, какие тут у нас водятся — молодых, старых и всяких разных и зачислите их на службу, где ничего делать не надо, а только огромную зарплатищу получать. Чтоб хватило на пару телохранителей, уборщицу и повариху. Вот увидите, через неделю от Поэзии останутся рожки да ножки...

Тут инопланетяне засомневаются, конечно, и засопят задумчиво:

— Странно это как-то. Мы вот хотели просто-напросто всех поэтов и поэтишек истребить, а вы нам вон что предлагаете...

Я тогда, конечно, отвечаю:

— Вы, господа, пользуетесь устарелыми методами и только вглубь Поэзию загоните и себе же хуже сделаете. Если вам мои методы кажутся недостаточными, приплачивайте еще поэтам за каждое ненаписанное стихотворение построчно. Тогда за три дня все будет кончено.

16 июня 2024 г.

64. Избавление от инопланетян

Жил себе Иван Петрович, как все, ничем от остальных не отличался. И только была у него одна-единственная особенность, о которой никто не знал (кроме его жены, разумеется). Что же это за особенность такая, которую от честных людей скрывать надо? Да ничего особенного. Особенность, как особенность. Короче, снились ему по ночам инопланетяне. Рассказывали всякую инопланетную чепуху... А утром Иван Петрович просыпался и все сразу забывал. Ничего потом из услышанного от инопланетян вспомнить не мог, как ни старался.

И вот один раз рассказали они ему такое, что он среди ночи вскочил как ужаленный.

Хочет забыть, что ему инопланетяне сказали, но на этот раз не может. Все, короче, наоборот пошло, чем обычно.

И заснуть снова, хотя еще ночь, у него не получается...

Перелез он через жену, нахлобучил шляпу себе на лоб и отправился погулять в скверике. В надежде, что непонятная, но вредная информация, сообщенная инопланетянами, сама собой выветрится.

Походил так по дорожкам Иван, пугая ночных ежей и другую ночную живность, но все без толку. Еще хуже его воображение разыгрывается.

Возвращается тогда он домой, собираясь снова все-таки заснуть и во сне этим инопланетянам сказать все, что он о них думает.

Подошел Иван к своей двери, звонит в расстроенных чувствах в звонок (хотя дверь была открыта), а жена Машка высовывается в коридор в дезабилье и спрашивает тихим ночным голосом:

— Что случилось, дорогой Ванюша? Неужели эти чертовы инопланетяне так тебя расстроили, что забыл ты, уходя, с родной женой посоветоваться? Что же они тебе такого секретного рассказали?

Обалдел тогда Иван Петрович от пронизательности своей жены и говорит:

— Извини, Машуля милая, не могу тебе сказать. Это тайна инопланетная, галактическая.

А Машуля ему отвечает:

— Ну и что, что галактическая. Все равно Расскажи, тебе же легче будет. А я обязуюсь молчать как рыба и никому не пересказывать, невзирая на уговоры и даже пытки...

— Нет, — говорит Иван со всей твердостью в голосе. — К сожалению, не смогу. Я слово во сне дал...

— Эх, Ванюша, — сказала тогда Машка, вытирая слезу, — каков ты в браке, таков и в остальной жизни, хотя бы даже и во сне. А вдруг это были жулики, притворившиеся инопланетянами? Или, еще хуже, вражеские инопланетяне, притворившиеся дружественными?

Испугался тогда Иван Петрович, посоветовался еще немного с женой и, зайдя наконец в квартиру, взял листок бумаги и написал:

*В Общество Межгалактического Контроля и Профилактики
Сновидений (ОМКПС)*

Заявление

Находясь в нетрезвом виде и притом во сне имел разговор с подозрительными инопланетянами, от которых по глупости принял на хранение галактическую вредную тайну:

ГВАЛТНАРБЕЯ КРИМБЛ ДУМБЕЛЬ ОБСТЕН-БОБСТЕН ШАНДАРАХЕЛЬ

Прошу помочь, а также принять во внимание мое чистосердечное признание.

К сему

Куролесьев Иван Петрович

Отправили они с Машкой вдвоем заявление и заснули, наконец, с облегчением.

А инопланетяне, убедившись в непригодности Иван Петровича для своих антигуманных целей, больше никогда к нему во сне не подкатывались.

Одно только небольшое неудобство пришлось Ивану и Машке перетерпеть. Прислали из ОМКПС (на месяц) ночную молодую сотрудницу для контроля за ситуацией на местах.

19 октября 2024 г. – 30 января 2025 г.

65. На пороге Небытия

1. В реанимации

Лежим себе в реанимации, рассуждаем.

— Женщины, — сказал Семивздохов, понизив голос, — это такие неземные, в принципе, существа, которые легко могут продать душу дьяволу... В отличие от нас, мужчин.

— Хм, — удивился я. — Сейчас кто угодно может легко продать душу дьяволу за недорогую цену. Как придет время кровь на анализ сдавать, позвони в Преисподнюю. Дежурный оттуда в процедурную подойдет; кровь сдашь, а заодно и в договоре распишешься.

— Чушь, — сказал Семивздохов сокрушенно. — Сейчас Там никто трубку не берет. Можно целый день трезвонить, а толку чуть. Автоответчик только журчит: «Ваш звонок очень важен для нас!» А вот дамы легко с ними связываются. И умудряются задорого сбавить свои лживые дырявые душонки.

— Чем они тебе так насолили, — спрашиваю, — что ты о них такого невысокого мнения?

Но он ничего мне не ответил. Оставшимися зубами скрипнул, поправил молча капельницу, но мнения своего не обосновал.

— А ты не выдумываешь, — спросил я, — насчет дам?

— Эх, — вздохнул он, — к сожалению, ничего я не выдумываю, поскольку от природы честен, прям и лишен фантазии.

— Ну и дела, — сказал я. — А как же нам тогда быть?

— Терпеть, — ответил он сокрушенно. — Отправимся, значит, в Ад на общих основаниях.

— На «общих» идти Туда, — воскликнул я, — какой ужас! А нельзя ли как-нибудь по благу пристроиться?

Тут Семивздохов призадумался и говорит шепотом:

— Есть у меня одна чертовочка на примете, широкой души и необыкновенной доброты. Экзальтированная, правда, и стишки кропающая... Рожки — загляденье, копытца — тоже супер-пупер, очень миленькие. Одним взмахом ресниц превращает черное в белое и наоборот. И никому ни в чем не отказывает. Можно попросить у нее рекомендательное письмишко...

— Ну хорошо, — говорю тогда я. — А что в том письме эта милая чертовочка твоя написать сможет?

Семивздохов отвечает:

— Не парься, Саня! Что попросим, то и напишет. Что, мол, необходимо пропустить без очереди и предоставить наилучшие условия посмертного существования двум редким негодьям, мерзавцам первостатейным и душегубцам — Семивздохову и Отброс-Копытову.

И будет нам с тобой Там всяческий почет и уважение...

Я тогда трепещу, само собой:

— А вдруг обман вскроется? Что тогда с нами будет?

Он говорит:

— Понимаешь, Саня! Нельзя всю жизнь бояться, так можно совсем человеческий облик потерять. Надо хотя бы на пороге Небытия разочек рискнуть. Потом учти, она — особа влиятельная, неимоверной убедительной силой владеющая. Мастерница офигенных взоров и огненных слов!

2. Спуск с холма

Дрюмглин, Парфен Вениаминыч, наконец взобрался на вершину холма, поросшего кустиками и жухлой травой. Солнце не желало вылезать из облаков, отчего день казался блеклым и несколько унылым. Парфен посмотрел с вершины вниз. Оставшаяся часть пути была значительно короче уже пройденной.

— Какая удача, — пробормотал он.

Тропинка теперь шла под большим уклоном, и удерживать равновесие стало непросто. Пару раз он поскользнулся, упал и вымазал в глине пиджак.

Надо сказать, что в этих местах он никогда раньше не бывал, но все вокруг казалось ему странно знакомым.

«Отчего так, — думал он, — ведь никогда раньше здесь не был».

Желтоватые цветы, попадавшиеся там и сям, пустынный горизонт и грустно-унылый рельеф целиком — все это он когда-то уже видел. Возможно, во сне?

«Какие странные, скучные места, — продолжал думать он, — может, это оттого, что день какой-то бессолнечный».

Он продолжал спускаться, скользя, и почти раскаиваясь, что затеял это путешествие.

«Надо было когда-то собраться, — убеждал себя он, — нельзя же вечно откладывать. Так можно никогда не...»

Хватаясь за тощие ветки кустиков, он продолжал спускаться все с бóльшим трудом.

Наконец, растянув сухожилие, перепрыгнул через глинистый ручей с травяными берегами, словно истекающими спокойной тоской.

«Ну вот, я и добрался,» — обрадовался Парфен, глядя на спрятавшуюся в траве серую бетонную плиту, на которой что-то было выдолблено слабо различимыми буквами.

«Жаль, что я не захватил очки, — подумал он, садясь рядом на холодную землю. — Придется читать надпись пальцами».

Надпись, прочтенная на ощупь, ничуть его не испугала.

Дрюмглин, Парфен Вениаминович — вот, что ему удалось разобрать. И еще — годы жизни, с такого-то по такой-то.

Обрадованный полученным точным знанием, он собрался в обратный путь, но тропинка, приведшая его сюда, исчезла.

27 февраля 2025 г.

66. Пасквиль

Я пробирался домой незнакомой дорогой, зимний ветер проникал в рукава моего ветхого пальто. Было уже очень поздно, и ждать автобуса не имело никакого смысла. Я петлял по кривым заснеженным переулкам и совершенно продрог. Внезапно увидел на своем пути ярко освещенный подъезд с неплотно закрытой дверью и решил зайти туда ненадолго, чтобы согреться.

Едва зашел я внутрь, как совершенно незнакомый господин весьма вальяжного вида бросился мне навстречу и со словами «Все уже вас заждались» начал трясти мне руку. Признаюсь, я настолько замерз, что объяснять этому шикарному господину его ошибку был не в состоянии. Услужливый швейцар принял как величайшую драгоценность мое драное пальтецо и облезлую шапку...

Поднимаясь по лестнице, я обернулся и увидел, как все тот же швейцар буквально выбросил на улицу какого-то невзрачного, плохо одетого человека, отчасти похожего на меня...

Совесть моя, надо сказать, не пробудилась, так как была вместе со мной сильно заморожена; потом, когда она отогрелась, я начал испытывать нестерпимые муки, проклиная себя за свое ненадлежащее поведение... Но это было потом, а тогда мои мысли целиком начал занимать пробудившийся голод.

Народ, сидевший за огромным столом, уставленным всевозможными съедобными вещами, почтительно приветствовал меня...

На приветствия я отвечал скупой, с большим достоинством, чтобы не разочаровать разодетую публику, и, в основном, ограничивался сдержанными кивками головы в разные стороны.

Место мое оказалось рядом с чрезвычайно эффектной дамой, которая сразу же шепнула мне на ухо:

— Как ты изменился за эти годы! Я тебя еле узнала.

— Это немудрено, дорогуша, — отвечал я, жуя осетрину, — моя профессия целиком уничтожила мою молодость и испортила внешность. А вот ты совершенно такая же, как тогда...

Постепенно мне удалось выяснить, что мою собеседницу зовут Иза (Изоolda) и что она — не кто-нибудь, а самая настоящая графиня де ... (Узнав это, я чуть не поперхнулся, но усилием воли взял себя в руки.) Оставалось понять, кем, по ее мнению, был я.

Иза упорно не желала называть меня по имени, но я вовсе не хотел торопить события и молча поглощал одно необычайное блюдо за другим.

Названия большинства из них были мне незнакомы, и я чуть было не попал впросак, неправильно истолковав чей-то возглас:

— Жюльен не желаете?

Через какое-то время я (все еще не зная «своего имени») окончательно убедился в том, что меня принимают за человека, способного решать «любые вопросы», причем «любыми» методами.

Роскошный ужин сменился танцами, и сразу же Иза увлекла меня в укромную комнату. (Кстати, благодаря одному обратившемуся ко мне господину, я уже знал, что «меня зовут» все-таки Жюльен Петрович.)

Иза плотно прикрыла дверь и сказала:

— Жу-жу, мне нужна твоя помощь! Но пусть это будет строго антр ну...

— К твоим услугам, Изочка, — отвечал я, не моргнув глазом. — Если это, конечно, будет мне по силам!

Она усмехнулась и небрежно бросила:

— Уж тебе-то!

— А что, собственно, стряслось? — полюбопытствовал я.

— Получила я, мон шер, самый настоящий пасквиль. Полюбуйся!

Прочтя пасквиль, я задумался на минуту и спросил:

— Сколько?

В ответ она назвала сумму, превышающую мои годовые доходы.

— И это все? — спросил я разочарованно.

— Нет, Жу-жу, это только задаток. Остальное потом...

— Так дело не пойдет, — отрезал я. — Пойми, Изочка, какие у меня будут расходы. Мне нужна вся сумма сразу.

Глаза ее расширились от возмущения.

— Изверг, — прошептала она. — Этот автор не стóит таких денег! Он же обыкновенный графоман!

— Не стóит, так не стóит, — ответил я хладнокровно. — Обращайся, милая, к кому-нибудь другому.

Она остолбенела, а я выскользнул из комнаты, быстро оделся с помощью подобоострастного швейцара и вышел. Только тогда, стоя на крыльце, заметил, что все еще сжимаю в руке листок с пасквилем, на котором автор так и не был обозначен...

Графине де (нрзб)

Все говорят — шерше ла фам

А где шерше?

Вечор я лазил по шкафам

С тоской в душе

Какую давеча херню

Я нес, ма шер

Тебя я обнаружил ню

Включив торшер

В любви безбрежной я тону

Но всюду ложь

Что было дальше — антр ну

Афронт, дебош

Вся ночь прошла ком а ля гер

О, не сердись

Ты лучше всех других мегер

Была надьсь

Внезапно ветер вырвал у меня листок с пасквилем и унес в темноту.

7 марта 2025 г.

67. Просветление

Трясогубов подошел и сказал, запинаясь:

— Завтра я уз-знаю, сколько мне осталось жить.

— В нашем возрасте это бывает полезно, — заметил я.

— Мне, — сказал Трясогубов, — желательно было бы напоследок пристроить одно мое стихотворение внутрь какого-нибудь рассказа. Ты же пишешь какие-то рассказы. Вот и вставь его туда внутрь. Как будто какой-нибудь герой сочинил...

— Не обижайся, Трясогубыч, — отвечал я ему. — Но непростое это дело. Может не получиться. Ну, давай-ка, я посмотрю, что ты там накропал.

— Вот, — говорит он, — тебе, Саня, мой стишочек. Называется «Просветление». Читай только медленно, а не наискосок, как всегда.

Прочел я стишочек, ошалел и говорю:

— Что за пошлятина с неприличными подробностями! Какое-нибудь другое, может быть, и впендюрил был в свой рассказ, который не жалко. Но вот эту дрянь — ни за что. И зачем тебе это надо?

Он отвечает:

— Видишь ли, Саня, само по себе, это моё стихó ни один приличный журнал не возьмет. А так есть хоть какая-то надежда обнародовать свою личную философию... Кстати, ты можешь всучить мое «Просветление» какому-нибудь отрицательному персонажу, раз оно тебе так противно...

— Ладно, — сказал я, — попробую. Вот тебе сюжет. Идет Отрицательная личность, смотрит по сторонам и отплевывается от увиденного. Налево посмотрит — плюнет, направо взглянет — тоже плюнет. А следом незаметно крадется Положительная личность, все это замечает и фиксирует. И вдруг видит: Отрицательная лезет в карман за носовым платком, а оттуда выпадает исписанный бумажный листочек... Годится?

— Годится, — буркнул он нервно, огляделся по сторонам и бросился куда-то бежать, оставив мне свое *Просветление*:

*Поэт внезапно принял рвотное,
А после — противоблевающее,
Но все ж блевал он как животное,
Несчастное, тупое, потное.*

*Сбылось старинное пророчество,
Забывтое сегодня начисто,*

*Что, проблевавшись в одиночестве,
Иное обретаешь качество.*

*И вновь купил Поэт блевотное,
Влекла цена, такая льготная,
А не (как в прошлый раз) улетная
И действие бесповоротное.*

*Поэт поверил в предсказание:
Прими, исчезнут угрызения,
Проблюйся, и уйдут терзания,
Растает к жизни омерзение.*

Вот такое безобразия он мне всучил. Впрочем, через пару минут Трясогубов неожиданно вернулся, вырвал листок у меня из рук и скрылся.

20 февраля 2025 г.

68. Эксперимент «Забвение»

Недавно, работая в библиотечном архиве, я наткнулся на обрывок довольно странной рукописи; ни даты написания, ни фамилии автора мне обнаружить не удалось. Мои расспросы, с которыми я обратился к симпатичной библиотекарше, тоже ни к чему не привели.

— Я работаю здесь недавно, а обнаруженному вами обрывку рукописи уж никак не меньше сорока лет..., — сказала она, рассматривая пожелтевший листок.

Вот этот заинтриговавший меня отрывок:

... Идея постановки такого эксперимента овладела мной, и я, не сообщая своим друзьям конечной задуманной мною цели, разослал им по почте парочку экспериментальных стихотворений, написанных с учетом сделанных ранее наблюдений. Я попросил своих друзей всего-навсего оценить мои опусы по 5-балльной шкале, где:

«5» — уровень Бродского;

«1» — «служил Гаврила за прилавком»,

и получил для «Забвения» и «Видения» совершенно одинаковые результаты:

«2» — шесть шт.,

«3-» — одна шт.,

«4+» — одна шт.,

«5» — одна шт.

Забвение

Я все забыл, и вспомнить нету мочи
Что делал я до наступленья ночи
С кем бутерброд делил свой пополам,
Высокогорных наблюдая лам
(Для коих низ есть верх, но сей уклад непрочен)
Я посылал привет колоколам
Ответить мне там не было охочих
И притаился в воздухе бедлам
Свербило небо в звездных многоточьях
А я не помнил, что сказать хотел
И розовел безумный чистотел
Среди растений бесполезных прочих
Для рифмы не годящихся... И вдруг
Небесный изогнулся полукруг
И я уразумел: смеясь над Бродским
Я заклинал органные басы
И жизнь бросал как тряпку на весы
Пока делил свой бедный бутерброд, с кем
Не помню

Видение

Я совершаю преступленье
Когда пишу
Слова огромны, как поленья
Как туша темная тюленья
Когда в ночи, окутан ленью
Я вас смешу.

О, кто же разбудит рифмы
Моей брехни...
— Уходим, не договорив, мы
Исчезнем, дверь не отворив, мы
Корабль твой ведем на риф мы
Ты сон стряхни
— О, нет! Не в силах я проснуться
Мне триста лет
Луна, огромная как блюдце
Не позволяет мне вернуться
И кое с кем переглянуться
Не выйдет, нет

Все еще не знаю, провалился ли мой эксперимент или нет. Оперирова исключительно словами, на первый взгляд кажется невозможным достичь того же результата, что и... (на этом месте рукопись обрывается).

Чего собирался достичь неизвестный автор, понять мне не удалось. Вообще, чего можно достичь с помощью слабо связанных по смыслу рифмующихся слов? Что имел в виду автор, написавший «мне триста лет», тоже непонятно. Может ли это быть правдой?

22 февраля 2025 г.

69. Нехорошо ругаться матом

Подошел ко мне Петя Обнищалов и говорит грустным голосом:

— Знаешь, Саня, обижен я до глубины души своей...

— Кем это, кем это? — заволновался я.

— Да не тобой, успокойся... Женщиной одной, невоздержанной на язык и необузданной в страстях своих и привязанностях...

— Как это, как это? — всполошился я.

— Не трепещи почем зря, — одернул меня он. — Всего-навсего обозвала она мое творчество одним сомнительным мексиканским словом. Притом необычного звучания...

— Какого, какого звучания?

Тут Петя призадумался на минуту, а потом произнес аккуратно по слогам: *хунь-я*.

Тогда я тоже призадумался и говорю:

— Интересно, на каком слоге у него ударение. И вообще, хотелось бы узнать, что оно значит на ихнем наречии. Но в любом случае, я уверен, что твое творчество — это, все-таки, далеко не хунья.

— Не хунья, — поправил меня он.

— Опять же, в любом случае, — сказал я, заботясь о чести своего друга, — это нельзя так оставлять. Надо предпринимать разные действия и бить во все колокола!

— Нет, Саня, — ответил он, улыбаясь беззащитной улыбкой, — не буду я ничего предпринимать, поскольку мне, как Поэту, естественно молча страдать и быть униженным при жизни. Именно такая тактика наиболее успешна для достижения бессмертия в культурном смысле...

— Но как же читатели узнают о твоих переживаниях? — задал я бестактный и глупый вопрос. — Вдруг кому-то придет в голову, что ты... что у тебя...

— Шкура толстая, как у свиньи, — продолжил он мысль, которую я не решился высказать. — Нет, Саня, я все предусмотрел. Я веду ежедневный учет всех своих переживаний, ничто не ускользнет от взыскующих истины потомков...

С этими словами он протянул мне исписанный мелким почерком листок, на котором я обнаружил стихотворение, обращенное в будущее:

Унижение Поэта

*Нехорошо ругаться матом
Сказал я женщине одной
Хоть я и был ее фанатом
Сказал с улыбкой ледяной
Она же, не смутясь, отважно
Такой мне выдала совет
Непоправимо трехэтажный
Что изумился белый свет*

*И я упал от горя мордой
В неописуемую грязь
Она же ушла походкой гордой
И смехом матерным смеясь*

17 апреля 2025 г.

Часть III

ГРАНИ ПОШЛОСТИ В ЛИТЕРАТУРЕ И ИСКУССТВЕ

1. О поэтическом глубокомыслии и пошлости (Анатолий Якобсон vs Иосиф Бродский)

Известный правозащитник и литератор Анатолий Якобсон был когда-то моим школьным учителем литературы и истории, и мне было исключительно интересно прочесть статью Владимира Фромера о Якобсоне [1]. (Статья, по моему скромному мнению, — высший класс.)

Особенно любопытными показались мне рассуждения Якобсона о поэзии Бродского. Авторитет Якобсона в диссидентских и литературных кругах позволял ему, не опасаясь быть причисленным к гонителям Бродского, говорить то, что он действительно думал. (Уверен, что такое опасение до сих пор сковывает многих.) Неожиданно для себя я обнаружил, что мое восприятие стихов Бродского мало чем отличается от высказанного моим учителем. Признаюсь, что страшно обрадовался...

Итак, приведу две цитаты из упомянутой статьи [1]:

«[Запись в дневнике Якобсона, 21.12.1977] Пастернак и Мандельштам — вершины метафорического письма и его преодоление. Ахматова — сплошное преодоление. Бродский — его декаданс. Поначалу в ярко талантливом проявлении; чем дальше, тем больше в виде собственного упадка». (конец цитаты)

И далее:

«Незадолго до смерти он [А. Якобсон], продолжая наш незавершенный спор, прочитал мне [т.е. В. Фромеру] отрывок из последнего письма Лидии Корнеевны [Чуковской]. Цитирую по памяти, но за смысл — ручаюсь: “Не понимаю, что сделало Бродского первым поэтом своего поколения. Почему во многих интеллигентных домах Москвы и Ленинграда висят его портреты. Передо мной лежат четыре его сборника. Мне его стихи кажутся на грани гениальности и графомании. Разъясните, пожалуйста, в чем тут дело”.

— Ну, — спрашиваю, — и что же ты ей напишешь?

— А то и напишу, что грань перейдена, только не в ту сторону, — сердито ответил Толя». (конец цитаты)

Теперь скажу о некоторых своих впечатлениях от стихов Бродского, а вернее — даже не от самих стихов, а от читающей публики, которая, как мне представляется, не видит очевидного.

Вот фрагмент знаменитого стихотворения «Дорогая, я вышел...»

*«Теперь тебя видят в церквях в провинции и в метрополии
на панихидах по общим друзьям, идущих теперь сплошной
чередой; и я рад, что на свете есть расстоянья более
немыслимые, чем между тобой и мною».*

О чем же говорит Поэт в этом интригующем четверостишии?

По-видимому, Поэт хочет сказать нечто совсем простое и человеческое:

«Я рад, что ты жива».

Но так сказать было бы слишком просто. И Поэт отталкивается от смерти своих друзей, не выражая по поводу их ухода сожаления. («Я рад, что существуют расстояния более невыносимые» — не походит на скорбь по ушедшим друзьям.) Эти умершие люди использованы для создания нетривиальной поэтической конструкции. Именно поэтому упомянутая поэтическая конструкция представляется мне пошлостью — ничего не могу с собой поделать.

Пошлым мне кажется и предыдущее четверостишие, где Поэт говорит о бывшей возлюбленной весьма нелестные вещи, причем обличительным тоном:

***«Четверть века назад ты питала пристрастие
к люля и к финикам,
рисовала тушью в блокноте, немножко пела,
развлекалась со мной; но потом сошлась
с инженером-химиком
и, судя по письмам, чудовищно поглупела».***

Пошлость отчасти заслонена здесь агрессивным обесцениванием бывшей подруги: «развлекалась», «сошлась», «поглупела». Как такое вообще можно было писать?

Я ощущаю это четверостишие как пошлое потому, что вижу в нем набор зафиксированных, остановленных, обездвиженных чувств.

(Одна замечательная женщина сказала мне как-то, что пошлость обычно сопровождается пафосом и омертвелыми чувствами.)

Вот одно из возможных объяснений общественного восторга, сопровождающего это стихотворение, — интеллигентные люди попросту боятся друг друга, страшатся «не понять всей глубины» поэтической мысли... Другое возможное объяснение — глухота к пошлости.

Приведу теперь кусочек из еще одного стихотворения Бродского («Квинтет»):

***«... Присядь, перекинься шуткой
с говорящей по-южному, нараспев,
обезьянкой, что спрыгнула с пальмы и, не успев
стать человеком, сделалась проституткой».***

По-моему, здесь, как и в предыдущем стихотворении, Поэт удовлетворяет свою склонность к глубокомыслию, а в результате получается высокомерная нравоучительная пошлость. Дело не только в том, что Поэт позволяет себе глядеть свысока на Природу (а проститутка, слезшая с дерева, — это часть Природы), но и в том, что его взгляд чрезвычайно поверхностен: добро и зло — плоские, примитивные; «проститутка — плохо», «человек — хорошо». Поэт не видит в проститутке человека, и это — недопустимо для поэзии.

Вот еще маленький фрагмент стихотворения «Мир создан был из смешенья грязи, воды, огня...» (1993), о котором мы когда-то

спорили с известным историком и знатоком поэзии Борисом Марковичем Тененбаумом:

«... пришли в движение буквы, в глазах рябя.

И пустоте стало страшно за самое себя.

*Первыми это почувствовали птицы — хотя звезда
тоже суть участь камня, брошенного в дрозда».*

По-моему,

«хотя звезда

тоже суть участь камня, брошенного в дрозда» —

это вершина глубокомыслия...

Для меня было достаточно этих поэтических эпизодов, чтобы разрушилась звучащая аура стиха Бродского, и даже «Осенний крик ястреба» перестал завораживать.

Все вышесказанное, конечно, не отменяет магической гениальности Бродского, а говорит только о моей поэтической тупости.

* * *

Мне показалось уместным привести здесь характеристику пошлости, данную Набоковым (см. [2]):

«На русском языке при помощи одного беспощадного слова можно выразить суть широко распространенного порока, для которого три других знакомых мне европейских языка [английский, французский и немецкий] не имеют специального обозначения. Отсутствие того или иного термина в словаре какого-нибудь народа не всегда означает отсутствие соответствующего понятия, однако мешает полноте и точности его понимания. Разнообразные оттенки явления, которое русские четко выражают словом «пошлость», рассыпаны в ряде английских слов и не составляют определенного целого».

Трудно здесь не согласиться с Набоковым; от себя хотел бы добавить, что все великолепие и суть пошлости часто бывает завуалировано такими незатейливыми и безобидными вещами как сальность, вульгарность, непристойность, бестактность... Пошлость в чистом виде должна быть интеллигентна и безупречна. Найти ее достойное изображение в литературе мне удалось лишь у одного Набокова (впрочем, чуть-чуть нашел и у Достоевского).

Но ведь какова задача — изобразить то, чему нет словесного определения! Тем интереснее было найти алмазные крупы в стихах великого поэта.

Хочу завершить свою заметку отрывком из стихотворения Бродского «*Ritratto di donna*» (1992).

*«Не первой свежести — как и цветы в её
руках. В цветах — такое же враньё
и та же жажда будущего. Карий
глаз смотрит в будущее, где
ни ваз, ни разговоров о воде.
Один гербарий.*

*Отсюда — складчатость. Сначала — рта,
потом — бордовая, с искрой, тафта,
как занавес, готовый взвиться
и обнаружить механизм ходьбы
в заросшем тупике судьбы;
смутить провидца».*

«Заросший тупик судьбы» — это, конечно, Первый приз на Международном Конкурсе Интеллигентных Метафорических Посылов! Брависсимо! (Кристалльная пошлость высшего сорта.) Как жаль, что мой учитель не дожил до этих строк...

P.S.

Честно пытался найти пошлость (не ее изображение, а ее саму) у других выдающихся и великих авторов. Кое-что нашел. Но блистательный Бродский — вне конкуренции. Кстати, благодаря Бродскому удастся, как я полагаю, наконец решить проблему, поставленную когда-то Набоковым (см. [2]). Чтобы объяснить европейцу, что такое пошлость, достаточно привести пару строк из «*Ritratto di donna*».

[1] Фромер В. «Толя» // Семь искусств, 2016, № 8. <https://7iskusstv.com/2016/Nomer8/Fromer1.php>

[2] В. Набоков. О пошлости <https://omiliya.org/article/o-poshlosti-vladimir-nabokov.html>

сентябрь 2024 г.

Вслед за И.Б. задумал и я написать несколько пошлых стихотворений. Не знаю, получилось ли...

1.1. Тупик и Трамвай

В коробке черепа зарыт
Тупик Судьбы
Разбитых множества корыт
Мы все — рабы

А в сердце запертый на ключ
Любви Трамвай
Не смей, не пробуй, не канючь,
Не открывай

Тупик Судьбы всего тупей
По вечерам
Припав в безумье как репей
К иным мирам

Трамвай Любви, ты что как пень
Застыл в тоске
Пред Тупиком Судьбы своей
В одном носке

6.10 2024

...

1.2. Поэт Vassilij

Везуч поэт Василий,
Он был гроза морей
Однако без усилий
Избегнул гонорей

Вот задерет он юбку
И если там изъян
Вздохнув, садится в шлюпку
Бросаясь в Океан...

Тупик Судьбы повсюду
Мерещится в волнах
Последнее эскудо
Зря выброшено, ах

Поэтов прочих Вася
Нисколько не хуже...
Любая б отдалася
Без ведома мужей

22.11.2024

1.3. Под Баобабом

Поэт, грустя, сидел под баобабом
И о былом он тосковал
А ветерок своим дыханьем слабым
Его неслышно обвевал

Над ним в листве, загадочно мерцая
Просвечивал Тупик Судьбы
И то живописать хотел бы без конца я
Но силы все ж мои слабы

Еще в ветвях резвились проститутки
Древесные.
Поэт напрасно к ним взывал
Они в ответ отвешивали шутки
От коих зверь в пустыне завывал

28.11. 2024

1.4.

Сгустилась туча величавая
И стала черной изнутри.
Бросает отблески кровавые,
Окутывая фонари...

Тогда сбегая с поля брани я
Струей течет с меня вода,
Измучен, скручен в рог бараний я
Забыл о Бродском навсегда

Тупик, заросший паутиною
Не стану впредь упоминать
Чтоб окончательно скотиною
Во мненье общества не стать

5.12.2024

2. Об одной литературной мистификации (Юрий Нагибин и его «Тьма...»)

Преамбула

Эту статью я написал давным-давно (году, примерно, в 2004). Тогдашняя редакция Нового мира чуть было не опубликовала ее — правда, в виде письма, что не вызвало у меня тогда особого восторга. Но взбесил я редакцию тем, что несколько раз забирал статью обратно, а потом снова предлагал ее, причем в прежнем виде. В результате, вместо радушия приема я получил решительный отказ (от кого персонально я получил такой отказ — не имеет значения). Конечно, только так и нужно воспитывать этих самых, мягко говоря, авторов. В свое оправдание могу сказать только то, что находился тогда в тяжелых личных обстоятельствах и боялся не выдержать удвоенной дозы неприятностей...

Дело осложнялось еще и тем, что из редакции (как я предполагаю) произошла утечка информации, и в одной из популярных газет почти сразу же появилась громадная статья, направленная (как мне показалось) против выводов, к которым моя статья подводила читателя.

Сейчас, спустя примерно 20 лет, я мысленно ставлю себя на место тогдашних новомирских редакторов и думаю, что, будь я на их месте, то ориентировался бы, в первую очередь, на содержание заметки, а не на применение воспитательных мер по отношению к ее автору.

В 2016 году в Мастерской на портале Евг. Берковича, которому я в высшей степени благодарен, эта заметка была впервые опубликована...

Насколько мне известно, никто из литераторов и просто читателей никогда публично не реагировал на мой анализ нагибинской мистификации. Замечу, кстати, что сам Солженицын, в свое время критически отзывавшийся о нагибинской «Тьме...», не заметил, ради чего «Тьма...» была написана.

А написана она была, как я полагаю, ради того, чтобы неопровержимо, раз и навсегда, пользуясь широким писательским инструментарием, доказать, что ее автор — не еврей.

Благодарная читательская масса, похоже, поверила Нагибину всем сердцем.

Все это кажется мне удивительным.

Сейчас, в 2024 году, исторический контекст сильно изменился, появились неслыханные прежде возможности. Было бы интересно, на мой взгляд, задать Искусственному Интеллекту вопрос:

— Какова глубинная цель нагибинской «Тьмы в конце туннеля»?

Такой эксперимент имел бы (на мой взгляд) не только литературоведческий смысл, но и был бы чем-то вроде теста Тьюринга для самого ИИ.

апрель 2024

* * *

Начну с цитаты:

«...он [Пушкин] вдруг оборвал себя на полуслове и хмуро, в упор:

— Что с тобой, Дельвиг? Ты нездоров?

— А разве я был когда-нибудь здоров? — меланхолически отозвался Дельвиг. — Мне всегда что-то мешало внутри. Помнишь, в лицее я не бегал, не боролся, не играл в мяч.

— *Ты обращался к врачам?»*

Нет, тут что-то не то. Пушкин, желая задать тот же вопрос, наверное, сказал бы так: «А что, брат, за лекарем ты не посылал?»

А вот пример из другого сочинения того же автора. Некто К. в 1919 или 1920 году пишет своей возлюбленной письмо и предвзвешивает важное сообщение фразой:

«Слушай меня внимательно».

Могло ли такое быть? Может быть, и могло. Но до боли напоминает телефонный разговор из нынешней суматошной жизни, когда делаешь кучу дел одновременно, в дверь звонят, стиральная машина гудит, да еще в телефонной трубке трещит так, что слов не разобрать...

Вообще, стилизация — дело тонкое. Один неверный шаг — и весь художественный эффект насмарку. Что касается литературной мистификации, то это, конечно, еще более трудное занятие. Подвести может даже такая мелочь как досадное совпадение авторской лексики с лексикой персонажа. Вот, например, вышеупомянутый К. пишет все в том же письме:

«Время наступает серьезное».

То есть К. употребляет слово «серьезный» не в своем основном значении, а смещает смысл этого слова. Все бы ничего, но вот что пишет сам автор той повести, где приводится письмо господина К.:

«Серьезные люди — Солженицын в их числе — считают, что <...>».

Здесь слово «серьезный» употреблено с тем же грубоватым смысловым смещением, что и в письме господина К. Вообще, надо сказать, что такое смысловое смещение прилагательного «серьезный» очень характерно для современной разговорной (и даже несколько прибалтненной) речи.

Вот еще одно интересное совпадение:

«Мне не выкрутиться <...>»

(это выдержка из письма господина К.);

«Тут уж не открутишься <...>»

(а это уже пишет автор повести в гл. 11).

Но вот, что еще пишет в своем письме господин К.:

«Сеня тоже поэт, но не до такой степени <...>».

Ироническое словосочетание «не до такой степени» как-то слишком уж на слуху в современной действительности. («Я, конечно, люблю Пушкина, но не до такой же степени», — так можно сказать своим домашним после того как, наконец, ушел гость, читавший вслух Пушкина до 2-х часов ночи). Представить, что это же ироническое словосочетание было в ходу во время Гражданской войны, трудно.

Вообще, для одного короткого письма господина К. как-то многовато фрагментов современной разговорной речи.

Однако основной аргумент, заставляющий усомниться в подлинности письма господина К., таков. В Прологе автор повести пишет, что прочел письмо господина К. спустя несколько лет после

смерти матери (вынув это письмо из конверта без адреса). Из контекста невозможно не заключить, что автор повести *только тогда* узнал, что его отцом является господин К. (**«Безадресное письмо сперва расстреляло меня, уложив намертво, затем вернуло совсем в иную жизнь»**). Но в тринадцатой главе автор повести уверяет, что узнал об указанном роковом обстоятельстве от собственной матери на исходе хрущевской оттепели, да еще и отчим присутствовал при знаменательном разговоре, уточняя некоторые обстоятельства гибели господина К.: **«Возможно, мать решила, что пора и мне узнать печальную быль своего начала. Она посоветовалась с отчимом, потому что и он присутствовал при ее рассказе. Моим отцом был Кирилл Александрович Калитин, расстрелянный на реке, увековеченной Тургеневым <...>»**

Обилие деталей и подробностей в каждом из двух упомянутых эпизодов придает им видимость достоверности, если их рассматривать порознь. Однако, взятые вместе, они опровергают друг друга, и приходится заключить, что запомнившиеся яркие детали, по крайней мере, одного из этих эпизодов (а возможно — обоих) придуманы автором повести.

И еще один важный момент. Персонажи повести — узнаваемые реальные люди; однако некоторым автор сохраняет их настоящие имена, а другим — слегка меняет, но так, чтоб можно было легко догадаться. Себя же самого автор повести именует не Юрием, а Петром.

И, наконец, вопрос: велики ли шансы, что письмо господина К. — реальный документ? На мой взгляд, это крайне маловероятно. Больше всего история господина К. напоминает мне не совсем удачную мистификацию.

Читатель, возможно, уже догадался: повесть, в которой приведено письмо господина К., — это «Тьма в конце туннеля» Юрия Нагибина, признанного классика XX века. (Самая же первая цитата взята из нагибинского рассказа «У Крестовского перевоза».)

Ниже я буду говорить в основном о «Тьме в конце туннеля».

Прежде всего, замечу, что «Тьма...» производит на непредубежденного читателя (и на меня тоже) впечатление документальной повести. Насколько я понимаю, именно так воспринял эту

повесть А.И. Солженицын^{*}, предъявив к ней претензии как к сочинению документального жанра.

Однако вся соль в том, что повесть Нагибина не имеет подзаголовка «документальная», и вот что пишет Константин Кедров в своем предисловии к недавно вышедшему тому избранных сочинений Нагибина^{**}:

«Его <Нагибина> сюжет — это исповедь автора перед всеми читателями и одновременно документально точное описание. Любая попытка определить долю вымысла заранее обречена. Нагибин настолько убедителен даже в своих фантазиях, что его не раз наивно обвиняли во лжи. Мол, в действительности все было совсем иначе. При этом забывали, что *“действительность” — это тоже выдумка автора* (курсив мой. — А.Л.). Реализм в литературе — это авторская фантазия, в которую читатель поверил. Нагибину поверили, а это значит, что он прочно остается в литературе теперь уже XXI века».

Я готов согласиться с К. Кедровым, пока речь идет об исторических сочинениях Нагибина, но не о его последних повестях, где автор рассказывает о себе и о людях, которых знал лично.

На мой взгляд, смешение мемуаров с вымыслом — чрезвычайно спорный жанр, который в крайнем случае может быть оправдан лишь необходимостью решить некую внелитературную задачу (например, обмануть цензуру). Какую же сверхзадачу поставил себе Нагибин в повести «Тьма в конце туннеля» (названной Кедровым «творческим завещанием одного из крупнейших прозаиков России»)? Из текста повести очевидно, что такой сверхзадачей для Нагибина было убедить читателя в том, что письмо господина К. — подлинное.

Выше я уже объяснял, почему склонен считать это письмо мистификацией. Однако Константин Кедров принимает это письмо всерьез, что в известной мере противоречит его собственному тезису о том, что «*“действительность” — это тоже выдумка автора*»

^{*} См. Солженицын А.И. Двоеные Юрия Нагибина // Новый мир, 2003, № 4, с. 164–171.

^{**} См. Кедров К. Искусство быть настоящим. В кн.: Нагибин Ю.М. Остров любви. Любовь вождей. Тьма в конце тоннеля. Моя золотая теща. М.: ОЛМА ПРЕСС, Серия XX век — классика, 2004.

и что «любая попытка определить [у Нагибина] долю вымысла заранее обречена».

Такая нелогичность со стороны К. Кедрова сильно меня удивляет. Вот что он пишет дальше в своем предисловии:

«Главное обстоятельство, “перевернувшее всю душевную жизнь” Нагибина, — это раскрытие роковой семейной тайны. Отцом главного героя повести оказался не тот опальный, ссыльный, умирающий от голода человек, к которому он прикипел всей душой, а вполне русский Кирилл Александрович. <...> Но никакого прилива радости при своем открытии Юрий Нагибин не испытал. Чисто русское происхождение так же мало радовало, как мало радовала мнимая причастность по крови к роду лютеран Дальбергов, после революции вдруг ставших евреями».

То, что “прилива радости” не было, звучит одновременно чудовищно (чему радоваться, если человек, которого считал отцом и любил, вдруг оказался даже не родственником) и неубедительно. Ведь пишет же Нагибин по этому поводу, что получил от судьбы **ошеломляющий подарок** (см. Нагибин Ю. Тьма в конце туннеля / В кн.: Моя золотая теща. — М.: АСТ, 2004, с. 100). Кстати, этот подарок нашел свое естественное отражение в издательской аннотации, где для убеждения сомневающихся черным по белому написано: «Вниманию читателей предлагается сборник произведений известного русского писателя Юрия Нагибина».

май 2004 г.

* * *

Эпилог

Недавно кто-то меня спросил:

— Как же тебе удалось обнаружить нагибинский промах? Ведь он довольно глубоко запрятан... Солженицын, Кедров, Виктор Топоров его не заметили.

Я честно признался:

— Как прочел на 105-й странице «Тьмы...»: “У него [расстрелянного дворянина Калитина — А.Л.], так же как у вас, уши были прижаты к голове”, сразу не поверил.

март – апрель 2024 г.

Литературно-художественное издание

ЛОКШИН Александр Александрович

ПОЧТИ-ДВОЙНИК

*Фантастические повести
и рассказы*

Подготовка оригинал-макета:

Издательство «МАКС Пресс»

Главный редактор: *Е.М. Бугачева*

Компьютерная верстка: *Н.С. Давыдова*

Обложка: *А.В. Кононова*

В издании использованы рисунки А.А. Локишина

Подписано в печать 17.04.2025 г.

Формат 60х90 1/16. Усл. печ. л. 12,5. Тираж 10 экз. Заказ 050.

Издательство ООО «МАКС Пресс»

Лицензия ИД N 00510 от 01.12.99 г.

119992, ГСП-2, Москва, Ленинские горы,
МГУ им. М.В. Ломоносова, 2-й учебный корпус, 527 к.
Тел.8(495) 939-3890/91. Тел./Факс 8(495) 939-3891.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных материалов в ООО «Фотоэксперт»
109316, г. Москва, Волгоградский проспект, д. 42,
корп. 5, эт. 1, пом. I, ком. 6.3-23Н